

Василий Болотских

Повороты судьбы

Жизнь ветерана

СССР

Василий Болотских
Повороты судьбы

«Автор»

2026

Болотских В. В.

Повороты судьбы / В. В. Болотских — «Автор», 2026

Жизнь ветерана (записки пограничника). Мой отец, Болотских Василий Владимирович, прожил трудную, но достойную жизнь. Он участвовал в Финской и Великой Отечественной войнах, был награждён орденами - Красной Звезды, Отечественной войны II степени, За мужество, медалями За боевые заслуги, За отличие в охране государственной границы СССР и др. Его воспоминания, думаю, будут многим интересны.

© Болотских В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Детство	5
Глава 2. Отец	16
Глава 3. Школа	21
Глава 4. Юность	25
Глава 5. Институт	28
Глава 6. Учитель	34
Глава 7. Служба	37
Глава 8. Война с Финляндией	43
Глава 9. Накануне	47
Глава 10. Великая Отечественная	54
Глава 11. Словом и делом	64
Глава 12. Новый этап	71
Глава 13. Повороты судьбы	78
Глава 14. Севастополь	83
Глава 15. Покой мне только снится	88

Василий Болотских

Повороты судьбы

Глава 1. Детство

Родился я 1 января 1919 года. Астрологи считают, что каждый из нас, можете верить этому или нет - находится под влиянием небесных светил. Они утверждают, в частности, что все, кто родился в период с 22 декабря по 20 января находятся под влиянием звёздной системы "Козерог". Гороскоп свидетельствует, что люди, родившиеся под системой "Козерог", экстраординарны, стараются быть не похожими на других, гордые, оригинальные.

Если посмотреть знаки гороскопа, то мне выпадает "Овен". Люди этого знака наделены, как утверждают астрологи, способностью в области изящных искусств. На первый взгляд у них всё складывается удачнее, чем у других. Однако, они часто застенчивы, склонны к пессимизму, беспомощны перед жизнью. Обычно они религиозны, нерешительны. Не отличаются красноречием, но всегда отстаивают свои убеждения. Рассудительны, мягки, доброжелательны. Скажу прямо, многое из этой характеристики в жизни моей подтвердилось.

Я родился в крестьянской семье. Отец мой, Владимир Давыдович, имел среднее крестьянское хозяйство. В 1930 году вступил в колхоз, в котором занимал должность колхозного пчеловода. В гражданскую войну воевал на стороне "красных", был ранен. Во время Отечественной войны погиб на фронте. Похоронен в Херсонской области, в Ивановском районе в селе Первомайском, в братской могиле.

Моя мать, урожденная Семёнова Татьяна Кузьминична, была младшей в семье моего дедушки, Кузьмы Петровича, слывшего в селе порядочным и авторитетным человеком.

Родился я в селе Рогатике, Должанского района Орловской области. Рогатик - моя малая Родина, отчее село. Оно запомнилось мне утопающим в садах, окруженное колосющимися хлебом полями, уходящими за горизонт; куполом церкви, изумрудным ожерельем лесных массивов и рекою Кшень: тогда полноводной и рыбообильной.

Места эти были заселены ещё в XIII веке однодворцами. Это были не мужики и не дворяне, а служивые так называемой Засечной линии. Засечная линия - это система оборонительных сооружений, применявшаяся на Южных и Юго-восточных границах Русского государства для защиты от нападения татар. Так называемая Большая линия засек, построенная в 1566 году, протянулась от Рязани до Орла. Оборона засечной линии осуществлялась пограничной засечной стражей, состоящей из жителей, собираемых по одному человеку на 20 дворов и насчитывала до 35 тыс. ратных людей, дислоцированных в более 40 опорных пунктах, в том числе в таком, как город Мценск.

Кроме того, места наши заселялись внуками казнённых Петром I стрельцов. К тому времени они уже растеряли дворянские грамоты и прибыльно жили однодворцами на наших черноземах.

Однако ко времени моего рождения жители нашего села ничем не напоминали своих пращуров и жили бедно. Дома были крыты соломой, полы были земляными, печи топились не дровами, а соломой и навозом, который готовили в жаркое летнее время. Бани в нашем, да и в других сёлах не было и люди мылись редко, к Великим праздникам. В зимнее время, когда начинался период отелов, в избах размещали новорожденных телят, ягнят и свиней с поросятами. Два раза в сутки, утром и вечером, заводили в избу корову, кормили её и доили.

Однажды мы, группа ветеранов войны, отдыхая во дворе, стали рассказывать друг другу, кто где родился и провёл своё детство. Когда один из них услышал мой рассказ, он привел

случай, свидетелем которого он стал во время войны, как пример бедности населения Орловской области.

Как-то, после жаркого боя, их роту вывели на непродолжительный отдых, расселив по избам одного из селений Ливенского района. Дело было зимой и вот, утром рано, вводят в помещение корову. Она стояла в углу и смачно жевала свой тёплый корм и вдруг неожиданно стала мочиться, струя попала в кадуюшку с квасом, которая стояла позади.

И вот они слышат, как дочь говорит матери, хлопотавшей у печи: "Мама, корова в квас написала". На что мать отвечает: "Ничего, отлей оттуда ковшика три, и дело с концом."

...В нашем селе каждый двор имел своё деревенское прозвище, нас почему-то называли Поляковыми. Мне кажется, что это прозвище происходило от далёкого нашего пращура, поляка по национальности, осевшего у нас после страшного поражения в 1608 году польских интервентов под водительством пана Лисовского. Из истории известно, что некоторые из поляков разбежались тогда по русским деревням и там осели. Мнение моё подтверждается тем, что во внешности нашего отца, его братьев и особенно сестры Насти просматриваются черты польского обличия. Кроме того, наша фамилия, по-моему, является искаженной, обрусевшей формой польской фамилии Блоцкий. Сначала её сделали как Болоцкий, потом заменили букву "ц" на "тс", а потом, подражая распространённой в Рогатике фамилии Смирных, стали писать и нашу фамилию как Болотских.

Память, как фонарь на ветру, выхватывает отдельные куски прожитой жизни, ведёт к тем, кто был рядом с тобой...

Мне вспоминается последнее письмо отца, присланное мне в армию перед началом войны. Это довольно пространное письмо стало для меня и программой и уставом моей жизни.

"Избегай покровительства,- писал он,- потому что это угнетает человека, делает его не свободным, зависимым."

"Остерегайся обидеть человека словом и делом, будь немногословен, или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление."

"Умей терпеть нужду и не занимай денег, береги честь."

"О людях суди не по тому, что они думают о тебе, а по тому, что они делают."

Отец имел семь детей: пять сыновей и две дочери. Из рассказов моих братьев мне известно, что отец наш любил представлять моих братьев и своих сыновей товарищам, приходивших к нему с поллитрой, когда качали мёд. Подвыпив, он выстраивал их по ранжиру и говорил: "Шурка у меня будет технарём, механиком". (Надо сказать, что механик, в его понимании, был человеком высшей квалификации). "Этот - интеллигенция". Сергея он причислял к интеллигенции видимо только потому, что тот был высок ростом, тощ, чёрные большие глаза его горели пламенем, а лицо было благородно. Петру он предсказал быть хозяином отчего дома, то есть, заниматься крестьянством, а Алексея определил офицером. Что удивительно - предсказания его во многом сбылись.

Мать вспоминается мне в постоянной работе, в вечных хлопотах. Особенно тяжело ей приходилось в дни стирки. Трудность заключалась в том, что полоскать постиранное бельё надо было на ручье, внизу. Особенно трудно было полоскать зимой, в ледяной воде. Согнувшись над ручьём, она часами полоскала бельё. Помню, лицо её в это время багровело, нащипанное морозом... Пальцы не гнутся. из глаз текут слёзы. Наполоскав гору белья, согнувшись под тяжестью, она тащила его вверх, к дому и дома, со стоном от боли, прикладывала свои красные потрескавшиеся руки к горячей печке.

Запомнился мне и такой случай. Мне было лет семь, когда в Рогатике случилось событие, имевшее, как сейчас говорят, большой резонанс. Справлял свою свадьбу наш сосед, Сергей Павлович Ревякин, первый парень на деревне, красавец и гармонист, почему-то долгое время не женившийся. И вот наконец - свадьба...

Мой отец и Сергей были друзьями, вместе ходили на вечеринки, где Сергей виртуозно играл на гармонике, а мой отец, не менее виртуозно - на балалайке. Теперь-то мне понятно, почему вдруг мать сказала мне: "Вася, ты бы сходил на свадьбу и посмотрел бы, хороша ли невеста". Сергей Петрович нравился многим девчатам, а у моей матери возможно даже были какие-то надежды на взаимность. Но - не сложилось и тогда матушка обратила внимание на отца, годы-то брали своё...

В ответ на просьбу матери я ответил, что там все будут хорошо одеты, а у меня даже ботинок нет. И тогда она вынимает из сундука свои ботинки, в которых ещё девушкой ходила на гулянье и на спевки церковного хора (до замужества она пела в церкви) и даёт их мне примерить. Ботинки мне понравились, я надел их и пошёл на свадьбу.

В доме соседа было шумно, весело, гости пели и плясали. С трудом я протиснулся вперёд и очутился прямо перед невестой. Конечно, в том возрасте оценить женскую красоту по достоинству я ещё не мог, но помню, что невеста мне понравилась. Я стоял, как зачарованный, набившаяся в избу публика оттирала меня, но я сопротивлялся. В толчее кто-то наступил мне на ногу, я рванулся, да так энергично, что от ботинка оторвалась подошва...Боже мой, как же мне было жалко испорченного ботинка! Сняв ботинки, я босиком побежал домой.

К моему удивлению, мать не проявив особых эмоций по поводу ботинка, первым делом спросила: "Видел невесту? Хороша ли?" И выслушав мою блестящую характеристику, с изменившимся лицом, с какой-то злостью, бросила ботинки в угол.

Запомнился мне ещё эпизод, который случился летом 1927 года, когда мне было 8 лет. Была сенокосная пора и всё взрослое население, в том числе и мой отец, были на уборке сена. И вот пришёл к нам председатель сельсовета и стал просить мать, чтобы я на нашей лошади отвёз в райцентр уполномоченного.

- Да ведь Вася дальше Степановки (деревня, находившаяся от нас в 3-х километрах), нигде не был и дорогу в райцентр не знает, он же заблудится, - запротестовала мать.

- А мы сейчас спросим его самого,- ответил председатель и позвал меня:

- Василий, сможешь отвезти уполномоченного в райцентр, ты дорогу знаешь?

Мне бы честно признаться, что не знаю...Но я ответил, что смогу. Уж очень лестно мне было такое доверие председателя. И мать согласилась.

Мы выехали. По дороге я мучительно думал, как бы мне не заблудиться, но надеялся, что уполномоченный подскажет, если заверну не туда. Я оглянулся на уполномоченного и с замиранием сердца увидел, что тот оказывается спит... Не передать словами муки моей детской души! Чтобы разбудить уполномоченного, я погнал лошадь по бездорожью. От тряски он действительно проснулся и схватился за лицо, нащупывая очки. Их нигде не было. Ругаясь, он приказал остановиться, сошёл и велел мне ехать домой, сам пошёл в райцентр пешком. До него оставалось ещё несколько километров. И я поехал домой, успокаивая себя, что лошадь сама найдёт дорогу... Так и получилось.

А дома творилось невообразимое! Отец, придя с работы и узнав о случившемся, страшно расстроился. Он был уверен, что я заблужусь и ушёл на поиски. Мать, расстроившись ещё больше, винила себя, пока не случился сердечный приступ и потребовалась помощь медиков.

Большое влияние на всех в нашей семье имела старшая сестра матери - Ефросинья Кузьминична, которую мы, её племянники любовно называли "маманя". Она никогда не выходила замуж, до революции вела жизнь в монашестве.

Я любил бывать в её маленьком домике, подаренном ей какими-то дальними родственниками, переселившимися в свой новый дом на хуторе Хитрый луг. Комната её была всегда чисто убрана, побелена и обклеена картинками из серии "Жития святых". Я расспрашивал маманю о содержании этих иллюстраций, и она, всегда занятая какими-нибудь делами, находила время, чтобы рассказать мне интересные истории из жизни святых.

Маманя научила меня молитвам. Она сажала меня на стул напротив себя и говорила:

- Ну, повтори, пожалуйста, "Отче наш, иже еси на небеси..." А когда я спрашивал: "А что такое "иже еси"....,- она пугалась моих вопросов и настойчиво просила не задавать их.

- Просто говори за мною: "Отче наш...", ну?

Вот так она научила меня этой молитве, которую я помню до сих пор.

Смутно вспоминаются её рассказы об Иисусе Христе, о его Нагорной проповеди, по которой должны жить люди. Запомнилось: не убий, не прелюбодействуй, не предавай, не лги, не укради, почитай родителей и старших...

Говоря о Боге и ангелах, о святых, она, казалось, молодела, лицо становилось кротким, а добрые глаза испускали какой-то тёплый свет.

Иногда маманя и мать вместе пели церковные гимны, некоторые строки из которых я помню и сейчас:

Гора Афон, гора святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.

Но самой колоритной фигурой в тогдашней нашей семье был брат отца Алексей, по прозвищу "потрах". Эта кличка к нему пристала потому, что ругаясь, он вместо слова "мать" говорил "потрах". А может быть, это прозвище он получил за то, что будучи председателем комитета бедноты, решительно "потрошил" кулаков. Я же его называл почему-то "дядяка", видимо по аналогии с "маманей". Был он среднего роста, коротконогий, широкоплечий, с рыжей бородой и оспинками на лице. Причисляя себя к некрасивым, он долго не женился, часто выпивал и с похмелья обычно заходил к нам и требовал от матери квасу с содой.

Я любил дядяку и когда он приходил, всегда вертелся рядом, а он, выпив квас, обычно говорил: "Вася, спел бы ты мне песню". Я не заставлял себя долго упрашивать: "Какую же песню мне спеть?" "Спой мою любимую, про братьев-кубанцев". И я начинал залихватски выводить:

Вспомним, братцы мы кубанцы,
Двадцать первое сентября,
Как сражались мы с полемком
От рассвета до темна.
Как сражались мы с полемком
От рассвета до темна.
С нами музыка играла,
Барабаны крепко бьют...

Пел я эту песню, стоя по стойке смирно перед сидевшим напротив дядякой. В этом звонком пении звучала неподдельная глубокая страсть чистой детской души, и сладость, и грустная скорбь... И оно хватало за сердце дядяку, я это видел, чувствовал. Однажды, сквозь своё пение, я услышал глухие, сдавленные рыдания. Это плакал дядя, припав грудью к столу, за которым сидел, вспоминая свою кавалерийскую молодость и сегодняшнюю жизнь, неустроенную и никому не нужную, плакал, как дитя, всхлипывая, желая сдержаться, и по железному лицу его медленно катились тяжёлые слёзы.

Я залился ещё звонче, ещё слаще прежнего, а когда закончил, он подошёл ко мне, обнял нежно, поцеловал в макушку три раза и бросился вон из дома. Мне было жалко дядю, настроение испортилось и мать, заметив это попросила меня спеть её любимую песню. У детей настроение меняется быстро и я тут же начал петь:

Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе отроду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам,
Нынче здесь - завтра там,
По морям,морям, морям,морям,
Эх, нынче здесь, а завтра там.

Когда я произносил "Эх, нынче здесь, а завтра там", мать смеялась. Я, мальчишка, пытавшийся изобразить себя таким хватом-моряком, увлекавшим девушек, веселил её всегда.

Я тогда знал много лирических,народных песен, а научила меня им тётя Настя, сестра моего отца. Тётя Настя, в моей детской памяти запомнилась красивой, молодой, всегда хорошо одетой, причёсанной просто, но к лицу. В лице не было ничего подчёркнутого: тонкие брови, светлые глаза, прямой нос, маленький рот. Рослая, стройная, всегда непоколебимо спокойная, она хорошо умела петь тёплым, нежным голосом. Разговаривала она всегда медленно, не то равнодушно, не то лениво. У неё и подруги были такие же молодые, простые, симпатичные. Они часто собирались и пели песни в три голоса, а я их с удовольствием слушал и запоминал. Некоторые песни,сегодня забытые, я помню до сих пор, в них живёт душа русской женщины, самой красивой в мире.

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночь темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.
А поутру она вставала,
Кругом примятая трава,
Не от росы она помята,
Не от дождя она легла.
"Придешь домой, а дома спросят,
С кем ты гуляла, где была.
Скажи: одна в саду гуляла,
Домой дорогу не нашла.
А если дома ругать будут,
Ты приходи опять сюда".
Она пришла - его там нету,
Его не будет никогда.
Она лицо платком закрыла
И горько плакать начала:
"Зачем красу свою сгубила,
Кому я счастье отдала".
Где эти лунные ночи,
Тихо поёт соловей,
Где эти карие ночи,
Кто их ласкает теперь.
Тихой вечерней порою
Выйду я в сад погулять,
Ночка ещё не настала,
Буду я милого ждать.
Слыша шаги дорогие,
Сердце забьётся любя,
Брошусь тебе я навстречу
И поцелую тебя.

Тётя Настя меня любила, как и я её.Когда она выходила замуж, я сидел рядом с ней за свадебным столом наравне со взрослыми, по её желанию. Отдана замуж она была в другое село,

Воловчик, в семи километрах от Рогатика и так получилось, что я встретился с ней только после войны, на похоронах матери. Я её не узнал... Это была старая, сморщенная женщина, с серым лицом, костлявая и сгорбленная. Она рассказала мне о своей трагедии. Её муж, по имени Перфилий, сотрудничал с фашистами во время войны, был полицейским. После освобождения, он был арестован и расстрелян. Настя осталась одна с тремя детьми, претерпела много мук...

Надо сказать, что песни в моей биографии играли не последнюю роль. Я знал их много и любил петь, не заставляя себя упрасивать, как и в детстве. Репертуар с возрастом менялся, моими любимыми песнями стали песни, исполняемые Козиным, Джапаридзе, Шульженко, Изабеллой Юрьевой, Утёсовым... Песни помогали, облегчали жизнь.

Я сам не говорю про тайные страдания,
Про муки ревности, про тайную любовь
(Джапаридзе)

Я возвращаю ваш портрет,
Я о любви вас не молю,
В моей душе упрёка нет,
Я вас по-прежнему люблю
(В. Козин)

Ваша записка в несколько строчек,
То, что я прочла в тиши,
Ветка сирени, мятый платочек,
Мир моих надежд, моей души
(К.Шульженко)

Вспоминается забавный случай, происшедший на почве этих песен. Мой товарищ по пограничной службе, москвич, пригласил меня однажды, когда мы оформлялись в загранкомандировку и находились в Москве - к себе домой, где жила его не родная мать с дочерью. Нам устроили угощение и я, пропустив рюмочку-другую, как всегда начал напевать свои любимые песни. К концу угощения я спел почти весь свой репертуар, мне аплодировали, особенно мамаша.

"Вася,- обратилась она ко мне,- я бы с удовольствием отдала за тебя дочь, я вижу по её глазам, что она влюбилась в тебя". Дочь смущённо молчала, а мамаша затрагивала любовную тему всё больше и уже казалось, что не дочка, а сама мамаша влюбилась в меня. Ситуация напоминала мне гоголевскую комедию "Ревизор"...Наконец, я признался. что женат и имею детей. Ужин моментально закончился и я откланялся.

Вспоминая своё детство не могу не сказать и о соседях. Слева от нас жила крестьянская семья Ревякина Ефима. Я уважал его: он подарил мне щегла. Не раз бывал я в его доме, но с дочками не дружил, а нравился мне его пёс, по кличке Артап. Это был злющий кобель огромной силы, но ко мне он относился доброжелательно и даже разрешал себя погладить, помахи-ванием хвоста показывая доброе ко мне расположение. Ефим был другом моего отца, но потом отношения разладились, сосед затеял тяжбу из-за огорода и стал врагом.

Справа от нас жила семья Веры Петровны Болотских, нашей дальней родственницы. Это была толстая, белая, как пшеничный хлеб, очень ленивая баба. Когда бы я не пришёл к ним, всегда заставал её лежащей на печи. Её муж, Пётр Сергеевич, был родным братом моего деда Давыда Сергеевича. Он был мастеровым человеком, прекрасно делал прялки и научил этому ремеслу сына Михаила, который продолжил ремесло отца, рано ушедшего из жизни от туберкулёза лёгких. С возникновением колхоза, Михаил стал главным механиком. Второй сын, красавец Иван, не пожелал жить в деревенской бедности, уехал на Донбасс, где работал забойщиком в шахте. Он попал в аварию, стал инвалидом, но в деревню так и не вернулся.

Уже будучи вдовой, Вера Петровна прижила ещё двоих детей, люди говорили, что от нашего дядяки. С Федей и Петей, я иногда играл, но не дружил, потому что рассорившись, они дразнили меня евреем. В 1934 году эта семья уехала на Кубань, где к тому времени жил дядяка.

Далее по нашей улице жила семья Ивана Митрофановича Болотских. Иван Митрофанович мне нравился: он был прост и общителен, бескорыстен. Он любил смеяться, при смехе красиво встряхивал волосами, серые глаза его лучились добродушием, в уголках рта играли морщинки. В семье было трое детей, младший - Иван, был моим хорошим товарищем. Он был, как отец, весёлым и добродушным. С началом коллективизации семья эта уехала на Донбасс.

Рядом с усадьбой Ивана Митрофановича находилась усадьба Галкиных. Там жил мой второй товарищ - Игнат, по прозвищу "салапон". Прямой и честный, он никогда не врал, умел признать свои ошибки, был смел, отважен и в драках защищал товарищей до изнеможения. Несмотря на некоторую необузданность характера, Игнат мне подчинялся беспрекословно, был, можно сказать, моей тенью. Во время войны, первая похоронка в село пришла на Игната. Зная его характер, я не сомневаюсь, что погиб он, как герой.

В этом же районе жила в землянке тётя Анюта, подруга моей матери и мамани. Их дружба зиждилась на вере в Христа. Тётя Анюта была тихая, мирная женщина. Каждый день, в шесть часов утра, проснувшись и умывшись, в одной рубашке, она становилась на колени перед образами, которых у неё было очень много, и долго молилась. Она часто бывала у нас и каждый раз я просил её рассказать о её путешествии в Иерусалим. Она охотно, даже с некоторым удовольствием соглашалась и прикрыв глаза и раскачиваясь, начинала своё повествование. Как пешком она дошла до Киева, где посетила Киево-печерскую Лавру, как потом на пароходе из Одессы, вместе с другими паломниками, добралась до Палестины. Там, сняв обувь, они километров восемьдесят шли в Иерусалим, к Гробу Господню. Когда я спрашивал её, почему босиком, она отвечала: "Потому что нет святости без подвига, нет счастья без трудности его достижения".

Кроме Вани и Игната у меня был ещё один друг, Греков Иван, а по-деревенски - Ванька-кисель. Жил он на другой улице, за ручьём, недалеко от мамани. Если Ваня был нашим интеллектуалом, Игнат - защитником, то Ванька-кисель был нашим хитрованом. Его находчивость часто помогала нам выпутаться из сложных ситуаций. Наша компания была объединена стремлением к справедливости. Например, мы не могли видеть и не допускали тех издевательств, жестокостей, которые позволяли себе многие рогатинские мальчишки, да и ребята повзрослее и даже мужики.

Был у нас в селе блаженный, его звали - Гоша на человека не похожий. Откуда он был, кто его родители, что побудило его избрать странническую жизнь? Никто не знал. Это был высокий костлявый человек, в тяжёлом зипуне, с жёсткими невымытыми волосами на голове и с железным, неподвижным лицом. Он ходил по улицам села согнувшись и раскачиваясь из стороны в сторону, всегда смотрел себе пол ноги, будто что-то искал. Нам он внушал какое-то боязливое почтение. Казалось, что он занят каким-то серьёзным делом и мешать ему не надо. Мальчишки, однако, бегали за ним и бросались камнями. Он словно не замечал этого. Потом вдруг останавливался, вскинув голову и начинал оглядываться, будто только что проснулся.

- Куда идёшь, Гоша на человека не похожий,- кричали мальчишки. Тогда он наклонялся, хватал с земли всё, что попадало под руки и бормоча ругательства, замахивался. Иногда бежал за мальчишками, зипун мешал ему, он падал, а они забрасывали его камнями. Наиболее смелые подбегали к нему, высыпали на голову пригоршни пыли и отскакивали.

Нас возмущала эта жестокость. Так же, как и издевательство над нищими или пьяными, истязание кошек и собак. Нередко взрослые мужики срамливали собак или петухов. Однажды я увидел своего любимого Артапа в такой схватке. Когда противник поверг его на землю и вцепился в горло, я с криком "разнимите их", бросился к озверевшим псам, но меня оттащили и с интересом продолжали наблюдать эту страшную, жестокую картину.

Вспоминается и совсем дикий случай, происшедший в доме нашей соседки, Веры Петровны.

Это случилось осенью, когда после уборки урожая с поля, хозяйка пригласила помогавшим ей в вывозе снопов односельчанам, отобедать. На стол была поставлена и бутылка с крепким самогоном. Перепив, эти работники устроили драку, в результате которой, один из них откусил нос другому. С носом во рту он прошёл к дому покалеченного, выплюнул его и сказал: "Ванька-то собирался жениться, а нос-то его, вот он."

Мне и моим друзьям нравилось играть с моими двоюродными сёстрами, дочерьми Дениса Кузьмича, брата моей матери. Семья эта имела крепкое середняцкое хозяйство. Добротный кирпичный дом крытый железом, располагался посреди обширного двора с хозяйственными постройками. Зимой мы играли в карты, нарисованные Ваней, очень красивые, а весной на улице, в основном, в прятки.

Водивший становился лицом к стене, честно закрыв глаза руками и считал, а остальные разбегались и прятались, кто куда, благо в этом посторном дворе с многочисленными постройками, было где спрятаться. И вот однажды, видя, что уже не успею хорошо спрятаться, я подбежал к колодцу, забросил ноги в пустую бадью и... та глухо постукивая по стенам колодца исчезла, а я полетел вниз. Хорошо, что Игнат, прятавшийся в кустах сада, увидел это.

Он вскочил и заорал: "Вася в колодец упал!" Все сбежались к колодцу и не растерявшись, вытащили меня. Сестра Настя, бледная и трясущаяся, закричала: "Ты что, с ума сошёл? Беги немедленно домой и переоденься!" Убегая, я предупредил всех, чтобы говорили, что я упал в лужу.

Дома мать, увидев меня, всплеснула руками:

- Батюшки! Что с тобой!

- Да в лужу я упал, - соврал я, переоделся, залез на печку и тут же уснул, с перепугу.

Вспоминая своё детство и отрочество, я могу сказать, что деревенская жизнь не была идиллией. Люди жили в непрерывном, каторжном труде. Крестьянский труд требовал напряжённого внимания к земле и много чуткой хитрости в отношениях с людьми. Все чего-то боялись, друг-другу не верили. Мужики мне казались какими-то загадочными, себе на уме, женщины - замордованными. Они часто жаловались на болезни, легко раздражались и неистово ругались друг с другом. Ребята к девушкам относились откровенно цинично. Я помню, как парни двум девушкам завернули юбки на голову и завязали узлом. Девки визжали, ругались, но развязывались медленнее, чем могли бы. Видел я также, как в церкви парни щипали девок за ягодички, мне казалось, что только для этого они и ходят в церковь...

Тем не менее в душе моей осталось и много чудесных, радостных впечатлений. Черета этих воспоминаний начинается с рождения моего брата, Александра. Помню, как сейчас: ночью меня разбудили, одели и препроводили к соседке, тёте Вере. А утром, когда я вернулся, мне показали родившегося братика, который лежал в люльке. Рядом на кровати лежала мать, её лицо было бледно, чёрные волосы разметались по подушке. Она молчала, потом жестом подзвала меня к себе и погладила по голове странно тяжёлой рукой. Я спросил, как мы назовём братика, но мать продолжала молчать, я не отставал, пока маманя, пеленавшая заплакавшего новорожденного не сказала:

- Вася, не утомляй мать. Имя ему даст батюшка, в церкви, во время крещения. Иди-ка лучше на улицу, погуляй.

Была весна, таял снег, бежали ручьи... Энергично работая лопатой, я расчищал им путь и с гордостью думал, что теперь у меня есть брат, с которым мы будем защищаться от обидчиков. В воображении возникали сцены, как мы будем это делать...

Часто зимой я любил ловить певчих птиц. За домом в саду, я устраивал чистую площадку, окружал её валом из снега, утыкивал его решетником, устанавливал сеть, от которой шла в сенцы верёвочка, соединявшаяся с колышком, который подпирал сеть, натянутая на обруч.

Дёрну за верёвочку - колышек падает, а за ним и сетка, накрывая птиц, слетавшихся поклевать коноплю, насыпанную на площадке.

Бывало на рассвете, сижу в сенцах, у окошечка, терпеливо поджидая свою добычу. Солнце поднимается, на яблонях и кустах сада кричат щеглята, щёлкают, надувая щёки любопытные синицы, они суетятся, хотят всё проверить и первыми попадают в сетку... Щебечут на репейнике чижи, а одинокий красногрудый снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ветке, важный, как генерал и сердито поскрипывает. Я жду следующую добычу. Снегирь - моя мечта. Вот бы поймать, но он тянет, осторожничает, а я терпеливо жду. Но вот снегирь не выдерживает, слетает на приманку, я дёргаю за верёвочку - и птицы трепещут под сеткой. В этот момент мне даже становится их жалко, но меня успокаивает то, что я ловлю их не на продажу и весной они все будут выпущены на волю.

Летом я водил лошадь в ночное. Лошади табуном паслись на свежей траве, а приводившие их крестьяне, ночевали тут же, в поле. Они разжигали костёр, садились в кружок и рассказывали разные байки. Дежурные по очереди следили, чтобы лошади далеко не уходили и не разбежались. Разговоры у костра чаще всего вертелись вокруг женщин. Мужики хвастались друг перед другом своей ловкостью в обманах женщин, выносливостью, в сношениях с ними. Они рассказывали, как жалобами или ложной лаской добивались своего, и рассказывая во всех подробностях, при этом плевались и брезгливо морщились. Мне эти разговоры не нравились. Не нравилось враждебное отношение к женщинам, и что-то позволяло мне думать, что в этих рассказах хвастовства и выдумки было больше, чем правды.

- Чтобы вы знали,- заключал дядя Стёпа, - бабы сами хотят, чтобы их обманывали. Только это дело надо делать в темноте, ночью, тогда никому не стыдно.

Наговорившись, мы далеко за полночь начинали укладываться спать. Расстилали подстилки, в головах клали уздечку и быстро засыпали. И только я один не мог уснуть сразу: эти грязные разговоры расстраивали меня, возмущали несправедливостью по отношению к женщине. Глядя на яркие звёзды в небе, я вспоминал рассказы матери о горячей и чистой любви двух юных сердец, Нади Ялчиковой и Ивана Бочарова, прозванных в Рогатике Ромео и Джульетта.

Он, только что окончивший службу в Красной Армии, был энергичным, жизнерадостным, с юмором и живым, несколько ироничным умом, молодым человеком. Она - нежная, красивая девушка с интеллигентным лицом. В деревне были и сейчас есть девушки, которые могут по красоте и женственности потягаться с городскими. Всё предвещало им счастливую, полную любви и радости жизнь. Но судьба распорядилась иначе. Надя заболела туберкулёзом, тогда неизлечимой болезнью. И вот представьте: каждое зимнее утро, по заснеженной, безлюдной улице, в сапогах и шинели, в фуражке, несмотря на сорокоградусный мороз, молодой и красивый секретарь сельсовета Иван Бочаров шёл с букетом свежайших роз. Он нёс их любимой. Где и как, в условиях деревни он доставал эти розы - никому не известно. И так - каждое утро. Мать вспоминала, как Надя пела: "Отворите окно, отворите, мне недолго осталось жить". Когда мать повторяла эти слова, в глазах её появлялись слёзы... Надя умерла, а Иван долго не мог оправиться от этой потери. Женился, спустя много лет.

Вспоминалось мне и как женщины отзывались о мужчинах. К моей матери иногда заходили соседки. Рукодельничая, они вели разные разговоры, сугубо женские, но однажды, не зная, что я нахожусь на печке, зашёл более, чем откровенный, разговор о мужчинах. Не в пример мужчинам, они не рассказывали о своих любовных похождениях, но в их высказываниях сквозила насмешка и что "баба-сила", с чем я был согласен.

- Как ни бегай, как не верти, с кем не дружи, а к бабе придёшь, не минуешь,- заявила одна. А другая согласилась:

- А куда кроме: от Бога и то к нам уходят монахи-то, отшельники-то.

Рано утром, разобрав своих лошадей, мы уезжали по домам. Я любил свою кобылу. Она была не очень красива, но умна необыкновенно. Если другие ловили своих лошадей, моя, увидев меня сама шла навстречу и опускалась на колени, чтобы я мог свободно надеть на неё уздечку и сесть верхом.

Запомнились мне и посещения церкви. Мне нравилось бывать в ней, стоя в углу потемнее, я любил рассматривать иконостас, иконы... Мне казалось, что фигурки, изображённые на них, шевелятся, а глаза на ликах строго и укоризненно смотрят на меня. Наблюдал я и за публикой. Головы девушек и женщин в платках казались мне похожими на цветы, в синей дымке весело трепетали свечи и всё это покрывалось мелодичным пением церковного хора.

В церкви я не молился, считал, что разученные мною молитвы Богу известны и повторять их нет смысла. Когда на душе становилось особенно тепло и приятно, я сочинял свои молитвы: "Господи, Господи,- шептал я,- помоги мне завтра поймать снегиря... Господи, прости меня, что так думаю... Господи, надоумь маманю, чтобы она взяла для меня у церковного старосты пару голубей, а то обещала, а не выполняет".

В церкви мне было хорошо, я отдыхал там, как в лесу или поле... Великим постом меня заставляли говеть и наступал день, когда нужно было исповедываться. Я становился в очередь к отцу Сергию. Накрыв мою голову тяжёлым фартуком-епитрахилью, батюшка спрашивал, не разорял ли я птичьих гнёзд, не обижал ли родителей и старших своим непослушанием, не воровал ли чего... На эти вопросы я отвечал так, как научили меня мать и маманя: "Грешен, батюшка". После чего тот громко и устало провозглашал: "Отпускаются грехи твои", снимал фартук с головы и приказывал идти.

На следующий день я шёл причащаться. Облачённый в ризу батюшка стоял на возвышении, с кубком в руках и серебряной ложечкой вливал причастие в широко открытый рот, а стоящий рядом дьячок бархатной тряпкой вытирал губы. Тряпка была обычно мокрой и неприятной...

Татьяна Кузьминична . 1960 г.

Глава 2. Отец

Летом, когда поспевала рожь, отец брал меня с собой в поле. Он осматривал своё поле, проверяя степень готовности поспевающего хлеба, определял урожайность, выявлял поправы. Меня он брал, наверное, с целью приучения к хозяйству. Мне нравилось участвовать в таких мероприятиях и я всегда с радостью соглашался, когда отец звал меня. Однажды отец обнаружил запутавшегося в стеблях ржи грача. Он осторожно освободил его и отдал мне, а сам пошёл осматривать посевы. Я был в восторге! Живой грач, небесная птица, за свободным полётом которой я часто наблюдал, в моих руках. Я прижал его горячее тельце к груди, ощущая биение испуганного сердечка. Чтобы успокоить его, я поднёс грача к лицу и хотел поцеловать. В этот момент он долбанул меня своим крепким клювом в нос, от боли я заорал и разнял руки. Прибежавший отец начал меня успокаивать, а я плакал уже не от боли, а от того, что упустил такой подарок.

Дома я рассказал матери об этом и она начала ругать отца, говоря, что грач мог выключить мне глаз. Вот тогда мне и стало страшно, я понял, что так действительно могло случиться...

Запомнилась мне и поездка с отцом в город Ливны. Мне было тогда, лет девять. Там я впервые увидел живого пограничника, событие это произвело на меня ошеломляющее впечатление. Мы с отцом шли по центральной улице, когда я увидел на противоположной стороне, идущего нам навстречу солдата. Солдат был необыкновенен. Он обращал на себя внимание всей улицы: высокий стройный, он шёл чётко чеканя шаг, подковки его сапог звонко цокали по тротуару. Причём одет он был не как пехотный солдат, жалкий вид которого не раз мне встречался. На нём была не пилотка, а зелёная фуражка с блестящим козырьком, шинель - до пят, а не обрезанная, на рукавах отвороты, подшитые зелёным сукном, на ногах - хромовые сапоги со шпорами. И он шёл под их малиновый звон... Я загляделся на солдата, потом спросил отца: "кто это?" "Это пограничник", - ответил отец и начал рассказывать мне всё, что знал о них. Мне запомнилось лишь, что зелёная фуражка для пограничников была введена Петром I. "Зелёный цвет, - сказал отец, - цвет бескорыстия".

Отец никогда не бил меня и запрещал это делать матери, он говорил, что битьём не выучишь. И только однажды, он нарушил это правило.

Это случилось так. Родители ушли на работу в колхоз а я, оставшись за хозяина, решил поработать топором. Топор был остро отточен, с блестящим лезвием и я попробовал обтесать колья для изгороди. Но это у меня не получалось. Одной рукой надо было держать кол, другой работать топором, а он в одной руке не слушался. Тогда я подошёл к яблоне и стал обтёсывать ствол, держа топор двумя руками... Лезвие легко, как нож в масло врезалось в дерево. Я испытывал удовольствие от такой работы. Но когда отец, вернувшийся с работы обнаружил любимую яблоню голой, обтёсанной, он, дрожа от возмущения и еле сдерживаясь, подозвал меня к себе и, ничего не спрашивая, ударил по мягкому месту. Мне было не больно, но очень обидно: мой любимый отец, который никогда и пальцем до меня не дотрагивался и вдруг... Я вырвался из его рук, убежал на огород и спрятался в конопле. Я не плакал, но что-то тяжёлое, словно камень лежало на сердце. В голове метались разные мысли: то мне казалось, что меня никто не любит, что я никому не нужен и в расстроенном воображении я видел себя уходящим из родного дома, то обращаясь к Богу, я дерзко спрашивал, за что он наказывает меня...

Наступил вечер, а я всё лежал в своём укрытии и слушал переполох, начавшийся в доме: крики матери, зовущей меня, её упрёки к отцу. Мне стало жалко родителей и я объявился. Я видел, что отец тоже чувствует себя виноватым. На следующий день, чтобы рассеять появившийся холодок в наших отношениях, он, придя с работы, принёс в своём картузе шмелиную семью, которую пересадил в улей и поставил его в саду, возле крыльца. Утром я увидел, как шмели вылетали из улья, влетали, активно работали... Мне было интересно наблюдать за ними

и приятно осознавать, что отец на меня больше не сердится. Отношения наладились и отца я полюбил больше прежнего.

Отец, по моей просьбе, иногда рассказывал о своей жизни, о моём дедушке, Давыде Сергеевиче. Отец был младшим ребёнком в большой семье Давыда Сергеевича. Старший сын, Василий, находясь на службе в Гвардии Его величества Царя, получал приличную зарплату и всю её высылал в деревню к отцу. Отец на эти деньги построил лучший в селе дом, посадил большой сад, поправил хозяйство и таким образом семья вышла из нужды и бедности. Но большим горем стала внезапная смерть Василия от милиарного туберкулёза. Давыд Сергеевич смерть любимого сына не пережил и вскоре умер сам, а затем умерла и мать.

Октябрьскую революцию мой отец встретили положительно. Ему шёл двадцать первый год и он с энтузиазмом юности, всецело стал на сторону революции с её лозунгами: мир народам, земля крестьянам, фабрики рабочим. На войне, кстати, воевал его второй старший брат - Алексей.

Началась гражданская война и когда в деревню вошли белогвардейские части, Владимир замаскировался на чердаке дома. Белая Армия забирала в свои ряды всё взрослое население, могущее носить оружие. От мобилизации удалось укрыться, но неожиданно в дом ворвались мародёры, они обнаружили отца и водрузив на его плечи сундук с награбленным добром, угрожая оружием, приказали следовать за ними. Была весна, лил дождь, быстро темнело. Мучительно думая, как же выбраться из положения, Владимир решил пойти на отчаянный шаг. Он говорит конвоиру: "Слушай, я не могу идти, развязались верёвки на ногах (он был обут в чуни), я спотыкаюсь". Конвойный, убедившись, что верёвки действительно развязались, разрешил остановиться. Но как только отец снял с себя груз, он бросился в сторону от дороги и буквально в трёх-четырёх метрах плюхнувшись в грязь, затаился. Расчёт оказался верным: в темноте конвоиры пробежали мимо, начали искать беглеца, но не догадались, что он совсем рядом. Во время этого рассказа отец начинал часто дышать и говорил: "Лежал я и слышал, как бьётся моё сердце. Мне казалось, что они услышат его стук и расстреляют меня, но всё обошлось. Я слышал, как офицер отругал конвойного и приказал ему нести сундук самому". Так, освободившись от беляков, отец добровольно ушёл в Красную Армию, оставив дома жену, с только что народившимся ребёнком. В частях Красной Армии он служил в подразделении разведки. Он с товарищами ходил в тыл врага, разведывал их боевые порядки, захватывал языков, выявлял штабы и другие цели для нашей артиллерии. Нередко, находясь по 8-10 дней в тылу врага, разведчики голодали, мёрзли, так как нельзя было разводиться костров, но дружба и взаимовыручка помогали выбраться из сложных ситуаций. "На задания,- рассказывал мне отец,- мы уходили с чувством, что может быть и не вернёмся. Мысленно прощались с семьёй, с товарищами".

Когда закончилась война, со всей остротой встал вопрос: как жить, когда здоровье подорвано, хозяйство разрушено...Логически рассуждая, прежде всего нужно было купить лошадь, корову, но где взять деньги? И отец придумал план, который тогда удивил семью. Он предложил купить на имеющиеся деньги ружьё и выписать журналы по пчеловодству и агрономии. План этот всем казался несерьёзным. но у отца всё было рассчитано на десять лет вперёд, как у талантливого шахматиста, и жизнь подтвердила правильность этих расчётов. Надо сказать, что отец имел образование всего три класса церковно-приходской школы, но уровень его знаний меня всегда поражал, а некоторые его философские рассуждения я и по сей день помню. Высказывал он мне их повидимому в порядке воспитания патриотизма.

"Человек не имеет право распоряжаться собственной жизнью, потому что жизнь эта принадлежит не одному тебе. Жизнь каждого человека обязательно кому-то нужна."

"Что значит Родина? Это вот это поле, это наш сад, мои братья, живые и мёртвые, семья, и вот это небо над нами..."

"Князь Святослав говорил: Не посраим земли русской, ляжем костями, ибо мёртвые сраму не имут."

Отец с юных лет много читал, книги он брал у помещичьего приказчика Горбова, имевшего большую библиотеку. Убеждая мать, которая категорически воспротивилась его затее с охотничьим ружьём, он говорил: "Ты пойми, сейчас на неужоженных полях развелось столько зайцев, что мы сможем заготовить мясо на всю зиму."

И правда, с наступлением зимы, он почти каждый день выходил на охоту и никогда не возвращался пустым. Через месяц у нас было засолено две большие бочки зайчатины. Многие семьи тогда голодали, а наша семья благополучно перезимовала.

Когда стали приходиться выписанные журналы, отец все их скрупулёзно прочитывал. Со слов матери, мне вспоминается курьёзный случай. Однажды, поздно вечером, в дом заходит старшая сестра матери (маманя), и спрашивает:

- Где Володя?

Мать отвечает, что не знает, не следит за ним, но уверена, что в плохом деле он замешан не будет.

- А мне только что сказали, что он систематически играет в карты в доме,- и она назвала фамилию соседа.

Она заставила мать одеться и они пошли к соседу. Там действительно шла карточная игра, но отца среди собравшихся не было. Когда они пришли домой, отец, как ни в чём не бывало, сидел за столом и ужинал.

- Ты где был?- строго спросила мать.

- На чердаке.

- Где? - не поверив своим ушам, переспросила мать.

- На чердаке. Я читал там, чтобы не мешать вам спать светом.

Из журналов отец узнавал, как по науке ухаживать за садом, как надо разводить и ухаживать за пчёлами, как не ошибиться при покупке лошади и определить породу коровы... Он первым в селе начал выращивать на огороде помидоры, которые только-только начали появляться в наших краях. Длинными зимними вечерами, отец вил из пеньки верёвки и плёл из них чуни, которые тогда были основной обувью крестьян. Никто ни в нашем селе, ни даже в соседних, не плёл так добротню чуни, как мой отец. За зиму он сплетал до 150-200 пар чуней, выносил их на базар и не было случая, чтобы он не распродал их. Этим промыслом занимались тогда многие крестьяне, но они позволяли себе добавлять в верёвки лыко, что делало изделие не прочным, поэтому их продукция не выдерживала конкуренции с продукцией отца.

К осени сад дал нашей семье большой, как и планировал отец, урожай яблок, груш и вишен. Огород дал нам помидоры, а пчёлы мёд. Всё это отец выносил на базар и к весне 1924 года наконец появилась возможность купить лошадь и корову. Эту лошадь и эту корову я помню до сих пор. С появлением их в хозяйстве, жить стало легче и наша семья из бедняцкой превратилась в середняцкую.

Между тем в жизни деревни того времени наступал сложный период.

Старший брат отца, Алексей Давыдович был избран односельчанами председателем комитета бедноты, на которые тогда, как известно, легла обязанность раскулачивания и создания колхозов по принципу: добровольно, но обязательно. Кандидатура Алексея Давыдовича устраивала как односельчан, так и районное начальство. Начальству импонировала его решительность, что, по их мнению, как нельзя больше подходило для скорейшего решения поставленной задачи. Алексей, однако, прежде чем принять важное решение, всегда приходил за советом к младшему брату, человеку осторожному и думающему. Между ними часто вспыхивали горячие споры, отец настаивал, что раскулачиванию подлежат только те, кто применял в хозяйстве наёмный труд, что организация колхоза должна идти только на добровольной основе. Алексей, понимая правоту своего брата, нередко отменял радикальные решения. Поэтому колхоз

в Рогатике был сформирован только в 1930 году, в то время, как в других сёлах они были созданы на год раньше, с применением насилия, что привело их в дальнейшем к распаду. А к раскулачиванию была в Рогатике приговорена только одна семья, действительно разбогатевшая на наёмном труде.

Колхозное хозяйство отец понимал как кооператив собственников, то есть по-ленински. И поэтому он первым подал заявление в колхоз. Правление колхоза назначило его пчеловодом и в это дело он вложил всю свою честную крестьянскую душу, проявив себя весьма компетентным специалистом. Уже через два года он сумел из принятых им чахлах 12 семей колхозной пасеки создать полнокровную отличную пасеку из 30 ульев, которая давала колхозу 20% дохода. У него созрели большие планы поставить пчеловодство на промышленную основу, но началась война...

По состоянию здоровья и по возрасту ему полагались льготы, но на призывном участке он сказал: "Мой сын воюет уже вторую войну и я не могу не пойти на фронт". (Я в то время воевал на финской границе Карельского фронта). Он ушёл на фронт и погиб в боях за Украину.

Его сослуживцы, с которыми мне довелось беседовать, рассказывали, что никогда не видели его растерянным или подавленным, даже в самых тяжёлых ситуациях, складывающихся на фронте. А ему было из-за возраста нелегко сражаться на передовой. Даже сухой паёк, он не мог использовать в полной степени, так как зубы выпали и сухари ему приходилось перемалывать, завернув в полотенце или размачивать в кипятке, когда появлялась возможность.

Однажды на передовую приехали артисты и выступал балалаечник. После концерта Владимир Давыдович попросил у него разрешения сыграть на его балалайке. Тот неохотно протянул инструмент, но когда отец заиграл, у него даже глаза расширились от удивления. После окончания игры, он первым зааплодировал и сказал, что если бы отец был помоложе, его можно было бы взять в ансамбль. "Ваша игра была без преувеличения виртуозна", - сказал он. Владимир Давыдович выучился игре на балалайке ещё подростком. Упросил отца купить её и самостоятельно, по слуху, разучил много мелодий и даже сочинял свои.

В Херсонской области, в Ивановском районе, в селе Первомайском находится братская могила, в которой покоится прах около двух тысяч солдат, погибших в боях за нашу Родину, в том числе и прах моего отца. В могиле этой, я уверен, лежат такие же трудолюбивые, добросовестные, добрые и беззаветно преданные Родине люди, каким был мой отец, отдавший свою жизнь во спасение нашей с вами жизни.

Глава 3. Школа

В 1927 году, когда мне исполнилось восемь лет, я пошёл в школу. В Рогатике тогда была только начальная школа с двумя преподавателями. Первые два класса я отучился у Николая Трофимовича. Его отец до революции работал управляющим у помещика, сколотил капиталец и отстроил себе большой дом, впоследствии отданный под школу. Николай Трофимович педагогического образования не имел и ни читать, ни считать, ни писать толком я у него не научился. И только с третьего класса, который вела учительница Антонина Ивановна, я смог наверстать упущенное и стать хорошистом. Ей нравились мои чёрные глаза и она шутила, когда мы встречались, отгоняя коров в стадо: "Вася, что же ты глаза не помыл?"

Антонине Ивановне было тогда лет сорок. Это была небольшого роста, энергичная, милосердная женщина. С нею при школе жил её муж, со странной фамилией Бей-Цюк. Муж почему-то нигде не работал, люди говорили, что он по образованию экономист.

Окончил третий класс я одним из первых учеников и когда начались летние каникулы, Антонина Ивановна дала мне на лето задание прочитать журнал, не помню сейчас его названия. Однако журнал всё лето пролежал на полке, а когда я перед школой решил открыть его, то ужаснулся: он был так засижен мухами и тараканами, что представлял из себя ужасное зрелище. Нести его Антонине Ивановне в таком виде было немыслимо, но идти без журнала, я не смел. Страшно расстроенный, я объявил родителям, что в школу не пойду и что моё образование на этом заканчивается. "Вот сейчас прекращу дышать,- пригрозил я,- и умру". Потребовались большие усилия родителей, мамани, друзей, чтобы уговорить меня пойти в школу. Шёл я в школу, как на эшафот, не зная, что ответить, когда Антонина Ивановна спросит про журнал. Каково же было моё удивление, когда учительница, ласково встретив меня, даже не вспомнила о журнале, а когда я напомнил о нём, сказала, что подарила его мне. У меня камень с души свалился и радости моей не было предела. Учительницу я полюбил ещё больше и учиться мне захотелось неимоверно.

В 1937 году, когда я уже учился в институте, я узнал, что Антонина Ивановна попала под подозрение о причастности к эсеровскому мятежу в Ливнах в 1921 году. Мы, бывшие ученики Антонины Ивановны, решили написать в следственные органы, чтобы спасти её от репрессий. Я, Митюшка Мосин и Фёдор Барков, написали письмо, дав блестящую характеристику нашей учительнице. Помогло ли наше письмо, или по другой причине, но Антонина Ивановна была оправдана.

В четвёртом классе моей учительницей стала девятнадцатилетняя, только что окончившая Ливенский педтехникум, Евгения Ивановна. Она была очень красива: грациозная, с лицом, дышавшим кротостью и весельем, волосы были пострижены по городской моде. Одевалась тоже по-городскому: короткая, облегающая юбка, синяя блузка и беленькие, чистенькие парусиновые тапочки. Она очаровала нас всех своей простотой, милой и наивной.

Однажды она спросила класс, кто может писать лозунги, я тут же поднял руку и она попросила меня остаться после уроков.

Лозунги я научился писать во время создания колхозов. Дядя Алексей Давыдович вывешивал их в нашей большой избе, где проходили беседы с желавшими вступить в колхоз. Лозунги я брал из газет, которые выписывал отец.

Когда я начал писать лозунг, как обычно это делал, сначала начертив буквы с помощью карандаша и линейки, а потом раскрашивая их красками, Евгения Ивановна сказала: "Сейчас я научу тебя писать лозунги сразу красками. Смотри, как надо." И она стала писать буквы красками, как я позже понял, в стиле авангардистов. Каждая буква кричала, приковывала внимание.

Я был по-настоящему влюблён в Евгению Ивановну, когда мы оставались вдвоём, на меня находило какое-то затмение сознания. Больше всего я боялся, что она догадается о моих

чувствах, мне казалось, что это её может оскорбить. К сожалению, она поработала в Рогатике всего один год...

В 1931 году в Рогатике была открыта семилетняя школа и я пошёл в пятый класс. Дочь Антонины Ивановны, Зоя, после окончания Ливенского педтехникума, была направлена на работу в наше село. С нею вместе приехал её муж, Марат Григорьевич Кишеня, тоже учитель. Кроме того, прибыл к нам и историк, старый большевик, Илья Иванович, прозванный нами Этруском.

Марат Григорьевич преподавал у нас алгебру, геометрию, физику, химию и физкультуру. Зоя Семёновна - русский язык, литературу, немецкий язык и пение. Антонина Ивановна - ботанику, зоологию и географию. Илья Иванович преподавал слабо, читал нам свой конспект на уроках и был предметом шуток, иногда довольно злых, у меня он вызывал жалость.

Класс был укомплектован учениками разного возраста. Были парни, окончившие начальную школу три года назад, Митюшка Мосин и Фёдор Барков - два года назад, а я был в числе самых младших, которые перешли в пятый класс сразу, после окончания четвёртого.

Кумиром нашим был Марат Григорьевич. Он оборудовал при школе спортгородок, там были футбольное поле, волейбольная площадка, турник, брусья, кольца и лестница. На всех этих снарядах он блестяще выполнял самые сложные упражнения. Он организовал футбольную команду, в которой я был вратарём. Футбол был страстью Марата Григорьевича, в техникуме он играл в сборной нападающим. О нашей команде вскоре узнал весь район, после того, как мы выиграли матч на соревнованиях в райцентре, у сборной команды РОНО, состоявшей из преподавателей.

В зимнее время, Марат Григорьевич любил ходить на лыжах. Я часто сопровождал его в этих прогулках на своих самоделках. И вот, однажды, он предложил мне посоревноваться. По зимней санной дороге мы должны были сходить на лыжах до деревни Степановка, расположенной от нас в трёх километрах, и вернуться обратно. Я согласился и мы помчались. Вскоре я стал безнадежно отставать, но с дистанции не сходил. На середине пути мы встретились - он уже возвращался, и сказал мне, чтобы я поворачивал, так как уже наступал вечер. Но мне казалось это нечестным и я пошёл на Степановку, а Марат Григорьевич остался ждать меня, в результате чего сильно продрог и простудился. Надо ли говорить, как я переживал, что из-за меня любимый учитель заболел... Мне казалось, что он изменит ко мне отношение, но страхи оказались напрасными. Я понял это во время игры в слова. Игра заключалась в следующем: учитель задумывал слово, писал на доске первую букву, а мы должны были угадывать следующую букву. Угадавшему он ставил балл, напротив имени, написанного на доске. И вот, когда подошла моя очередь отгадывать букву, я увидел, как Марат Григорьевич, внимательно посмотрев мне в глаза, начал мелом поправлять букву в написанных именах. Какой-то внутренний голос подсказал мне, что это не случайно и я назвал эту букву... Так я набрал больше всех баллов, "угадывая" букву за буквой, и также все последующие слова. Все удивлялись моим способностям, не подозревая секрета.

Однако один из игравших, Колька, по прозвищу Постоялкин, всё-таки заподозрил подвох и когда мы возвращались из школы домой стал требовать, чтобы я открыл секрет. Был он не по годам силен и в драках ловок. Отца у него не было, мать он не слушался, в общем парнишка был буйный, и когда я отказался отвечать на его расспросы, он полез драться. Я отбивался, как мог, но тайны не выдал.

Домой я пришёл с расквашенным носом, рассечённой губой и синяками на лице. Мать испуганно стала допрашивать меня, с кем я подрался. "Ну почему ты не скажешь, кто тебя побил?" - спрашивала она, смывая кровь и прикладывая медные пятики к синякам и примочки к ранам.

- Не могу и всё,- отвечал я, считая, что это будет не по-мужски.

Вспоминается мне и случай, когда Марат Григорьевич пригласил на свой урок родителей учеников. На уроке он предложил классу доказать новую теорему по геометрии. Никто не поднимал руку, даже Фёдор Барков, считавшийся лучшим по математике, сидел согнувшись за спиной впереди сидящего ученика. Но я решился поднять руку и вышел к доске. Мои рассуждения по доказательству теоремы очень понравились Марату Григорьевичу, я так просто и понятно объяснял, что даже неграмотные родители поняли её сущность. Особенно довольным был мой отец.

Видимо этот случай и другие мои успехи в учёбе позволили Антонине Ивановне при разговоре с моими родителями сказать, что она считает меня одним из самых способных учеников в классе.

Говоря о будущем, она предположила, что ещё один способный ученик, Фёдор Барков будет руководителем, а я - учёным. Её предсказания, к сожалению, не сбылись, но не потому что она ошибалась, а потому что война перевернула многие судьбы...

Жена Марата Григорьевича, Зоя Семёновна была очень похожа на Евгению Ивановну и вскоре я почувствовал к ней такую же чистую, восторженную, платоническую любовь. С каждой встречей она казалась мне всё более красивой и сердце наполнялось радостным волнением, хотелось прикоснуться к ней и расцеловать.

Из разговоров старших я знал об отношениях мужчины и женщины, говоривших об этом как-то грязно и с бессердечной жестокостью, но Зою Семёновну я не мог представить в объятиях мужчины, дерзко и безжалостно распоряжающегося её телом. Мне казалось, что это к ней не относится, что она знает какие-то иные, высшие радости, иную любовь...

Но однажды я стал невольным свидетелем сцены, которая убила во мне эти возвышенные убеждения. А случилось это так: по поручению Марата Григорьевича я сделал рисунок к уроку физики, и пошёл к учителю домой, чтобы отдать. В деревне не принято было при входе в дом стучаться, я зашёл в переднюю и вдруг услышал доносившийся из комнаты жаркий шёпот: "Подожди, какой не терпеливый...". Я повернулся, чтобы выйти, но раздался вопрос: "Кто там?" - и я вошёл в комнату. Там было душно, Зоя лежала, прикрывшись одеялом, а Марат, при моём появлении, быстро вскочил с кровати. Что-то хрустнуло в моём сердце, я как во сне отдал рисунки и вышел, ощущая себя униженным, оскорблённым и обманутым в моих божественных чувствах.

Теперь, на уроках Зои Семёновны я позволял себе дерзкие выходки, кривлялся, вызывая смех у учеников, так что один раз она даже выставила меня с урока. Она не могла понять, почему я, всегда послушный, ловивший на уроках каждое её слово, вдруг так резко изменился. Это разочарование было очень болезненным для меня.

В то время уже многие мои одноклассники ходили на вечеринки, гуляли с девушками, а я предпочитал или слушать радио в сельсовете или рассказы и сказки сторожа школы. Это был чудеснейший человек, сейчас я не помню его имени, кличка у него была Телок. Он учил нас: "Разница между людьми - в глупости. Один умный, второй - меньше, а третий - совсем дурак. А чтобы поумнеть - читайте, не поняли книгу - читайте семь раз, ещё не поняли - читайте двенадцать раз. Разум людям даётся скупой", - философствовал сторож. Говорил он нам и о женщинах, но не допускал похабщины, наоборот говорил о них возвышенно и с восторгом.

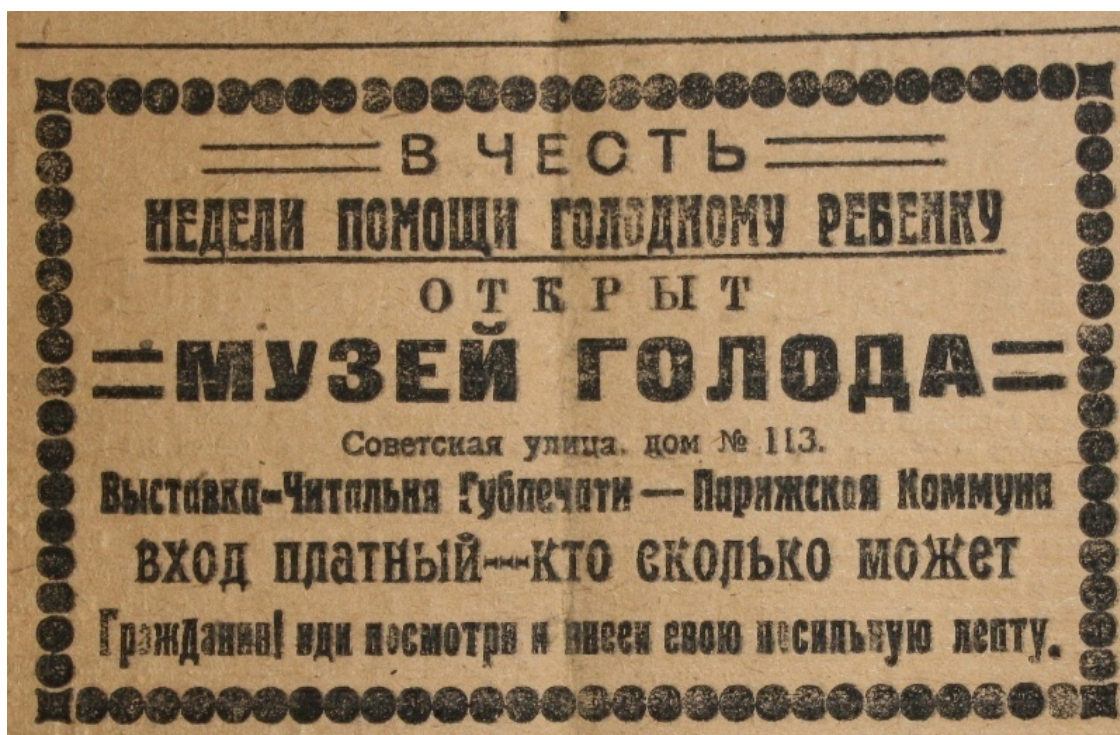
Сказок он знал очень много и умел их так рассказывать, что мы слушали его, раскрыв рты. Рассказывая, он ритмично покачивался, прикрывая глаза и часом мягким жестом руки касался груди против сердца. Голос его был глуховат, но слова такие яркие, они западали в душу и легко запоминались. Особенно мне нравилась сказка "Алладин и волшебная лампа". Сказки я любил пересказывать друзьям. И даже позже, на фронте эти знания помогали мне и моим товарищам переносить тяготы войны.

Помню, наша рота стояла в обороне, и для того, чтобы следить за действиями противника, вперёд выдвигалось боевое охранение, из нескольких человек. Они должны были предупре-

дить, если враг начнёт наступление. Во время отдыха в тёплой землянке, бойцы рассказывали байки, и я в том числе вспоминал сказки, которые слушали с большим интересом и удовольствием. И вот случилось даже, что когда подходила моя очередь идти в боевое охранение, солдаты просили меня продолжать рассказывать сказку, а вместо меня на это время посылали другого.

Последний раз с дядей Телком я увиделся, когда после окончания школы, мне нужно было уезжать на учёбу в Воронеж. Я пришёл к нему, чтобы попрощаться. Поблагодарил его за науку, за интересные сказки, он был тронут таким вниманием, достал из стола книжку и протянул её мне, это был "Робинзон Крузо". Потом, взяв меня подмышки, приподнял, поцеловал и крепко поставил на пол. Он любил меня, потому что я был его бесменным слушателем.

Память воскрешает и тягостные воспоминания о голоде 1932-1933 годов. Страшный этот голод зацепил и наше село. Мне было тогда 13 лет, я помню, как голодающие с Украины заходили к нам в дом и, ради Бога, просили что-нибудь поесть. Мать делилась с ними, хотя мы сами жили впроголодь. Особенно тяжело переносил голод отец. Опухший и обессиленный, он лежал в постели, потому что не мог ходить. Опухшие, наполненные водой его ноги и теперь стоят перед моими глазами... Чтобы спасти детей, отец дал матери свой красноармейский ремень, который он хранил, как реликвию и на этот ремень мать выменяла несколько фунтов муки. Добавляя в муку лебеду и мякину, она пекла лепёшки, которые рассыпались от неосторожного прикосновения. Но они нас спасли.

Глава 4. Юность

Рогатинскую семилетку я окончил в 1934 году, с блестящими оценками и не плохими для деревенской школы знаниями. Я успешно сдал вступительные экзамены в Воронежский торговый техникум. Я вступал в период юности.

Юность! Тебе дано право испытать себя в самых интересных делах, пусть будут ошибки, разочарования - они не страшны в молодости, когда у тебя всё ещё впереди...Но если в эти годы не найдёшь применение своим способностям, эти годы навсегда останутся комком на сердце, это потерянные годы.

Несмотря на некоторую путаницу понятий в голове и отсутствие какой-то ясной цели, я в это лето был почти счастлив. Я был юн, невинен, полон мечтаний, почерпнутых из прочитанных книг и живо воображал себя то офицером-пограничником, несущим службу на границе, то профессором, читающим лекции красивым студенткам, то лётчиком, то необыкновенным силачом и даже романтичным влюблённым рыцарем....Последние грёзы появились не случайно.

Как-то, уходя на работу, отец приказал мне понаблюдать за ульем, в котором, по его расчётам, должна была отроиться пчелиная семья, чтобы не дать ей улететь. Однако, случилось так, что рой улетел и я сбежав к отцу на работу, сообщил о случившемся. Спросив меня, в каком направлении улетел рой, он направился к дому Ульяниковых, который располагался довольно далеко от нашего дома. Заходим к ним во двор и видим: сидит Ульяников возле улья в саду и ложечкой помогает нашему рою войти в улей. Отец начал доказывать ему принадлежность этого роя нам, а я обратил внимание на крыльцо, где появилась дочь Ульяникова, Наташа. Она была моя ровесница, я подошёл к крыльцу и мы разговорились. Меня удивили её глаза, огромные и синие-синие. Она смотрела на меня спокойно, серьёзно и словно с каким-то ожиданием. Неожиданно она спросила: "А почему ты не ходишь на улицу?" Но я не успел ей ничего ответить, потому что отец позвал меня. В тот же вечер я появился на молодёжной вечеринке, на танцах.

Я разыскал Наташу и подошёл к ней. Она была одета в голубое платье, белокурые волосы повязаны голубой ленточкой, раздумавшееся лицо обмахивала платочком. Она мне понравилась ещё больше, чем на крыльце. Её прекрасные глаза привораживали непреодолимо приятным выражением какой-то наивности и застенчивости. Я набрался смелости и спросил её: "Хочешь, я провожу тебя?" Она опустила голову, длинные бархатные ресницы затрепетали, она сказала тихо-тихо: "Да". И мы пошли к её дому.

Из рассказов одноклассников я знал, что они уже давно целуются со своими подругами. Мне хотелось поцеловать Наташу, но я робел. Наконец, я решился и поцеловал её, это был первый поцелуй в моей жизни. Смутные чувства заполнили мою душу, они были мне не известны, но не пугали меня...

Мы начали встречаться. Но наступила осень, я должен был выехать на учёбу в Воронеж и покинуть мой Рогатик, родителей, братьев, сестёр и мою Наташу. Это был мой первый отъезд из родного дома, в люди, а мне было всего пятнадцать лет. Было тревожно, волнительно на душе, хотелось плакать. Как мог, я пытался сдерживаться, но когда мать, рыдая, подошла ко мне попрощаться, я не выдержал и заплакал тоже.

По дороге на станцию я успокоился. Итак, я еду учиться в торговый техникум, о котором Антонина Ивановна всегда рассказывала с восторгом и рекомендовала его мне и Федьке Баркову. Из её рассказов выходило, что после техникума мы будем жить припеваючи, ни в чём не нуждаясь.

По прибытию на станцию выяснилось, что к поезду я опоздал и мне предстояло сутки ожидать следующего. Ночевать было негде, так как пассажирский зал станции на ночь закры-

вался. Всё это окончательно испортило моё настроение. Мне казалось, что это дурное предзнаменование, что такое начало самостоятельной жизни не сулит мне ничего хорошего.

Но тут меня выручил старичок, которого люди звали Афоня-стрелочник. Он предложил мне заночевать у него. благо его дом находился не далеко от станции. Старичок этот вызывал у меня какое-то интуитивное отвращение, был он чумазым, неухоженным, из больших ушей торчали волосы и на пальцах у него тоже росла шерсть. Но я согласился: другого выхода не было.

Его дом представлял из себя хибару, вместо кровати были нары с наброшенным на них каким-то тряпьем. На эти нары он предложил мне лечь. Не раздеваясь, я прилёг, но не успел заснуть - рядом примостился Афоня, начал меня раздевать, прижиматься и прерывисто дышать.

Я понял с кем имею дело, как ошпаренный вскочил и обозвав его грязным типом, развратником и похотливым стариком, быстро смотался.

В техникум я прибыл накануне начала занятий. Фёдор уже был определен в общежитие, а меня с двумя товарищами отправили на частную квартиру. Занятия в техникуме мне давались легко, но тоска по родному дому, семье изнуряли, я скучал по Наташе. Мы с Федей надумали сбежать. Я думал, что дома по мне тоже тоскуют и поэтому встретят меня радушно. Но я ошибся.

Когда вечером я внезапно появился дома, мать чуть не упала в обморок, а выслушав мои объяснения, выразила неудовольствие. Отец начал ругать меня, а маманя срочно принесла деньги и посоветовала немедленно возвращаться в Воронеж. Что я и сделал.

Отсутствие моё в техникуме, к счастью, не было замечено благодаря тому, что товарищи по квартире никому о моём побеге не сообщили и я благополучно продолжил учёбу. А через месяц случился пожар, здание техникума сгорело и техникум был расформирован. Таким образом, я, забрав свои документы, вновь появился дома.

Но теперь это меня не радовало...Наташа Ульяникова уехала из Рогатика в город, расстроенные родители озабоченно решали, как мне дальше жить, а мне уже рогатинская жизнь не казалась такой уж радостной, я пребывал в растерянности.

Но вдруг, я получил письмо от моей двоюродной сестры Насти, которая училась в Ливенском педтехникуме, в котором она сообщала, что при их техникуме открылись подготовительные курсы в пединститут. Правда, она предупреждала, что надо будет сдать экзамены в объёме восьми классов. Я рассказал об этом своим друзьям, Феде Баркову и Митюшке Мосину, также болтавшихся в Рогатике без дела, и мы решили попытать своё счастье. Вступительные экзамены мы успешно сдали и с ноября 1934 года начался ливенский период моей жизни.

Этот период запомнился мне колоссальной занятостью учёбой, бытовой неустроенностью и отсутствием времени на хотя бы небольшие развлечения. Необходимо было за семь месяцев изучить курс средней школы.

Жили мы на частной квартире. Родители привозили нам из деревни провизию, но было голодно. Спали на нарах, располагаясь друг за другом на своих подстилочках, привезённых из дома.

Преподаватели на дом давали обширные задания, напоминая нам, что самостоятельная работа над учебным материалом - основа нашего обучения. Они часто устраивали опросы, как промежуточные экзамены, неуспевающих отсеивали. В результате из 30 человек, зачисленных на курсы, к окончанию обучения осталось только 15. Поэтому работали мы без выходных, вставали в шесть часов утра. ложились в двенадцать.

Такие перегрузки не могли не сказаться на здоровье. Однажды, на экзамене по географии я упал в обморок. Я стоял у доски с указкой в руках, как вдруг у меня закружилась голова, указка поползла по карте и я бы упал, но преподаватель не растерялся, подбежал и подхватил меня на руки. Меня вынесли в коридор к раскрытому окну и свежий ветер вернул мне сознание.

Запомнился мне и другой, не менее трагический случай. Здание техникума располагалось на берегу реки Сосны. По сравнению с нашей рогатинской Кшенью она казалась нам Волгой, широко и вольно несущей свои воды. На берегу мы видели много загорающих, были и купающиеся. И один раз мы соблазнились и пошли купаться. Федя и Митюшка, в отличие от меня, хорошо плавали и решили научить меня. Поддерживая меня, они заплыли на глубокое место и вдруг бросили, полагая, что так я научусь быстрее. Но эксперимент не удался: я чудом не утонул...Этот случай так напугал нас всех, что больше на речку мы не ходили. Да и времени не было, приближались выпускные экзамены.

Глава 5. Институт

Наша настойчивость и труд не пропали даром: экзамены мы сдали на отлично и тут же начали подготовку к вступительным экзаменам в Курский государственный учительский институт, но они нас не пугали. Самоуверенность эта подогревалась тем, что нам объявили о создании из нас, окончивших курсы, отдельной группы и намекнули о снисходительном отношении на экзаменах. Однако жизнь внесла коррективы. Никакого снисхождения на экзаменах к нам проявлено не было, группу не создали, а все мы были распределены в общие группы и сдавали экзамены на общих основаниях. Нам предстояло сдать русский язык, устно и письменно (сочинение), математику (письменно) и обществоведение.

При воспоминании об этих экзаменах, ко мне и сейчас приходит ощущение той тревоги, которую я испытывал в то время. В первую очередь, меня пугал экзамен по обществоведению. Этот предмет меня особо не интересовал, знания были заучены по учебнику, но фрагментарно, не основательно, я не считал этот предмет наукой. Экзамен по обществоведению был последним. По русскому языку и математике я уже получил четвёрки и предстоящий экзамен должен был решить мою судьбу. "Неужели из-за этой науки в кавычках,- думал я, - я не поступлю в институт..." И действительно, это чуть не случилось. На вопрос билета я отвечал вяло и неуверенно, экзаменатор видимо колебался в оценке и задал дополнительный вопрос. Показывая на портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, висевшие на стене, он спросил: "Кто из них не говорил о диктатуре пролетариата?" Я, чувствуя, что нахожусь на грани провала, начал отвечать гораздо бойчее и уверенней: "Вопрос о диктатуре является краеугольным камнем марксистско-ленинского учения и потому все они говорили неоднократно о диктатуре пролетариата". Экзаменатор просветлел и уверенно поставил мне удовлетворительно, а это уже был проходной балл для меня.

На следующий день, войдя в институт, я поспешил к доске объявлений, где увидел в списке абитуриентов, зачисленных на первый курс, свою фамилию. Радости моей не было границ! Бегом бросился я в канцелярию, чтобы взять выписку из приказа о зачислении и так как до начала занятий оставалось ещё полторы недели, выехал домой.

Мать и отец встретили меня настороженно и даже с каким-то испугом. Первым прервал молчание отец, спросив неуверенно:

- Ну как?

- А,- махнул я рукой с показным огорчением,- с нашим свиным рылом да в калашный ряд...

- Что, неужели не поступил? - переспросил отец, а мать медленно опустилась на лавку.

- Вот, читай,- протянул я отцу выписку из приказа. Он её прочитал раз, потом второй, а потом как засмеётся!

- Так что же ты нас так пугаешь? Мать, сын-то наш, студент института!

Мать, как молодая вскочила, подбежала ко мне и давай целовать...

Эти полторы недели были полны счастья и радости. Я был героем дня, все относились ко мне предупредительно, внимательно, на замечания отца в мой адрес, мать тут же говорила ему: "Ну что ты пристал к нему, ведь он скоро уедет от нас..."

Сам я в это время жил в мечтах: то я представлял, что уже звончил институт и оставлен в аспирантуре, то я уже доцент и читаю лекции студентам... Или видел себя снова старательным студентом, что я готовясь к лекциям в парке знакомлюсь там с девушкой, тоже студенткой, встречаюсь с ней в этом парке каждый день, становлюсь её защитником, не позволяя никому непочтительно к ней отнестись или отозваться о ней плохо. Но для этого нужно быть сильным и я дал себе зарок в спортзале института накачать себе мышцы. И о студенческих шалостях думал я иногда, о которых читал в книгах...

Однако приближалось первое сентября и предстоящая разлука с родителями, братьями и сёстрами наполняла душу волнением и тревогой. Начинался новый период моей жизни - студенческий.

Впечатление от института было грандиозным, для меня это заведение было чем-то необыкновенным: просторные лекционные аудитории, преподаватели с учёными степенями и званиями, профессора, доктора наук... Ошеломил огромный спортзал, и залитая ярким солнечным светом, проникавшим через большие окна, аудитория, куда я зашёл на первую лекцию. Меня окружали молодые, весёлые лица, вокруг меня знакомясь жали друг другу руки, толкались, улыбались, шуточки сыпались со всех сторон. Я словно растворился в этой шумной толпе, потерялся как личность, но сознание причастности к этому сообществу было очень приятно.

Мы с Митюшкой сели за стол в седьмом ряду и принялись наблюдать происходящее. Вот молодой человек с седыми волосами, облокотясь о стол, покусывает карандаш, что-то пишет. Другой, за первым столом, со шрамом на щеке, сидит поигрывая какими-то ключами, надетыми на палец... Сидящий впереди нас студент грыз ногти, в красных заусеницах, что вызывало противное чувство.

Но вот энергично, по-молодому, в аудиторию вошёл профессор, стал за кафедру и начал говорить. Все зашевелились, замолкли. В тишине звучала лишь чёткая, отточенная речь профессора. Он нас прежде всего предупредил, что материал, который он будет излагать, в учебниках нет и посоветовал вести конспект. Так началось моё обучение в институте.

Я вёл конспекты по всем учебным курсам, хотя удавалось мне это не без трудностей. Некоторые преподаватели читали свои лекции путано, не чётко формулировали выводы, делали пространные отступления. Поэтому следить за их мыслью было трудно и конспекты по этим курсам не отвечали моим желаниям.

Нагрузка в институте на студентов была огромной. Программу, рассчитанную на четыре года, мы должны были пройти за два. За эти два года нам пришлось сдать более десяти экзаменов и зачётов, фактически сдавали ежемесячно. Всё это изматывало умственно и физически.

Особенно мне запомнился первый экзамен.

Это был экзамен по старославянскому языку. Принимал его преподаватель Денисевич, белорус по национальности, которого мы звали Юсом, по причине того, что у него не было правой ноги и его фигура на костылях напоминала старославянскую букву "юс". Мне казалось, что я хорошо подготовился и потому, стоя у дверей класса, где проходили экзамены, не волновался, как некоторые, которые у каждого выходящего спрашивали: "Ну как, сдал? Как у него настроение?"

Подошла моя очередь, я спокойно вошёл в класс, но когда Денисевич посмотрел на меня, моё хладнокровие куда-то улетучилось и мороз пробежал по спине. Я вытащил билет, посмотрел вопросы и понял, что не знаю, как на них отвечать. Я ощутил какое-то торможение сознания, всё, что знал, вмиг улетучилось из головы и я почему-то подумал, что это взгляд Денисевича меня загипнотизировал. Я попросил взять другой билет. Денисевич, вопреки правилам, разрешил, но и на вопросы этого билета я не знал ответа. Тогда я попросил разрешения прийти на экзамен в другой раз, на что Денисевич дал согласие, хотя, буквально передо мной, он этого не позволил другому студенту. Возможно он подумал, что я заболел...

В подавленном состоянии я вернулся в общежитие и не радеяясь, плюхнулся на койку. Сутки я не выходил из комнаты, товарищи мне сочувствовали и это раздражало ещё больше. Самолюбие моё страдало, в голову лезли нелепые мысли: что Митюшка, успешно сдавший экзамен, наверное злорадствует, что Денисевич провёл надо мной эксперимент и специально меня загипнотизировал - вобщем, искал оправдания и винил в случившемся кого угодно, только не себя.

В конце концов, однако, эта неудача послужила для меня хорошим уроком и я, сделав правильные выводы, к последующим экзаменам готовился со всей тщательностью. Что в дальнейшем позволило мне сдавать их вполне успешно.

В комнате общежития кроме нас с Митюшкой жили ещё два студента. Дурнев Илья Николаевич был старше нас, в институт он поступил, имея уже педагогическую практику в начальной школе. Это был красивый, с кучерявыми волосами, мужчина. Он умел виртуозно играть на мандолине. Илья Николаевич имел привычку здороваясь, подавать руку не сгибая пальцы, "дощечкой" и мы ему стали подражать и таким же способом подавать руку. Он нравился мне своими свободными суждениями о профессуре института, умением чётко определять достоинства и недостатки преподавания. Его конспекты были подробными, читались как книжный текст и я завидовал этому умению записывать лекции. К экзаменам мы готовились по его конспектам и Дурнев часто рассказывал мне о своей работе учителем. В этих рассказах постоянно фигурировала одна учительница, которую он рисовал такой нежной, такой красивой, такой умной, что я даже ему как-то сказал, что он, как все влюблённые, идеализирует. На что он мне ответил: "А хочешь, я познакомлю тебя с её сестрой, она учится в физкультурном техникуме, на втором курсе. Она очень похожа на свою старшую сестру". И я, конечно, дал согласие.

Так я познакомился со своей второй невестой, Надей Винниковой. Она действительно была прекрасна. Мы дали друг другу слово, что никогда не расстанемся, но война перечеркнула наши мечты...

Ещё одного студента, по фамилии Забара, жившего с нами в общежитии, я не могу вспомнить по имени. Он никогда не вступал в наши разговоры, споры, держался особняком. Питался он не в столовой, как мы, а у своей кровати на тумбочке, где хранились его съестные припасы: хлеб, сало, сахар. Если мы с Митюшкой и Дурневым к экзаменам готовились вместе, то он всегда уходил читальный зал библиотеки. Забара считал нас несерьёзными людьми. Учился он, однако, на отлично, знал очень много, на любой вопрос у него был ответ, мы звали его ходячей энциклопедией. Он легко объяснял нам всё, что было не понятно.

Роста он был маленького, телосложения плотного, а оплывшее, всегда глянцевитое лицо имело выражение умное и независимое. Это выражение подчёркивалось невысоким, но выпуклым, над глубоко посаженными чёрными глазами, лбом, незаметно продолжавшимся бритой головой. Но стоило над ним подшутить, как лицо его менялось до неузнаваемости: глаза уходили глубже, на лице появлялись морщины и улыбка становилась другой.

Он никогда не смеялся, но однажды мы услышали его громкий, какой-то трагический хохот. Он стоял к нам спиной и казалось, с кем-то разговаривал, хотя никого рядом с ним не было. Вдруг резко повернулся к нам и мы увидели на его лице испуг, сверкающие, ненормальные глаза. Он восклицал: "Чёрный монах, чёрный монах...", затем бросился под кровать, повторяя эти слова снова и снова. На тумбочке лежала книга Чехова, раскрытая на странице с рассказом "Чёрный монах". Мы поняли, что Забара не в своём уме и вызвали медпомощь. После обследования, он действительно был признан невменяемым и помещён в психиатрическую больницу.

В марте 1937 года начиналась у нас педагогическая практика, за нею - госэкзамен и, наконец, распределение на работу.

Педагогической практики я побаивался: ведь мне было всего 18 лет, а выглядел я ещё моложе. одет был бедненько... Впрочем, выглядел не солидно, по сравнению с большинством студентов, обучавшихся на нашем курсе, которые были и старше и уже имели педагогический стаж.

Но волнения мои были напрасны. Присутствующая на уроке по русскому языку учительница класса, на перемене даже спросила: "Василий Владимирович, вы наверное уже работали в школе, или родители ваши учителя?" Я ответил, что в школе никогда не работал, и что

родители у меня крестьяне-колхозники из села Рогатик. "Тогда откуда же такой профессионализм?.." - спросила она, а я смутился и не знал, что ответить.

Не менее успешно прошла и практика по литературе. Мне поручили провести урок в 7 классе на тему "Поэма Маяковского "Владимир Ильич Ленин". Маяковский - мой любимый поэт, я часто декламировал его стихи на утренниках, когда учился в школе. Зоя Семёновна поручала мне различные декламации и не только Маяковского, а и американского революционного поэта Уолта Уитмена:

"Кипит наша алая кровь,
Огнём неистраченных сил!" -

и Безыменского:

"Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю шупают, — в руках чего-то нет..
- Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь?

И голос скорбный мне ответил: — Партбилет...

Один лишь маленький... И сердце задрожало.

Такой беды большой — еще никто не знал!

Один лишь маленький, один билет потерял,

А в боевых рядах — зияющий провал..." -

звенел мой юношеский голос, а сидевшие в зале матери спрашивали: "Да чей же это?", - и в ответ: "Да это сын Танюхи Поляковой"...

Поэму Маяковского я почти всю знал наизусть и на уроке декламировал её ребятам. Моё чтение их заворожило, Маяковский стал им понятным поэтом. Время урока пролетело, как одна минута.

За практику я получил отличные оценки, сложнее было с Государственным экзаменом. По современной литературе я выбрал тему реферата "Горький и метод социалистического реализма". На его написание было затрачено много хлопот, энергии и нервов. Я его переписывал три раза. Вопрос этот оказался довольно запутанным. Я добросовестно перелопатил огромное количество литературы, в которой было высказано много разных точек зрения по этому поводу. Я должен был проанализировать эти мнения и высказать свою точку зрения. На защите реферата, которая длилась дольше, чем у других, мне было задано пятнадцать вопросов. Профессор Утевский, читавший у нас курс античной литературы, попросил меня дать собственное определение социалистического реализма. Я уверенно начал отвечать. Судя по всему, мои рассуждения ему нравились, он кивал головой и улыбался. Наконец, он сказал: "Достаточно, я доволен ответом". Но при оценке моих знаний мнения комиссии разделились. Одниставляли мне "отлично", другие - "удовлетворительно". В конце концов, председатель комиссии, ректор института объявил, что, если бы была оценка "хорошо" (а в то время существовало только три оценки: отлично, удовлетворительно и плохо), то можно было бы поставить мне "хорошо", но поскольку такой оценки нет, они ставят мне "удовлетворительно". Я был доволен.

Экзамен по русскому языку прошёл без особых затруднений. Сочинение мною было написано на тему "Образы коммунистов в романе Шолохова "Поднятая целина".

Предстояло пройти последнее испытание: распределение на работу. Когда меня вызвали на комиссию, ректор сходу сказал: "Мы вас направляем на работу в Киргизию".

- Куда? - переспросил я, теряя сознание.

Киргизия для меня тогда казалась диким краем, населённым диким народом, где господствуют законы шариата, кровная месть, калым... Их жилища - юрты.

Увидев, как я изменился в лице, ректор стал меня убеждать, что у них имеется указание сверху направить из нашего выпуска на работу в Киргизию пять человек. Я мучительно думал, как мне избежать этой участи и придумал: заявил, что женат и по этой причине не могу исполнить решение комиссии. На что представитель парткома сказал, что по окончании техникума,

моя жена, согласно Положения о распределении, будет направлена на работу к мужу, в Киргизию. Я был в панике: Надежда никогда не согласится поехать в Киргизию, значит нашей дружбе - конец. И я стал, чуть ли не со слезами, умолять комиссию не направлять меня в Киргизию. Наконец, ректор спрашивает у декана: "А какие у него оценки за успеваемость?" Тот отвечает, что хорошие. "Так может мы его оставим у нас?" - члены комиссии закивали головами. "Только учтите,- говорит мне ректор - работать будете в деревне". Надо ли говорить, как я был обрадован!

Позже я узнал, что никакой разнарядки в Киргизию не было, а просто на предварительном распределении, никто не захотел ехать в деревню. И тогда комиссия прибегла к хитрости, каждому входящему предлагали ехать в Киргизию.

Итак, институт окончен. Мне предстояло ехать в село Волово, находящееся всего в девяти километрах от Рогатика. Было начало августа 1937 года, я получил подъёмные - 50 рублей и временное удостоверение об окончании института, диплом обещали выдать позже.

Это было сделано, по-моему, специально, чтобы заставить всех выпускников прибыть к месту распределения. Однако очень многие всё равно устроились на работу там, где хотели, учителей не хватало повсюду.

Что касается диплома, то я его получил уже после войны, когда прежал в Рогатик с семьёй в отпуск. Я съездил в Курск, в институт, и на основании разысканных обо мне архивных данных, мне был выписан диплом.

Окончив все расчёты с институтом, я решил этот день посвятить своей невесте. Мне захотелось на эти 50 рублей сделать ей подарок. Мы пошли в магазин, где она выбрала себе красивую кофточку. В глазах её светились благодарность и счастье. В этот день и всю ночь мы не расставались, до самого отхода моего поезда бродили по городу, отдыхали в парке, смотрели кино...Мы распланировали свою жизнь почти по месяцам: она окончит техникум, приедет ко мне, мы поженимся. Мы были уверены, что так всё и будет, однако мечтам нашим не пришлось осуществиться. На вокзале мы обнялись, расцеловались, Надя последний раз помахала мне ручкой, как оказалось - навсегда.

Курск. Музей истории народного образования.

Глава 6. Учитель

За неделю до 1 сентября 1937 года я появился в Воловской средней школе. К моему удивлению, директор школы даже не знал, что в его школу направляется новый учитель и моё появление было для него полной неожиданностью. Определив меня на частную квартиру, где до меня жил другой учитель и напомнив, чтобы я завтра был на учительской конференции, он распрощался, оставив меня в полном недоумении. Я не знал, ни в каких классах буду вести русский язык и литературу, ни почасовой нагрузки, не говоря уже о расписании...

На следующий день, появившись на конференции, я неожиданно встретил свою однокурсницу, Анюту Бахтину. Надо ли говорить, как мы обрадовались друг другу. Вокруг были незнакомые люди, мы чувствовали себя чужими. Аня поделилась своими впечатлениями о школе, в которую она попала. Больше всего её поразили в учительском коллективе враждующие между собой группировки... Настроение у неё было подавленным. Я тоже рассказал ей о холодном приёме.

Мне вдруг вспомнились мои друзья Митюшка и Федя, которые вместе попали в Долгое, там же работала и моя двоюродная сестра Настя. "Им-то хорошо..." - думал я. "А давай сбежим отсюда в Долгое" - неожиданно для себя предложил я Аняте и она не раздумывая, со свойственной ей решительностью, согласилась.

Не заходя на квартиры и даже не забрав свои вещи, мы прямо с конференции пошли пешком в Долгое. Дойдя до Рогатика, зашли ко мне домой, отдохнули, подкрепились хлебом с мёдом. Матери энергичная Анята так понравилась, что она, улучив минуту, даже шепнула мне: "Вот бы тебе жену-то эту".

Анята не была красавицей, но недостатка в ухажёрах у неё не было. Высокая, с роскошной грудью и бёдрами, она привлекала внимание многих и среди студентов даже ходили слухи о её несколько ветреном поведении. У меня с ней были хорошие дружеские отношения.

Мы продолжили наше путешествие и в пути Анята стала расспрашивать, есть ли у меня подруга. Я начал рассказывать о нашей любви с Надей Винниковой, а она внимательно слушала и я заметил, что она как-то изменилась: при обращении ко мне появилась не свойственная ей нежность, стала называть меня Васенькой. Не доходя до райцентра с километр, она предложила отдохнуть. Мы расположились на первой попавшейся лужайке, я сидел несколько поотдаля от Аняты, как вдруг она как-то повелительно приказала мне: "Иди сюда". Когда я сел рядом, она неожиданно прижалась ко мне, обняла и стала горячо целовать...

Наконец, к вечеру, мы добрались до Долгого, где нас с радостью встретили мои друзья. На следующий день они представили нас зав. РОНО. Тот отнёсся к нам вполне благожелательно, внимательно выслушал и приказал секретарю подготовить приказ о зачислении на работу учителями: меня - в Должанскую среднюю школу, Анюту - тоже в среднюю школу, но в другое село.

Должанская средняя школа располагалась в центре посёлка, возле церкви. Раньше это была церковно-приходская школа. С жильём мне повезло, я быстро нашёл квартиру рядом со школой, сняв её у большого, дружного семейства. Младшая дочка хозяина, пятилетняя Юлечка, сразу повела себя со мной, как со старым знакомым. Взяв в руки балалайку, с улыбкой на симпатичной мордашке, она играла и задорно пела:

На маленькой поляночке
Стояло три сосны,
Прощался со мной миленький
До будущей весны.
Он клялся и божился
Одну меня любить... и т.д.

Это была юморная картина, доставлявшая мне истинное удовольствие.

На следующий день, несмотря на то, что было воскресенье, я пошёл в школу. Первым, кого я встретил там был Николай Дементьевич, преподаватель математики. Внешность у него была благообразная, профессорская, на умном лице щурились хитрые глазки. Он отнёсся ко мне благодушно и пригласил в гости, сказав, что его жена тоже преподаёт русский язык и литературу. Я согласился: было интересно поговорить с коллегой, имеющей опыт практической работы.

Мария Васильевна и Николай Дементьевич проявили ко мне максимум внимания. Угощая чаем с вишнёвым вареньем, они посвящали меня во взаимоотношения учителей, давая при этом негативные характеристики некоторым из них. Особенно резко отзывались о директоре школы Соловьёве.

Между тем, когда я увидел директора, он произвёл на меня хорошее впечатление. Он мало походил на директора школы, больше на шахтёра: широкоплечий, простой, даже мужиковатый. У него были необычные глаза: на белках серого цвета светились выпуклые золотистые зрачки. Мне казалось, что такого немногословного и обстоятельного человека должны все уважать, но к моему удивлению, некоторым учителям он не нравился и как я понял, причиной этого был Дементьевич, явно рвавшийся к директорству.

Директор также принял меня любезно и пригласил в гости. Его квартира находилась в школьном здании. Супруга директора была намного моложе его, она приветливо и так просто встретила меня, что я, будучи от природы застенчивым, почувствовал себя в этой семье свободно, словно в кругу друзей. Время было обеденное и меня пригласили пообедать. Мне хотелось есть, но я считал это неудобным, однако не зная, как отказаться, сел за стол. Обед был простым, но вкусным, особенно мне понравился суп с фрикадельками. Видимо я так жадно ел его, что супруга, не спрашивая, налила мне вторую порцию, которую я тоже с удовольствием съел.

За обедом директор также дал характеристику преподавательскому составу, она была не похожей на ту, которую давал Николай Дементьевич. Я понял, что в школе существует два враждебных лагеря и принял для себя решение занять нейтральную позицию.

Воспоминания о моей работе в этой школе в общем огорчительны. Я попал в нездоровую обстановку. Преподаватели, люди, в основном, пожилые, безинициативные, обременённые семьями, стремились навесить на меня многие поручения. Из-за неопытности я часто не мог с чем-то справиться, что вызывало переживания и раздражение во мне. Из молодых преподавателей был только один, биолог. Он был горбат и поэтому не хотел идти со мной ни в клуб, ни в кино, а предпочитал проводить время за бутылкой, приобщая к этому и меня. К счастью, случай помог мне поменять школу.

Супруга второго секретаря райкома, по образованию литератор, вдруг изъявила желание возобновить работу в школе. Нужно было освободить для неё место и выбор пал на меня, молодого и одинокого. Вызвав меня на беседу, зав. РОНО предложил мне перейти во Фроловскую среднюю школу, охарактеризовав её как одну из лучших в районе. Он рассказал, что в селе много молодёжи, в том числе среди преподавателей, что село расположено всего в двух километрах от райцентра... Решив, что там мне не будет хуже, чем здесь, я согласился.

Во Фроловской школе я уже был единственным преподавателем по русскому языку и литературе, вёл свой предмет в 5-х, 6-х и 7-х классах. Среди учителей трое были мои ровесники, обстановка в коллективе была нормальной... Но поработать учителем мне пришлось не долго, в октябре 1939 меня неожиданно призвали в армию. Почему неожиданно? Дело в том, что тогда существовал закон, запрещающий призывать в армию учителей и некоторые другие категории специалистов. А международная обстановка, между тем, стремительно осложнялась: летом 1938 года произошёл крупный вооружённый конфликт в районе озера Хасан, который спровоцировали милитаристы Японии. По мюнхенскому сговору США и Англия отдали Гитлеру Чехословакию, возникли два серьёзных очага войны: на Дальнем востоке и в Европе, а 1 сентября 1939 года фашистская Германия напав на Польшу, развязала Вторую мировую войну.

Непосредственно у границ СССР, в Финляндии, в массовой пропаганде шла активная моральная подготовка общественности к войне против Советского Союза. Там запретили Компартию, все демократические и левые организации были разгромлены.

Всё это вынудило наше государство принять новый Закон о всеобщей воинской обязанности, по которому все льготы по призыву были отменены, а сроки службы в армии увеличены.

На призывной комиссии, я, храня в воображении образ ливенского пограничника, попросил направить меня в Пограничные войска.

В день отъезда отец на подводе доставил меня и ещё одного призывника из Рогатика, Николая Дорофеева, к назначенному сроку в район. Николай, известный в районе комбайнёр, передовик, член партии, был расстроен, подавлен. Он был старше меня на несколько лет, недавно женился на рогатинской красавице Нюрке и конечно ему не хотелось оставлять молодую жену на целых три года.

В районном клубе мы влились в команду, сформированную Должанским райвоенкоматом для отправки к месту службы. Было много провожающих, стоял шум и гомон, играла гармонь, разнося печальные мотивы расставания. Рядом со мной прощалась молодая супружеская пара. Это был мой знакомый учитель Кудрявцев. Они прощались весело, жена наказывала ему дослужиться до командира и говорила: "Смотри, без кубиков не возвращайся!"

Отец, расстроенный, со слезами на глазах, стоял за углом клуба, наблюдая за мной и, встретив мой взгляд, помахал рукой... Это было моё последнее общение с отцом. Умудрённый жизненным опытом, имея живой ум и чуткое сердце, он уже тогда понимал, что прощается со мной навсегда...

А мы, погрузившись на грузовики, запели залихватские песни, не думая, какая тяжёлая судьба ожидала каждого из нас. Мы были молоды, а молодость ведь беззаботна...

Глава 7. Служба

В поезде, мне страстно захотелось узнать, куда нас везут. Николай Дорофеев несколько раз спрашивал сопровождавшего офицера, но тот отмалчивался. И только после того, как мы миновали Ленинград, офицер, не выдержав настойчивости Николая, ответил: "В Реболград".

- Где находится этот город? - спросил меня Николай.

- Я не знаю такого города,- ответил я. Но он не унимался, нажимал на меня:

- Как же так, учёный человек, а географии не знаешь!

- Да нет такого города, - защищался я.

- Не может командир врать, комсомолец! - этим словом Дорофеев обзывал всех, кто был моложе его и, по его мнению, слабо разбирался в жизни...

Когда же мы прибыли к месту назначения, то оказалось, что этот Реболград - обыкновенное небольшое село, затерявшееся в лесах на границе с Финляндией. Называлось село Реболы, именно там дислоцировался штаб 73 пограничного отряда.

Карелия! Ей было отдано восемь лет моей юной жизни, её земля полита и моей кровью...

Территория Карелии начала заселяться ещё в шестом тысячелетии до н.э. финно-угорскими племенами, предками современных карелов и вепсов. Начиная с девятого века, вплоть до двадцатого, эта многострадальная земля поочерёдно входила в состав Киевской Руси, Новгородской республики, Швеции, Финляндии, Российской империи. Советская власть установилась там в январе 1918 года, но уже в апреле началось наступление белофиннов, которое было отбито и провозглашена советская республика под названием Карельская трудовая коммуна. В июле 1923 года она была преобразована в Карельскую АССР.

За восемь лет жизни в Карелии я полюбил этот край. Я полюбил Карелию за красоту её ландшафта, за её добрый, умный, трудолюбивый народ, за то, что она подарила мне в жёны чудесного человека, с которым я прожил счастливо лучшие годы своей жизни.

Если подняться на самолёте, то Карелия предстанет под вами краем сплошной тайги. Куда хватает глаз раскинулись леса, леса, леса: ели, сосны, берёзы, ольха... И озёра. Глядя на эту красоту, дух захватывает, возникает образ Отчизны зримо величественной, беспредельной, прекрасной и возникает чувство гордости от всей души, от всего сердца.

Озёрный край покорила меня, недаром впоследствии моей любимой песней была: "...долго будет Карелия сниться, будут сниться с этих пор - остроконечных елей ресницы, над голубыми глазами озёр". Чем дальше я вживался в пограничную службу, тем больше восхищался красотой карельских лесов, с полянами лиловых костров иван-чая, с валунами облепленными ягелем платинового цвета. Гудят жуки, ветерок шелестит в ветвях... Здесь бродят и медведи, и лоси, к сожалению, и комаров тоже достаточно. Меж деревьев извиваются ручейки, а есть и речушки, по которым местами проходит граница. В реках огромное количество рыбы - сто четырнадцать видов водится в них.

В 73 пограничном отряде началась моя военная служба, которой я отдал двадцать лет своей жизни. Эмоциональное восприятие границы я получил сразу, с первых дней. Как ни странно, этому способствовала строевая песня, под которой солдаты ходили на занятия и в баню. В этой песне рассказывалось о подвиге пограничника Андрея Коробицина, эта песня волновала меня, вызывала во мне чувство ответственности перед собой и нашей Родиной. Сегодня я помню только первый из трёх её куплетов:

Проходит ночь, встаёт рассвет,

А на границе Коробицин,

И затаила вражий след

Финляндская граница.

В ночь на 21 октября 1927 года на участке сестрорецкого погранотряда (под Ленинградом) произошёл вооружённый инцидент. Вот как описан подвиг пограничника Коробицына в рассказе Ивана Никошенко "Бессмертие":

"Обстановка в 1927 году на всех участках государственной границы складывалась напряженная. Нарушений было много, людей на заставе не хватало, и на ближние участки высылались одиночные наряды.

В ту осеннюю ночь Андрей был один. Он не только задержал, но и охранял нарушителей до прихода тревожной группы.

Уже потом в служебной характеристике Коробицына начальник заставы Мамаев написал: «Надежный, смелый и преданный боец, который не уступит и не испытает страха перед любой опасностью.

Андрей был действительно мужественным и скромным человеком, на редкость привлекательным парнем. Стройный, черноволосый. Темно-карие глаза всегда светились открытой улыбкой. Любил песни. Лихо играл на гармошке, с удовольствием отплясывал «барыню».

Как все деревенские парни того времени, он не отличался особой грамотностью, но тянулся к знаниям. На политических занятиях, где разъяснялась экономическая политика нашего государства, роль партии в руководстве молодой Страной Советов, рассказывалось о враждебной деятельности разведок капиталистических стран, для Андрея открывались глаза на жизнь Родины. Оказывается, его, жизнь была частицей этой большой жизни.

Обычно занятия проводились в красном уголке заставы. Бойцы рассаживались по деревянным скамейкам за единственным в комнате столом, раскрывали самодельные тетрадки. С этого мгновения они — само внимание. Глаза устремлялись на помощника начальника заставы по политчасти Сергея Евгеньевича Любимова. Обычно глуховатый голос его звучал живо, взволнованно:

Не только на нашем участке, но и по всей границе сейчас неспокойно. Враги наши идут на прямые столкновения с пограничниками, провоцируют. Вы знаете и о налетах на советские представительства в Берлине, Пекине, Шанхае, об убийстве советского посла товарища Войкова в Польше ... — В комнате тишина, слова Любимова глубоко западают в души пограничников.

Коробицын слушает с настороженным вниманием. Румянец на лице сменяется бледностью. Он то и дело порывается выступить, но останавливается на полуслове. Видно, что для него в эти минуты решалось что-то важное.

...В тот день на заставе только и был разговор о том, как надежнее прикрыть границу, не пропустить врага.

21 октября 1927 года в четыре утра начальник заставы Мамаев направил Коробицына на охрану границы. Задача: вести открытое подвижное наблюдение на участке 213—215 пограничных столбов. Участок границы ввиду особой напряженности усилили за счет других застав. Нарушителей ожидало много сюрпризов и у дозорной тропы и в глубине леса: там в шахматном порядке были тоже расставлены пограничные посты.

Обход начинался с полуразрушенного сарая, гнившего на берегу Хойки-йоки. Неподалеку от него желтел стог сена.

Коробицын внимательно осмотрел все вокруг, прислушался.

Несильный ветер гулял по опушке, чуть колебля ветви и сбрасывая последние, еще цеплявшиеся за жизнь листья. Андрей постоял немного, глядя на эту картину, и пошел дальше.

Он мягко ступал по мшистой болотистой почве. Кончился лес.

Из-за кустов на опушке показалась широкая поляна с обгоревшими голыми пнями. Если пройти немного вперед — будет еще поляна, пересеченная Хойкой. Андрей дошел до пограничного столба 215 и тем же путем направился обратно.

А в это время с сопредельной стороны за Коробицыным наблюдали четыре пары глаз. Одетые в невзрачную одежку местных крестьян сидели диверсанты в кустах. Им надо было пробраться в Ленинград, чтобы террористическими актами и диверсиями омрачить десятилетний юбилей Советской власти.

Пекконен, главарь банды, детина огромного роста, силач и спортсмен, прошедший подготовку в шпионско-диверсионной школе, следил за движением дозорного и одновременно смотрел на минутную стрелку часов. По часам и по размеренному шагу пограничника он высчитал, какое расстояние от исходного до конечного пункта занимает охраняемый им участок, сколько времени остается граница «открытой» в том месте, где они наметили переход на советскую территорию.

Осыпались последние осенние листья. Негромко шумел лес. Часа через два ветер совсем утих. Прошел проверяющий с заставы и остался доволен: Коробицын выполнял задачу добросовестно.

Ясноло утро. День устанавливался сухой, безоблачный.

Андрей уже взошел на бугор, покрытый сосновым лесом и мелким оголенным кустарником. И вдруг ему послышался всплеск. Он на минуту остановился и, не дыша, прислушался. Тишина...

«Наверное, показалось», — решил он и продолжил путь.

«А что, если всплеск был потому, что кто-то переходил Хойку?! Что, если враг сунулся через реку сейчас, сию минуту?!» Эта мысль заставила Андрея вернуться обратно.

Совсем рассвело, когда он оказался на поляне с одиноко чернеющим сараем и стогом сена. Андрей был почти уверен, что все спокойно, и вдруг — неизвестные. Встретились лоб в лоб. Один громадного роста, с сумкой через плечо. Парабеллумом целился прямо в Андрея. Другой — невысокий, черный с двумя резкими складками на щеках — пошел на пограничника справа. Третий притаился за деревом. Четвертый выскочил слева, из-за сарая.

Четыре дула глядели на Коробицына.

— Сдавайся! — гаркнул детина.

Андрей не растерялся: он на своей земле! Щелкнул затвор винтовки.

— Стойте! — повелительно крикнул он.

Но нарушители продолжали идти на него.

— Сдавайся, иначе все равно уьем! — повторил главарь. Послышались угрозы и дикие ругательства его подручных.

— Руки вверх! — грозно крикнул Коробицын.

Грянул винтовочный выстрел. Взмахнув руками, бандит упал. Трое остальных бросились за сарай и открыли беспорядочную стрельбу из пистолетов.

Коробицын продолжал обстреливать нарушителей. Сильная боль в ноге заставила его припасть на одно колено и выстрелить еще раз. Рана в другой ноге вынудила Андрея опуститься на землю.

Когда из винтовки был выпущен последний патрон и боец, приподнявшись, потянулся к подсымку за новой обоймой, третья вражеская пуля ранила его в живот. Уже лежа на земле, Андрей прицелился еще раз, выстрелил и увидел, как бандит пошатнулся и упал.

Напрягая слабеющие силы, Андрей полз навстречу врагам. По траве тянулась алая полоска крови. Он перезарядил винтовку.

«Все равно, сволочи, не пройдете...» — повторял Андрей, продолжая стрелять. Шпионы не выдержали схватки с мужественным пограничником. Расстреляв обоймы, они бежали за кордон. Коробицын прижимал приклад к плечу, прицеливался, но вдруг перед глазами пошли круги, пограничник потерял сознание.

Схватка длилась несколько минут, всего несколько минут, но какими долгими показались они Андрею... Когда Любимов с бойцами прибыл на место происшествия, Коробицын лежал,

прижавшись лицом к земле, будто прося у нее поддержки. Крепко зажатая в руке винтовка наискосок лежала под ним. Полы шинели, брюки, голенища сапог в крови.

Он был еще жив, придя на мгновение в сознание, сказал:

— Они не прошли. Их было четверо.

Около сарая пограничники собрали пятьдесят шесть гильз. Патроны были в парафине, чтобы не подмокли и не дали осечку.

В тот же день Андрея Коробицына отправили в Ленинградский военный госпиталь. Прощаясь, он говорил товарищам:

— Передайте начальнику, пусть не беспокоится, подлечусь и снова вернусь на заставу.

Трое суток врачи боролись за жизнь отважного пограничника, но раны оказались слишком тяжелыми..."

Моя пограничная служба началась с учебного пункта. Для меня это был самый тяжёлый период службы: на меня навалилась тяжёлая, изнуряющая физически и духовно жизнь, в первую очередь потому, что она резко контрастировала с моей гражданской жизнью. Например, я привык, что дома меня звали по имени, на работе - по имени и отчеству, а тут - по фамилии. В первые дни из-за этого я даже чуть не получил взыскание. Случилось так: командир отделения командует: "Болотских, выйти из строя!", - а я не реагирую, до меня не доходит, что это относится ко мне. Командир, раздражаясь, повторяет команду, товарищ, стоящий рядом, толкает меня, и только тут я понимаю, что команда относится ко мне. Командир говорит: "Надо быть внимательным, вы не у тёщи на блинах. На этот раз прощаю, в следующий - пойдёте на кухню чистить картошку", - а я стою и с возмущением думаю: "Да где же справедливость! Какой-то секретаришка-комсомолец из города Кирова читает мне, человеку с высшим образованием, учителю, нравоучения..." Эмоции кипят, а трезвый ум приказывает: "Стой и слушай. Ты в армии".

В другой раз командир отделения командует: "Болотских, бегом в казарму, к старшине роты". Прибегаю. Старшина стоит возле моей койки, развороченной, и приказывает заправить. "Но она была заправлена", - говорю я. "Не по уставу", - отвечает он.

В дальнейшем мною было чётко усвоено, что схлопотать наряд вне очереди проще пареной репы: не отдал честь, не застегнул пуговицу, не почистил сапоги, возразил старшему по званию, плохо заправил кровать, не успел почистить личное оружие... и т.д. и т.п.

Нас часто будили по тревоге. В одной из таких тревог, не успев намотать портянки, я сунул их под подушку, а сапоги обул на босые ноги. Дневальный, проверяя койки, обнаружил портянки и доложил командиру взвода. Командир взвода пришёл в казарму, встал напротив нашего строя и скомандовал:

- Болотских, выйди из строя... Кру-гом!- Я повернулся лицом к строю.

- Снять сапоги, - приказал командир.

- Зачем? - не по уставу спросил я. Он повторил приказание, я снял сапоги и стоял босой перед строем товарищей. И тогда взводный разразился грозной тирадой, из которой следовало, что в боевой обстановке, совершённый мной поступок мог бы стать причиной поражения армии!

Очень трудно мне было привыкнуть к жёсткому распорядку дня. Наша жизнь была расписана по минутам, проходила по команде и в быстром темпе. Бывало в столовой не успеешь ещё съесть второе, как раздаётся команда: "Встать! Выходи строиться!" Выматывали строевая подготовка, штыковой бой, преодоление препятствий, работа на спортивных снарядах, приёмы борьбы невооружённого с вооружённым, огневая подготовка, тактические занятия... Легче было на занятиях по политподготовке, воинскому уставу и материальной части оружия, особенно в взаимодействии частей и механизмов, на чём чаще всего засыпались мои товарищи.

Спустя некоторое время нас начали привлекать к несению службы в карауле. Помню, как на моей первой караульной службе произошёл прямо-таки комический случай. Я нёс службу у

склада боеприпасов. Была осень, моросил мелкий дождь... Примерно в 23 часа ночи я заметил приближающуюся к моему посту фигуру человека. Я скомандовал:

- Стой, понимаете ли...Пропуск!
- Я капитан Рожанский, начальник учебного пункта,- слышу в ответ.
- Какой ещё гражданский, ложись, понимаете ли... - кричу я и клацаю затвором винтовки.
- Вызовите начальника караула!- требует капитан, приседая. Но я не унимаюсь:
- А я говорю, ложись!

Капитан лёг, после чего я вызвал начальника караула. Начальник караула, хорошо знавший капитана Рожанского, доложил ему о состоянии службы в карауле. Капитан, выслушав его объяснения о том, что я из призывников и впервые стою на посту, приказал направить меня в караульное помещение. Я сдал пост и со страхом вошёл в караулку.

- Как фамилия? - спросил Рожанский.
- Болотских,-стоя по стойке "смирно", ответил я.
- Красноармеец Болотских, службу часового несли правильно, за что объявляю вам благодарность.

- Служу Советскому Союзу! - радостно воскликнул я.

- Скажите, красноармеец Болотских, вы устав внутренней службы изучали? - продолжил разговор капитан.

- Да, конечно,- раскованно ответил я.

- Сомневаюсь,- возразил Рожанский.- В уставе нет таких команд:"Стой,понимаете ли","Ложись,понимаете ли"... Да и сейчас, отвечая на мой вопрос, вы сказали "Да,конечно", а ведь по уставу положено:"Так точно", или "Никак нет". Поэтому, за неуставное применение команд я делаю вам замечание.- И, обращаясь к начальнику караула, добавил:

- Я разрешаю красноармейцу Болотских продолжать службу в карауле.

Время шло и постепенно я втянулся в воинскую жизнь.

Большую поддержку оказывал мне Николай Дорофеев, односельчанин. Как старший товарищ, имевший жизненный опыт, он старался помочь мне в различных мелочах быта. Вспоминается случай, когда при переходе маршем с одной заставы на другую, я растёр до крови пятку правой ноги. На привале он снял мой сапог, выпрямил внутри свернувшийся задник, затем, опустил в сапог конец ремня. После того, как я одел сапог, он вытащил ремень, задник сапога распрямился и я при ходьбе уже не чувствовал боли. Позже, когда его,как специалиста-механизатора перевели слесарем в автозвод штаба отряда, он через начальника добивался, чтобы меня посылали то на спортивные соревнования, то для участия в художественной самодеятельности, что было для меня настоящим праздником.

В памяти всплывают случаи, так или иначе, оказавшие на меня влияние. Прежде всего хочется рассказать о первом наряде по охране границы. Осенью 1939 года обстановка была тревожная. Охрана границы велась по усиленному варианту. На боевом расчёте начальник заставы объявил, что я иду в наряд на 12 часов ночи. Я конечно не мог заснуть ни на минуту, в положенное время встал, оделся и вместе со старшим наряда зашёл в канцелярию заставы.

Начальник заставы проверяет оружие, экипировку и спрашивает:

- Какие есть жалобы?
- Жалоб нет,к несению службы готовы,- отвечает старший наряда.
- Приказываю выйти на охрану Государственной границы СССР. Вид наряда - дозор, маршрут движения: застава - левый фланг участка, до стыка с 11-й заставой.

Далее он доводит до нас обстановку на участке, где и какие наряды, способы связи с ними и т.д.

- Какие будут вопросы?- спрашивает он нас.

- Вопросов нет, разрешите повторить, - отвечает старший наряда. Повторяет. Начальник заставы:

- На охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических республик, шагом марш!

И мы, в сопровождении дежурного по заставе идём к месту для заряжения оружия, под контролем дежурного заряжаем оружие и выполняем его команду:

- На право! Шагом марш!

Отойдя от заставы метров пятьдесят, старший наряда ставит мне задачу:

- Я иду впереди и осматриваю местность, прослушиваю её впереди и справа. Ты идёшь за мной и осматриваешь, прослушиваешь местность слева и сзади. Условный сигнал - щелчок прицельной планкой, означает немедленное прекращение движения и прослушивание местности. Пропуск: "Москва", отзыв - "мушка".

И вот первая остановка. Я терпеливо жду, когда двинемся дальше, проходит минута, вторая, пять минут, я начинаю беспокоиться, почему мы так долго стоим. Вдруг слышу впереди шаги, чавканье мокрой почвы и вижу силуэт, приближающийся к нам. Старший наряда почему-то не реагирует, тогда я вскидываю винтовку и властно спрашиваю: "Пропуск?", "Москва", - слышу в ответ... Оказывается это был старший наряда, который ушёл вперёд, а я принял сломанное грозой дерево, в темноте кажущееся фигурой человека, за него.

После возвращения на заставу он, рассказывая об этом случае, обыграл его с таким юмором, что я запомнил его, как видите, на всю жизнь.

Глава 8. Война с Финляндией

Осенью 1939 года наше обучение неожиданно было прервано из-за начавшейся войны с Финляндией.

Об этой войне сегодняшнее поколение мало что знает и потому я остановлюсь на этом вопросе более подробно. В 1939 году наши отношения с Финляндией строились в обстановке милитаризации Германии и начавшейся войны. Правящие круги Финляндии усилили военное сотрудничество с Германией, вели шовинистическую пропаганду о создании "Великой Финляндии", которая включала бы в себя и советскую Карелию. Наше беспокойство было вызвано и тем, что граница с Финляндией проходила всего лишь в 32 км от Ленинграда.

Территориальные разногласия с Финляндией были обусловлены событиями, которые произошли ещё в годы гражданской войны. Как известно, Финляндия получила независимость в декабре 1917 года. Вскоре после этого, в ставке верховного главнокомандующего финской армии, генерала Маннергейма, был разработан план организации "национальных восстаний" в Восточной Карелии и выделены специальные финские инструкторы для создания очагов восстания. Весной 1918 года начались военные операции по захвату Восточной Карелии и Кольского полуострова, готовилось даже наступление на Петроград, но уже летом 1919 года, Красная Армия отбросила белофинов за линию границы. По Тартускому мирному договору, Советская Россия пошла на значительные территориальные уступки.

В 1938 году, в условиях надвигающейся угрозы со стороны Германии, советское правительство предложило Финляндии военную и финансовую помощь в случае вторжения немцев. Предлагалось также сдать в аренду на 30 лет остров Гогланд с тем, чтобы разместить на нём советские военные базы для флота и авиации. В качестве компенсации предлагали земли в Восточной Карелии. Но эти предложения были отвергнуты, так как общественное мнение и парламент в Финляндии были настроены против заключения каких бы то ни было соглашений с большевистской Россией.

В 1939 году, уже в условиях начавшейся Второй мировой войны, переговоры были возобновлены. На этот раз советская сторона предлагала передвинуть границу от Ленинграда на 90 км, в обмен на территории в Карелии, общей площадью вдвое больше получаемой от Финляндии. Однако и на эти условия финны не согласились, не желая отдавать полосу укреплений на так называемой "линии Маннергейма". Более того, 10 октября 1939 года из резерва были призваны солдаты на внеплановые учения, что означало полную мобилизацию.

В ответ начинается концентрация частей Ленинградского военного округа вдоль границы.

А 26 ноября происходит инцидент в районе посёлка Майнили. Историки до сих пор не имеют единого мнения относительно того, был ли совершён обстрел советской территории Финляндией или это была провокация, специально организованная советской стороной, но 30 ноября 1939 года части Красной Армии переходят границу Финляндии и начинают наступление в направлении линии Маннергейма. Преодолеть её сходу не смогли и военные действия приняли затяжной характер. Красная армия попала в сложное положение, неся большие потери. Действие наших войск усложняли снежные заносы до трёх метров глубиной и сильные морозы, доходившие временами до 40 градусов, из-за которых стрелковое оружие выходило из строя. Финны сопротивлялись умело, их боевой дух был на высоком уровне. Вступить в переговоры финское правительство упорно отказывалось, и только когда после тщательной подготовки, частям Красной Армии, ценой огромных усилий, удалось прорвать линию Маннергейма, начались переговоры. Теперь Сталин упорствовал и требовал уступок. Финляндия вынуждена была отдать нам часть территорий.

12 марта 1940 года между СССР и Финляндией был подписан мирный договор. Эта "зимняя война", длившаяся всего 105 дней, принесла огромные жертвы с обеих сторон. Погибло и пропало без вести 23 тысячи финских военнослужащих. Число раненых составило 44 тысячи. В связи с подписанием мирного договора, газеты в Финляндии вышли в траурном оформлении, женщины оделись в чёрное и не скрывали слёз. С отошедших к нам территорий было эвакуировано в Финляндию 440 тысяч человек, оставшихся без крова. Потери наших войск были ещё больше - 70 тысяч убитых и 176 тысяч раненых и обмороженных. Финская война показала Гитлеру низкий уровень боеспособности Красной армии и он стал форсированно наращивать боевую мощь, нацеливая её уже совершенно определённо на восток.

Может быть кому-то эта война кажется маленькой и незначительной, в сравнении с последующей Великой Отечественной, но для меня она осталась навсегда не менее тяжёлой. Я был участником этой войны, свидетелем и могу подтвердить необученость наших войск, некомпетентность части командиров.

25 ноября 1939 года личный состав учебного пункта 73 пограничного отряда был поднят по тревоге, выстроен на плацу и срочно, раньше срока приведён к присяге. После чего мы были распределены по комендатурам. Я с Дорофеевым оказался на третьей комендатуре, откуда нас направили на 10 погранзаставу, расположенную на направлении главного удара Красной армии Реболы-Леидеры-граница. Перед личным составом 10 погранзаставы была поставлена задача снять финский пограничный кордон и тем самым открыть путь нашим наступающим частям.

30 ноября мы приступили к выполнению этой боевой задачи. Построившись в цепь, короткими перебежками мы стали приближаться к кордону. Было тихо и решив, что кордон оставлен, мы неосторожно сгрудившись в кучу, побежали к зданию, из окон которого вдруг обрушилась на нас автоматная очередь, сразу скосившая троих. Мы залегли. Я находился на правом фланге, с той стороны здания, где окон не было, но была открытая дверь. Я решил попробовать проникнуть в эту дверь, так как мы несли большие потери. Я незаметно пробрался в помещение, там никого не оказалось и только у окна я увидел, к моему удивлению, женщину. Короткими и длинными очередями она умело вела огонь по нашим. Выстрелить в неё я не смог, ведь это была женщина. Мысль работала молниеносно. Я решил в момент длинной очереди бесшумно добежать до пирамиды для оружия, которое располагалось рядом с окном. Мне это удалось и, прихватив обломок лыжи, лежавший на полу, я притаился за пирамидой. Как только она повела огонь вновь, я одним прыжком оказался рядом и ударил её по голове. Выронив автомат, она медленно опустилась на пол... Как потом выяснилось, это была прачка, член профашистской военизированной организации Щюцкор. Она не успела уйти с солдатами, которые решили сдать пост без сопротивления. Женщину отправили в комендатуру, а её автомат был оставлен на заставе. Наша армия тогда не имела автоматов на вооружении и поэтому финский автомат "суоми" вызвал у нас живейший интерес, но нам он не понравился. Это было тяжёлое, неуклюжее оружие, с массивным круглым диском, который часто допускал перекос патрона.

А дальше перед нами, пограничниками, была поставлена задача совершать разведывательные и диверсионные рейды по тылам противника. Прямо скажу: опасное, изнурительное, тяжёлое это дело. Ходить по вражеским тылам несравненно страшнее, чем вести открытый бой на фронте. На передовой душа спокойна, только холодная ярость сжимает сердце: вот он враг, перед тобой, и надо стрелять и стрелять в него, пока он не побежит.

В тылу врага противник не виден, он повсюду. Нас подстерегали засады, минные поля, снайперы-кукушки там, где опасности не ожидаешь... Поэтому свои рейды мы совершали главным образом в ночное время. Шли на лыжах по снежной целине, держа палки под мышкой: чтобы по лыжне не могли определить численность группы. В такие группы зачисляли солдат физически выносливых, хорошо ходивших на лыжах, умевших вести огонь с движения, слёта, не прицельный, но меткий. Перед выполнением боевой задачи мы оставляли личные документы на заставе. Политрук, проводивший с нами беседы говорил примерно так: развед-

чики обречены на безгласность. Их героизм не будет расписан фронтовыми журналистами, их труд не измерить числом уничтоженных врагов. Лишь ляжет на стол командующего очередная сводка со словами: "согласно оперативным данным..." - результат работы людей, забывших обо всём, кроме выполнения боевой задачи.

Задача наша состояла ещё и в том, чтобы парализовать действия финских диверсионных групп, часто заходивших в тыл наших наступающих частей. Мы обнаруживали их базы и уничтожали их, на их лыжнях устраивали засады. Иногда сутками, зарывшись в снег, не шевелясь, голодные, мы ждали противника. И вот, 22 января 1940 года, находясь в такой засаде, я обморозил ноги. Боль в ногах я почувствовал уже после боя, когда мы вернулись на заставу. Не раздеваясь, я лёг на койку и забылся в усталости. К пугающей непослушности обмороженных ног прибавилась резкая боль в груди, временами, словно нож она врезалась в сердце и я не мог даже вздохнуть. Когда боль отступала, меня охватывал ужас от мысли, что ноги могут ампутировать. Но на следующий день мне стало лучше, обморожение оказалось не обширным, и когда начальник заставы предложил отправить меня на лечение в комендатуру, я наотрез отказался: мне казалось постыдным бежать в тыл, когда мои товарищи будут испытывать лишения и опасности. Начальник не стал настаивать и через две недели я стал в строй и продолжал ходить в разведку.

Был ещё один, запомнившийся мне случай, когда мне пришлось мобилизовать всё своё мужество, чтобы не прослыть трусом у товарищей. Мы вышли на очередное задание, когда вдруг у меня сломалась лыжа: отломился носок. Нам предстояло пройти большое расстояние в тыл противника и, поскольку от заставы мы ещё были не далеко. политрук, возглавлявший группу, приказал мне вернуться на заставу. Но я поклялся товарищам, что обузой для них не стану и мы продолжили движение. Я хорошо понимал, что мне будет очень трудно, но не мог поступить по-другому, потому что помнил, как однажды, получив небольшую травму, наш начальник заставы отказался от участия в операции, и личный состав расценил этот поступок, как проявление трусости. В походе, как и ожидалось, было невероятно трудно, лыжа постоянно зарывалась в снег и мне приходилось не скользить, а фактически бежать, но я не отставал ни на шаг. Несколько раз политрук предлагал мне поменяться лыжами хоть на время, но я отказывался и старался не подавать даже намёка на усталость. Моё терпение, как мне показалось, даже в какой-то степени помогало и группе не расслабляться, хотя всем было трудно.

Военные действия, между тем, на Ребольском направлении развивались для нас неудачно. Части Красной Армии, так стремительно начавшие наступление на этом направлении, в конце января попали в окружение. Более месяца они вели бои, получая снабжение по воздуху: питание и боезапас сбрасывали с самолётов. Финны вернулись на свой кордон, значительно его укрепили и как нам стало известно, готовились нанести удар по нашей 10-й заставе. Чтобы упредить этот удар, наше командование принимает решение начать наступление силами пограничников на финский кордон и уничтожить его. На 10-й заставе была сосредоточена довольно значительная группировка пограничников, наступление планировалось начать 12 марта.

В ночь с 11 на 12 марта я не спал. Передо мной прошла вся моя жизнь, я вспоминал детство, школу, институтских друзей, родителей, братьев, сестёр и мысленно прощался с ними. На рассвете, ожидая команду "в ружьё", я вдруг услышал шум, в казарму вбежал дежурный с криком: "Война окончена!" Мы повскакивали, окружили его и он сообщил, что подписан мирный договор и наша операция отменена. Все стали обниматься, целоваться... Какая радость! Какое счастье! Я чувствовал себя родившимся заново, с этого дня, по существу, и началась моя служба по охране государственной границы, длившаяся двадцать лет.

Граница! На топографической карте она обозначена в виде линии, на местности - обозначена пограничными столбами в местах, оговоренных в протоколах, подписанных представителями сопредельных государств... Когда выходишь на эту условную линию и смотришь туда,

где лежит не наша территория, морозцем тянет от неё, там чужое государство, таинственное и непонятное. Посмотришь на нашу сторону - всё здесь родное, до травинки, до малой песчинки. Я всегда чувствовал волнение от ощущения, что стоишь на краю Родины и ты сейчас её защитник. Граница не знает покоя, это постоянно действующий фронт, её тишина настрожена, как чуткая птица. На границе человек становится гражданином в высоком, некрасовском смысле этого слова. Граница проходит через его сердце, пробуждая самые светлые, самые высокие чувства: это честность и неподкупность, это нерушимая солдатская дружба, это нелёгкие победы над собой, это обострённое чувство ответственности за порученное дело, исключаящее инерцию, пассивность, равнодушие.

Глава 9. Накануне

Пограничные войска отличались сложной административной структурой. Войсками командовало ГУПВ - Главное управление Пограничных войск. Оно находилось в Москве и возглавлялось начальником погранвойск. Далее шли Пограничные округа: Северо-Западный, Прибалтийский, Карельский и т.д. Пограничные округа состояли из пограничных отрядов, пограничные отряды - из комендатур, комендатуры - из пограничных застав.

Застава! Это основное подразделение пограничных войск. Как правило, это были приютившиеся на крошечном пространстве, окружённые глухой тайгой или безмолвными горами несколько домиков. В одном домике пограничники готовились к службе, там же приготавливали пищу, ели, спали, умывались, читали газеты, писали домой письма. В другом - жили семьи офицеров и сверхсрочников. Вокруг этих домиков располагались вспомогательные помещения: конюшня с лошадами, хлев для коровки, поросёночка. Далее располагались баня, вольер с собачками - хорошо обученными, понятливыми и преданными друзьями, ростом с телёнка. Потом складское помещение для хранения продуктов и вооружения. На заставе всё делают сами: пекут хлеб, пилят дрова, топят баньку, ухаживают за животными, моют полы и стирают бельё, отапливают помещение, монтируют электропроводку, подгоняют форму и ремонтируют обувь, благоустраивают территорию, тачают сбрую, пропалывают грядки в огороде, оборудуют спортивную площадку, стрельбище, полосу препятствий, отвоёвываая для этого метры у леса или гор.

Застава для пограничника и место службы и дом родной. Жизнь пограничника не знает выходных дней, в любое время суток на заставе идёт боевая жизнь, пограничник всегда в боевой готовности.

Днём и ночью, летом и зимой, в снегопад и дождь - в любое время года, суток и в любую погоду пограничники идут дозором по непроходимым тропам, сидят в засаде, когда есть данные о предполагаемом нарушителе, ведут постоянное наблюдение за сопредельной стороной с открытых и скрытых наблюдательных пунктов. Главная задача пограничника - слушать тишину, быть предельно внимательным и наблюдательным. Уметь в многообразии складок местности заметить любое изменение ландшафта, любое шевеление растительности, тревожный крик птицы или блеснувший отражённый луч. Пограничник умеет не снижая бдительности вести утомительное многочасовое наблюдение, вслушиваться в тишину, когда ничего не видно.

На своём участке границы нужно знать всё, постоянно изучать местность, выявляя возможные маршруты для нарушителей. Знать каждого человека в районе заставы. При встрече с незнакомым человеком пограничник сразу может определить, из местных он или нет: обратит внимание на его одежду, его жесты, манеру разговаривать, по глазам заметит его нервозность. Служба на заставе трудная и опасная и поэтому день службы засчитывается за два.

За три года службы солдаты приобретают не только многие жизненные бытовые навыки, но и двойную закалку с проверкой на стойкость и мужество. Эта суровая служба "выветривает" и "вымораживает" из человека всё наносное, несерьёзное, вздорное. В пограничнике сценировано три главных качества: надёжность, смелость и находчивость. Недаром маршал Жуков писал: "Я никогда не беспокоился за те участки фронта, где оборону занимали пограничники".

Начало моей службы по охране границы на 10 заставе 3-й комендатуры 73 Ребольского пограничного округа было для меня не совсем таким, как я ожидал. В размеренности нудного распорядка выходов в составе наряда я всё ждал романтики, встреч с нарушителями, а их не было. Начальник заставы, лейтенант Парнюгин, как мне казалось, больше заботился об оборонительных сооружениях заставы, а не об охране. Политрук заставы и старшина занимались делами размеренно, не торопясь, слаженно. На строительстве оборонительных сооружений мы

трудились, что называется, день и ночь, пока не превратили заставу в мощный опорный пункт. Мы укрепили валунами брустверы окопов, прорыли новые позиции и ходы сообщений. В тыловых и служебных помещениях прорубили амбразуры, оборудовали дополнительные огневые точки.

Как потом оказалось, эта работа была проделана не напрасно. Когда началась война, наша застава оказала достойное сопротивление противнику. И в этом была заслуга начальника заставы, лейтенанта Парнюгина.

Лейтенант был высоким, с широким разворотом плеч с решительными, энергичными движениями человеком. Его отличала не только отличная выправка и подтянутость, но отсутствие всякой бравады. Я не помню ни одного случая, когда бы он повысил голос, позволил себе впасть в раздражение, никто и никогда не видел его растерянным, подавленным или выведенным из себя. Все солдаты не только уважали его, называли "наш лейтенант", но даже, можно сказать, любили и гордились. Его приказания, звучавшие иной раз как совет или наставление, воспринимались как закон и каждый считал делом чести выполнить их наилучшим образом.

Однажды, когда я отдыхал в казарме перед выходом в наряд по охране границы, меня разбудил дежурный и сообщил, что меня вызывает начальник заставы. Когда я вошёл в кабинет, Парнюгин встал, подошёл ко мне и показав блокнот спросил: "Это ваш блокнот?". Я оторопел. Это была моя заветная записная книжка, куда я записывал изречения, эпизоды, факты из прочитанных книг. В том числе была там и выписка из речи Бухарина на похоронах Дзержинского. Бухарин был заклеимён как враг народа и поэтому даже произносить его имя было небезопасно. Я стоял, поражённый столбняком, с замиранием сердца и думал: "Какой ужас, надвигается катастрофа."

Парнюгин открыл блокнот и прочитал: "Чекист должен иметь холодную голову, горячее сердце и чистые руки. Дзержинский". Жизнь Дзержинского волновала тогда многих молодых людей, он был моим кумиром, но такого увлечения его личностью, какое оказалось у лейтенанта, я больше ни у кого не встречал. Он стал рассказывать мне о нём, найдя во мне самого благодарного слушателя, его знания о Дзержинском были огромны. А закончилась наша беседа, прямо скажем, необычно: вернув мне блокнот, он произнёс: "Выдержку из речи Бухарина уничтожьте". Я был бесконечно благодарен, ведь тогда за такие вещи арестовывали. А он достал из стола книгу о Дзержинском, сделал дарственную запись и вручил мне её на память. К сожалению, во время войны сохранить эту книжку мне не удалось. А что касается того, как блокнот оказался у начальника - всё было просто: во время проверки санитарного состояния наших тумбочек, старшина обнаружил блокнот. По-видимому, он показался ему "интересным", и он передал его начальнику.

Запомнилось мне и занятие по Уставу, которое провёл сам начальник заставы. Тогда, в 1940 году, Устав дисциплинарной службы только внедрялся в войсках. Когда дежурный по заставе объявил о занятиях по новому Уставу, мы полагали, что начальник расскажет нам о его статьях и их понимании. Но лейтенант начал занятие с того, что задал всем вопрос: "Что такое воинская дисциплина?" Никто ответа на этот, казалось бы, простой вопрос не дал, так как мы в глаза не видели новый Устав. Не дождавшись ответа, он поднял меня: "Дайте определение, что такое воинская дисциплина". Я, обобщив свою годовую армейскую жизнь, дал, как мог, своими словами определение, которое, к изумлению всех, почти совпало с первой статьёй Устава.

Лейтенант Парнюгин был женат. Его жена - красивая, добрая, общительная, умная женщина, была под стать своему мужу. Она была нам почти ровесница и мы в её лице видели эталон своих будущих жён. А однажды я стал невольным свидетелем проявления нежных, чистых мужских чувств к этой женщине со стороны одного солдата. Будучи часовым у заставы, летней белой ночью, перед рассветом, я увидел, как, стараясь быть не замеченным, из казармы вышел солдат, пробрался к офицерскому дому, около которого на верёвке сушились постиранные

вещи, и найдя там платье жены лейтенанта, стал прижимать его к лицу и с жаром целовать. Он целовал платье долго и нежно, а затем бегом вернулся в казарму.

Довольно колоритной фигурой Был политрук заставы, Филатов. Он был небольшого роста, кругленький, с чалмой курчавых чёрных волос, отливавших синевой. Подвижный, как ртуть, с острым, как бритва языком, он был нашим любимцем. Особенно тепло он относился ко мне, принимая по-видимому меня за еврея. Сам он, явно принадлежал к этому племени. У него была привычка, проводя с нами беседу, задумываться на несколько минут. Помолчав, он начинал говорить, не спеша, красивым языком. внятно. Перед гласными звуками он чуть запинался, как бы ставя перед ними апострофы.

- Зн'ачит т'ак, - говорил он мне, - ты с'егодня в н'аряд не п'ойдёшь. Будешь оф'ормлять Л'енинскую к'омнату. Кст'ати, где ты н'аучился так кр'асиво п'исать л'озунги?

Политрук часто привлекал меня и ещё двух моих товарищей, тоже призванных в армию из учителей - Черных Григория и Николая Иванова, к оформлению Ленинской комнаты, подготовке наглядной агитации и проведению политинформаций.

В армии, в том числе и в пограничных войсках бытует и сейчас ласковое слово "земеля", то есть - земляк. Моими земляками на пограничной заставе были односельчанин Николай Дорофеев и Черных Гриша с Ивановым Колей из Никольского района Орловской области. Мы одинаково грустили по родным местам, вместе нам легче было переносить тяготы военной службы. Присылаемые из дома посылки делили поровну, письма от девчонок читали и перечитывали вместе, стараясь их понять, давая друг другу советы и рекомендации. Мы всегда чувствовали надёжное плечо друг друга, никогда и никому не давали себя в обиду.

Коля Иванов был, как и я учитель, он хорошо разбирался в политике, после окончания Ливенского педучилища готовился поступать в институт на факультет журналистики, но призыв в армию помешал. Этот нескладно скроенный, но крепко сшитый парень обладал неисчислимым запасом добродушия, в спорах он никогда не раздражался и меня всегда поражал взгляд его светло-серых глаз: странно-задумчивый и как бы сожалеющий. Я знал из его рассказов, что отец у него был деревенский священник. Иванов часто печатался в многотиражной газете нашего погранотряда, мог свободно рассуждать на любые темы, говорил красочно, своими словами, чем явно гордился. Многие его рассказы были для меня откровением. Например о Плеханове он рассказывал так: "Плеханов Георгий Валентинович, можно сказать, наш земляк, родился в селе Гудаловка Мценского уезда. Его отец - отставной штаб-ротмистр Гусарского полка, мать, Мария Фёдоровна - была образованной женщиной с передовыми взглядами. Плеханов лично встречался с Энгельсом, первым в России стал пропагандировать марксизм, переведя "Манифест Коммунистической партии" на русский язык..." В Кратком курсе ВКП(б) таких сведений о Плеханове и его группе "Освобождение труда" не было. Много говорил он о Герцене, декабристах, народниках. По всем вопросам истории, он явно забивал нашего политрука, и тот часто поручал Иванову проводить с нами политинформации. Особенно запомнилось мне занятие, посвящённое войне с Наполеоном. Его яркий рассказ пробуждал чувство патриотизма, гордости, он часто вспоминался мне на войне в критические минуты, помогая выстоять и вселяя уверенность в победу. Коля часто писал письма в свою школу, где он работал и ответы на эти письма были такие патриотичные и содержательные, что некоторые из них политрук, с согласия Иванова, зачитывал перед личным составом на боевом расчёте. Эти письма волновали нас своей искренностью, неподдельными чувствами, они окунали нас в гущу событий гражданской жизни и мы, благодаря им не ощущали себя оторванными от Родины.

Удивительной личностью был и Гриша Черных. Весёлый, немного застенчивый, он любил декламировать стихи, которых знал превеликое множество. Некоторые из них я помню до сих пор:

Сладострастные тени,
На тёмной постели,

Окружили, легли,
Притаились, манят...
Или:
Наблюдаю в мерцанье
Колен изваянье
Беломраморность бёдер,
Оттенки волос...

Эти стихи нам очень нравились, будили у нас вполне определённые эмоции и мы часто просили их почитать. И он никогда не отказывался:

Брошки блещут на тебе,
С платья, с полуголого,
Эх, к такому платью бы,
Да ещё бы голову.

Гриша был сиротой, до девяти лет воспитывался старшей сестрой. После школы, которую он окончил с отличием, поступил в Ливенское педучилище, где играя в студенческом театре, прославился после блестящего исполнения роли барона в Маленькой трагедии Пушкина "Скупой рыцарь". С тех пор его стали звать Бароном, но пренебрежительным это прозвище не было, все относились к нему с любовью и уважением. Гриша мечтал стать артистом, а внешность у него была для этого поприща вполне подходящая. Он был среднего роста, очень стройный, круглое лицо его было празднично красиво, оно казалось раскрашенным искусственно: девичьи глаза сапфирового цвета, густые чёрные брови, яркие пухлые губы... Говорил он всегда медленно и улыбаясь, мягким, звучным баритоном. Он с такой величавой силой декламировал стихи о любви и страданиях, что всем было ясно - из него получился бы одарённый артист.

На охрану границы Гриша обычно ходил старшим нарядом. Он отлично ходил на лыжах, был в числе лучших армейских гонщиков, стрелял из винтовки, пистолета "ТТ" и пулемёта без промаха, в ночных условиях и на звук без прицеливания. Зимой 1941 года им был задержан матерый финский агент.

Перед войной, в первом квартале 1941 года, количество агентов иностранных разведок, задержанных пограничниками на западной границе, увеличилось по сравнению с соответствующим периодом 1940 года, более чем в 5 раз. Агенты получали задание создавать на советской территории нелегальные сети радиостанций, тщательно изучать изменения, происходящие в дислокации войск Красной Армии, расположенных в пограничных районах, устанавливать или обозначать ориентиры для воздушных налётов на объекты оборонного и государственного значения, вербовать кадры сигнальщиков для целеуказания авиации в ночное время, организовывать опорные базы для поддержания разведывательно-диверсионных групп и тактических воздушных десантов, создавать специальные диверсионные банды для действия в тылу Красной Армии.

Забрасываемая в наш тыл агентура проходила тщательную предварительную подготовку в специальных школах. Вот, например, какие рекомендации и наставления получали агенты в этих разведшколах:

- скрывай знание языков, которыми владеешь, чтобы узнавать сведения от иностранцев, разговаривающих в твоём присутствии;
- выбирай пункт встречи с осведомителем подальше от своего местожительства. Пусть осведомитель едет к месту встречи окружным путём, желательно ночью. Чем больше устанет осведомитель, тем более податлив он будет;
- цифры, которые удалось разведать, записывай в виде личных расходов;
- помни: пепел сожжённых бумаг сохраняет записи; если ты разорвал бумагу и выбросил клочки на улицу, это ещё не значит, что документ уничтожен;
- не придавай своему облику таинственность;

- не демонстрируй свою изобретательность, осведомлённость;
- желательно селиться в доме, имеющем несколько входов и выходов. Имей наготове план побега.

Весной 1941 года, перешедший границу на нашем участке гражданин Финляндии, коммунист (не помню сейчас его фамилию) сообщил, что к нам с разведывательными целями неоднократно засылается разведчик финской разведки по фамилии Виролайнен.

Органы КГБ подтвердили, что в селе Сегозяро Лендорского района проживает семья Виролайнен, что глава семьи эмигрировал в Финляндию в 1938 году. В 1939 году, во время нелегального посещения семьи, оказал вооружённое сопротивление при задержании и сумел уйти за кордон. Сообщалось также, что по имеющимся данным, Виролайнен имеет намерение вновь посетить семью, и нам было приказано взять Виролайнена живым.

Семья его проживала в доме на окраине села, рядом с лесом. Несмотря на усиленную охрану границы, переход шпиона замечен не был, он был обнаружен постом наблюдения уже в доме. Дом был окружён, двери и окна блокированы, однако матёрый шпион не растерялся. Он, через лаз в крыше, приготовленный по-видимому заранее, вылез на заснеженный скат, одел лыжи, энергично оттолкнулся палками и перемахнул через пограничников. Приземлившись довольно далеко от оцепления, он начал быстро уходить в сторону границы. Гриша Черных не раздумывая начал преследование и настиг его у самой границы. Ещё несколько минут и Виролайнен ушёл бы, а стрелять в сторону сопредельного государства запрещено законом. Но метким выстрелом в ногу, нарушитель был повержен, упал, как подкошенный, однако попытался вести ответный огонь. Опережающий выстрел по руке, выбил и эту возможность. Со злобной гримасой на лице лежал он и скалился, как затравленный зверь. Ему сделали перевязку, доставили на заставу и первый вопрос, который задал он нашему переводчику был: "Откуда у вас появился такой быстроходный солдат? Наверное карел?" Да, от Гриши Черных ему уйти не удалось!

Главным весельчаком и балагуром на заставе был рядовой Чуваев. Внешности он был неказистой: кривоногий, пузатенький, лопоухий... Ел чавкая, быстро, жадно, прищёлкивая толстыми губами. До призыва в армию он работал в народном суде секретарём. И очень интересно рассказывал разные уголовные истории, выдумывая при этом смешные подробности. Например о том, как в городе Мариуполе вдова-купчиха вышла замуж за матроса-негра, тот принял православие и в церкви на клиросе пел тенором.

"Выдумываешь ты", - как-то сказал я ему не без зависти. На что Чуваев ответил: "Нужно быть очень умным, если сумеешь сыграть дурака". Работая, он имел привычку напевать одну и ту же песню: "Искал я долго это имя и, наконец, нашёл - Шахиня." Была в нём какая-то загадка, балагурство удивительно сочеталось со странной мизантропией: о людях говорил нехорошо, с кривой усмешкой, поглядывая в сторону.

С Чуваевым я как-то попал в дозор. Мы возвращались на заставу по дозорной тропе, румянился край неба на востоке, приближался чистый рассвет. От прохладной росы повлажели куртки, фуражки. Протопали уже километров двенадцать, как вдруг наша собака, Динга, начала энергично обнюхивать землю. Мы остановились и сразу же заметили надлом на стволе чертополоха, а немного дальше, у крутого спуска к озеру, отпечатки следов - кто-то прошёл! Следы были от армейских сапог.

- Динга, след!

И Динга помчалась галопом вперёд по следу. Пробежав метров триста, мы увидели в ложбинке примятую траву. "Ещё не выпрямилась, значит давность нарушения около двух часов", - определил Чуваев. Овчарка, наострив уши шла на длинном поводке споро, мы едва поспевали за ней... Один километр гонки, второй, третий... Вдруг, из-за сосны, вскинув руки, выскочили нарушители. Собака сбила одного, затем другого и тут оказалось, что "нарушителями" были одетые в тренировочные ватники наши солдаты. Позже выяснилось, что таким рискованным

способом старшина заставы придумал проверить нашу бдительность. Узнав об этом, начальник заставы лейтенант Парнюгин строго наказал старшину, ведь всё могло окончиться трагически, с жертвами. А нас начальник поблагодарил за бдительное несение службы. Чуваев погиб во время войны, совершив подвиг самопожертвования, чем фактически спас многих из нас от неминуемой гибели.

В июне 1940 года телефонограммой меня неожиданно вызвали в Управление отряда в Реболы. Я конечно забеспокоился, пытался узнать причину, но ни командиры заставы, ни в комендатуре ничего не могли сказать по этому поводу. Лишь политрук, как мне показалось, что-то знал, но от моих вопросов уклонялся с заговорщицкой усмешкой, что ещё больше меня расстраивало.

Так, находясь в неведении, я прибыл в Управление, явился в политотдел, где наконец и узнал, что я командуюсь от 73-го пограничного отряда в Москву для участия в параде в День физкультурника. Тогда такие парады устраивались ежегодно 11 августа. Мне сказали, что мою кандидатуру выдвинул политрук, представив меня как образцового пограничника, бдительно несущего службу и кроме того, подготовленного политически.

Радости моей не было предела, почти три месяца я по существу буду отдыхать! Эта командировка была подарком судьбы, благодаря ей я впервые побывал в Петрозаводске, потом в Ленинграде и, наконец, в Москве.

Подготовка к параду была тщательной, ведь наша делегация представляла только что образованную после Финской войны новую союзную республику. Руководили подготовкой специалисты из Москвы и Ленинграда, музыканты, специально для нашего выступления сочинили музыку. Состояла наша делегация в количестве 200 человек, из студентов вузов, спортсменов-разрядников и пограничников. От нашего погранотряда я был единственным. В Москве я впервые увидел приехавших на парад из национальных республик узбеков, таджиков, грузин, армян в национальных костюмах. Они плясали и пели под свою национальную музыку.

Наше выступление длилось 15 минут и проходило в очень быстром темпе. Мы выбегали из леса, эта иллюзия создавалась благодаря развёрнутым огромным полотнищам, на которых был изображён карельский лес. Мы выбегали из-за этих полотнищ, загорелые, с голыми торсами, подбегали к трибуне Мавзолея, близко-близко, и аплодировали руководителям партии и правительства в течение минуты. Затем начинались упражнения: сначала вольные, с красивыми синхронными движениями а потом на спортивных снарядах, которые появлялись и убирались мгновенно.

Когда я стоял у трибуны Мавзолея, всё своё внимание я конечно обратил на Сталина. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, на лице его витала натянутая улыбка. Он был маленького роста и совсем не походил на те портреты, которые висели в кабинетах. Я смотрел на него, и вдруг он зло, как мне показалось, посмотрел прямо мне в глаза. Это впечатление разочаровало меня, но я о нём никому не говорил.

Сталина я увидел ещё раз уже после войны, во время учёбы в Москве в школе по усовершенствованию офицерского состава. В 1946 году на похоронах М.И. Калинина всю нашу школу задействовали в охрану процессии. Я стоял в первой шеренге оцепления. За гробом шли Сталин, Маленков, Молотов, Берия, Каганович и другие сподвижники. И вот, когда процессия поравнялась с нашей шеренгой, Сталин вдруг резко повернул голову в мою сторону и наши глаза встретились. На меня глядели чёрные, усталые глаза с неподвижными зрачками. На мигновение мне показалось, что они слились в один глаз, образовав восьмёрку, я едва удержался, чтобы не отшатнуться. На спине выступил пот, я почувствовал, как его ручейки побежали между лопатками и я подумал: "Вот это да, какое-то наваждение..."

Когда я рассказал об этом товарищу, который служил в охране Сталина, он сказал: "Твоя жизнь была на волоске". И стал рассказывать, как охраняется жизнь Сталина: если бы я тогда

пошатнулся, охрана могла посчитать это попыткой на покушение и я был бы или убит выстрелом снайпера, или арестован.

Парад, в котором я участвовал, оставил неизгладимый след в моей памяти. Стоит ли говорить, с какой охотой и благодарностью, вернувшись на заставу, я выполнял все приказы политрука по переоформлению Ленинской комнаты. Ночью на границе в нарядах, днём - за оформлением наглядной агитации. И конечно, с переполнявшими меня впечатлениями о поездке я поделился на специальном политзанятии. Рассказ мой вызвал большой интерес и множество вопросов.

В последних числах мая 1941 года ко мне на заставу из штаба отряда позвонил Николай Дорофеев, сообщил, что в июне месяце в городе Ухте состоятся межотрядные спортивные соревнования и спросил, хочу ли я участвовать. Конечно, я сказал, что хочу, но вряд ли меня отпустят. "А это уже не твоя забота", - ответил Николай и вскоре на заставу пришла телеграмма за подписью начальника отряда с требованием откомандировать меня на сборы по подготовке к соревнованиям.

20 дней мы готовились при штабе отряда, а 10 июня выехали в Ухту. Вначале мы на машине проехали 200 километров до железнодорожной станции Кочкома, затем сутки по железной дороге добирались до станции Кемь, а оттуда автобусом наконец добрались до Ухты.

12 июня, по прибытии к месту назначения, выяснилось, что на участке Первого погранотряда на нашу территорию проникла группа террористов и потому шёл их поиск с целью задержания. Все участники соревнований были задействованы в этой операции. Я с Дорофеевым находился в засаде на направлении предположительного движения нарушителей. 18 июня нарушители были обнаружены и задержаны, после чего участникам соревнования дали сутки на отдых и 20 июня соревнования, наконец, начались. Я участвовал в беге на 3 километра, пробежал со средними показателями. Так же пробежал и стометровку. На следующий день мы с Николаем сходили в город, где сфотографировались вдвоём и по одиночке. Однако получить готовые фотографии нам не удалось: 22 июня в 3 часа 9 минут город Ухта подвергся бомбардировке с воздуха. Состоялся митинг, после которого участники соревнований срочно выехали в свои воинские части.

Глава 10. Великая Отечественная

Невозможно передать словами чувства, обуревавшие мою душу, по пути возвращения на заставу. Это было состояние какой-то подавленности, смятения и в то же время, осознания долга: я считал, что шансов на жизнь у меня нет, но отдать её нужно с достоинством.

Теперь всем известно, как сражались пограничники, первыми принявшие на себя удар врага. Своим бесстрашием, беспримерной отвагой и стойкостью, они доказали беззаветную преданность Родине и народу. Несмотря на огромное превосходство противника, пограничники дрались до последнего, умирали, но не сдавали обороняемых рубежей. Заставы в упорных боях сдерживали на линии границы фашистские части, не давали им захватить мосты и переправы через реки. Каждая застава была маленькой крепостью, фашисты смогли обойти заставы, но не взять их.

В своих военных планах противник отводил на взятие наших застав всего 30 минут. Наша застава сражалась более суток. На нас наступала специальная группа и разведывательный отряд, численный состав которых превосходил нас в несколько раз. Против артиллерии и миномётов противника мы имели только лёгкое стрелковое оружие и пулемёты. И тем не менее, противнику, пытавшемуся овладеть заставой сходу, это сделать не удалось, чему, в значительной степени способствовала хорошо оборудованная в инженерном отношении, благодаря лейтенанту Парнюгину, оборона вокруг заставы.

Я прибыл на заставу 25 июня, там было ещё спокойно. А 27 июня противник начал артиллерийский обстрел заставы. По команде "К бою!", мы заняли круговую оборону. Начальник заставы, лейтенант Парнюгин с группой бойцов расположился в первой траншее, политрук Филатов с другой группой бойцов во второй траншее, прикрывавшей правый фланг, а в третьей - расположился красноармеец Чуваев с ручным пулемётом. Как только прекратилась артподготовка, цепи врага двинулись к заставе. Мы замерли на своих местах, взяв на прицел финских маннергеймовцев. Воцарилась напряжённая тишина - все ждали команды Парнюгина, пристально следившего за противником, и, когда противник приблизился, он громко командовал: "По маннергеймовцам - огонь!". Мы открыли огонь из всех видов оружия: защёлкали винтовочные выстрелы, застрекотали станковые пулемёты, в его ровные, протяжные строчки вплетались короткие, отрывистые очереди ручного пулемёта - это с фланга поливал свинцом Чуваев. Первая цепь противника была скошена, атака захлебнулась. Среди нас царил воодушевление, однако вскоре атака возобновилась. Не обращая внимания на наш губительный огонь, неприятель наступал, неся огромные потери. Река, на берегу которой стояла наша застава и которую враг пытался форсировать, была забита трупами и вода в ней была ржавая от крови.

Увлёкшись и войдя в азарт боя, я стал вести огонь, поднимаясь над бруствером. Лейтенант Парнюгин, увидев это, крепко обругал меня, а потом сказал: "Не подставляй голову шальной пуле, всё это - бумажный героизм".

Понеся большие потери враг прекратил наступление, но ранним утром второго дня обороны, начал новые атаки и частью сил просочился в тыл заставы, с явным намерением оседлать шоссе и отрезать нас от комендатуры и отряда. Однако этот манёвр противника был сорван старшиной заставы, который взяв с собой отделение бойцов и пулемётчика Чуваева, скрытно выдвинулся навстречу наступающих частей неприятеля, занял удобную позицию и неожиданно, огнём стрелков, гранатами и кинжальным пулемётным огнём ударил во фланг прорвавшейся группы. Противник был остановлен и отступил на исходные позиции.

Я где-то читал, что во время вторжения в Данию, вермахт потерял убитыми двух солдат. Двух солдат при захвате целого государства! А у одной только нашей заставы нашли свой конец больше сотни чванливых завоевателей. Финская армия была хорошо укомплектована, имела

значительный опыт ведения боёв в лесисто-болотистой местности, солдаты, в основной своей массе сражались упорно, а офицеры, в подавляющем большинстве, поддерживали авантюристическую политику своего правительства в вопросе военного союза с фашистской Германией.

Оставив своё намерение взять заставу сходу, противник обошёл её, зайдя к нам в глубокий тыл. Положение резко ухудшилось: у нас заканчивались боеприпасы, постройки горели, запас продуктов был уничтожен пожаром, связь с комендатурой поддерживалась только по рации. Командование отряда отдало приказ оставить заставу и выйти на новый рубеж обороны. Как ни горько было нам оставлять нашу заставу, но приказ есть приказ.

Это отступление я пережил очень тяжело. Ведь всё моё поколение было воспитано на уверенности в непобедимость нашей Армии. Все мы знали, что "от тайги до Британских морей - Красная Армия всех сильнее", что "чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей, вершка не отдадим". Мы были уверены, что "если враг нападёт на нас, то будет разбит на собственной территории" и т.д.

Пробираясь из окружения по болотам Карелии, я мучительно искал ответы на свои вопросы, но не находил. Посоветоваться с кем-либо я не решался: меня могли не правильно понять. Я начал вспоминать перепетии Отечественной войны 1812 года. Тогда русская армия тоже отступала, но как же она, в конечном итоге, блестяще победила считавшегося непобедимым Наполеона! Я подумал, что возможно наше отступление - заранее спланированный маневр, с целью заманивания противника, его окружения и уничтожения... От этих предположений на душе становилось легче, а мои сомнения казались уже надуманными и кощунственными. Я журил себя за мимолётную слабость, убеждение в непобедимость нашей Армии прибавило мне силы, что позволило благополучно выйти из окружения.

А выход этот проходил в невероятно трудных условиях. Мы шли по территории занятой противником, по сильно пересечённой местности. Кто бывал в Карелии знает, что это частые озёра, обходить которые нужно через болото, это валуны и непроходимый лес. Линии фронта не было, понять где свои, а где враги было невозможно. Не известно было, откуда вдруг прилетит снаряд или поведёт огонь из засады снайпер-кукушка. По пути следования попадались трупы наших солдат. Всё смешалось и смерть поджидала на каждом шагу. К тому же мы были голодны и обессилены.

До сих пор не могу забыть, как "мессер", застигнув нас на открытом болоте, на бреющем полёте, делая заход за заходом, пытался расстрелять нас из крупнокалиберного пулемёта. Огонь его однако не достигал цели: сливаясь с местностью, мы были плохо различимы для пилота и тогда он, снизившись до высоты птичьего полёта, откинул фонарь кабины и начал стрелять в нас из пистолета. В этот момент, вероятно решив, что у фашиста закончился боезапас, во весь рост поднялся Чуваев. Он показал фашисту кукиш и выругавшись, дал из своего пулемёта длинную очередь. Неожиданно "мессер" огрызнулся густой ответной очередью и сразил нашего потешного любимца заставы. Но отважная выходка Чуваева не оказалась напрасной, его пулемёт прошил корпус самолёта, который задымил и где-то за горизонтом взорвался.

Сегодня, когда пишутся эти строки, я помню те события во всех подробностях, они остались в моей памяти на всю жизнь. Вынужденные отступить на новый рубеж обороны по приказу командования, мы верили, что враг будет разбит и мы не ошиблись. Уже в этих первых сражениях зарождалась наша победа.

На новом рубеже обороны наш пограничный отряд был переименован в полк, комендатуры стали называться батальонами, заставы - ротами. В составе 32-й армии Карельского фронта наш 73-й полк занял оборону на направлении предполагаемого главного удара противника. Тогда же мне было присвоено звание замполитрука и я получил назначение на должность комсорга батальона. Во время войны комсогр не избирался, а назначался. Я получил новую форму с четырьмя треугольниками в петлицах и яркими, из красного сукна звёздами на рукавах гимнастёрки, и приступил к своим обязанностям. Комсорги во время войны несли

свои обязанности, не претендуя ни на тёплые портянки, ни на лишнюю порцию каши. Делили с бойцами все обычные обязанности, копали окопы, чистили оружие, отдыхали в землянках и раскисших окопах. Комсорги были там, куда посылал комиссар, а комиссар посылал на самые ответственные и опасные участки. Комсорги приносили письма в роту, рассказывали сводки информбюро. Как и политруки, комсорги словом и делом поднимали боевой дух личного состава и первыми шли в атаку.

Оценивая оперативную обстановку, командование батальона решило, что главный удар противника будет нанесён на участке третьей роты, поэтому комиссар направил меня в третью роту. Прибыв туда, я первым делом начал искать своего бывшего политрука Филатова. Он по-прежнему пользовался в роте авторитетом и уважением личного состава. Между собой солдаты любовно называли его "наш колобок", а один из бойцов отозвался о нём так: "У него такая улыбка хорошая, подойдёт, улыбнётся - и уже ничего не страшно".

Но когда я увиделся с Филатовым, встреча наша неожиданно была прервана артиллерийским обстрелом. Снаряды и мины плотно, в шахматном порядке накрывали нашу оборону по рубежам. Становилось ясно: противник начал артиллерийскую подготовку перед началом наступления. Политрук бегом бросился в первую траншею обороны роты, я за ним. Мы забежали в блиндаж и политрук приказал: "Оставайся здесь, а я пойду подбодрить бойцов". Тут во мне шевельнулось какое-то тревожное предчувствие: "Переждите артобстрел, огонь очень плотный". Но он бодро ответил: "Не беспокойся, я уже проверенный, ни пуля, ни осколки меня не берут"... В моей памяти он ещё и теперь стоит передо мной, как живой, я вижу его глаза, губы, произносящие с картавинкой моё имя. Погиб политрук при переходе из блиндажа в блиндаж, его накрыла вражеская мина.

Примерно через 30-40 минут артподготовка прекратилась и противник, смяв наше боевое охранение, короткими перебежками начал наступление. Его фланговые пулемёты интенсивно, взахлёб, вели огонь по нашим блиндажам. Рота отвечала редкими выстрелами, я считал, что бойцы хотят подпустить врага поближе. Когда до нашего переднего края осталось метров 200-300, цепи финнов поднялись во весь рост и, открыв из автоматов огонь, ринулись в атаку. Это напомнило мне психическую атаку из фильма "Чапаев". "Психическую, ну давай психическую", - промелькнули в сознании слова Чапаева. Я приготовился к отражению атаки своим оружием - снайперской винтовкой. Через оптический прицел увидел перекошенные, злобные физиономии врагов. Фронтовики знают, что когда видишь наступающего на тебя противника, возникает тревога, волнение, привыкнуть к этому невозможно. Наступил момент, когда мне нужно было убить человека. Воспитанный в правилах христианской веры, я был убеждён, что насилие порождает зло, которое как цепная реакция может привести к взрыву в человеческом обществе, к геноциду. "За что вы пришли убивать меня? Зачем вам потребовалась моя жизнь, только начавшаяся?" - повторял я про себя. Враг приближался всё ближе и ближе и я выстрелил... Как подкошенный упал мешком молодой рыжеволосый финн с подстриженной головой и небритым, искажённым злобой лицом. Впоследствии, мне приходилось неоднократно стрелять по фашистам, но этот финн, убитый мною, навсегда врезался в память. Хорошо помню, что я подумал тогда: у него наверное есть семья, может быть дети, они ждут его, верят, что он жив и вернётся к ним. От этих переживаний мне даже стало плохо.

Однако противник наступал и я прицелился во второго, потом в третьего. Чей-то голос нашёптывал мне, что если я не убью их, то они убьют меня. Азарт борьбы захватил меня, как вдруг, через амбразуру стали влетать пули. Это означало, что противник засёк меня и повёл прицельный огонь по блиндажу. Я как бы очнулся и в этот момент услышал, что рота не отвечает на огонь противника. "Неужели рота оставила позиции", - похолодел я от страшного предположения. Выбежав из блиндажа я с ужасом обнаружил, что первая траншея нашей обороны пуста, весь третий взвод отступил во вторую траншею, а в 100-150 метрах от меня я увидел группу финских солдат во главе с офицером. Словами не передать поднявшийся во

мне ужас, мучительное чувство страха и конца. Я мысленно попрощался с родными, с товарищами... Нервная дрожь пробежала по спине и в ту же минуту мысль, что я боюсь, гадко отозвалась в сознании. Мои красные звёзды на рукавах наверняка были замечены офицером, имевшем бинокль и он понял, что перед ним политработник. На ломанном русском языке он крикнул мне: "Рус, сдавайся", а рядом стоявший солдат рукой подал знак, означавший: "иди сюда". Я взвёл гранату на боевой взвод... "Вот бы Антонину Ивановну сюда", - помню, подумал я. Зачем Антонину Ивановну? К чему её сюда? Этого я и сейчас объяснить не смогу. Антонина Ивановна была строгой учительницей, мы её боялись. Она любила отчитывать нас по любому пустяку, с торжествующим наслаждением наблюдая нашу перед ней беспомощность. Возможно мне захотелось поглядеть, как бы она, такая самоуверенная и непогрешимая, повела себя в такую минуту.

Между тем инстинкт самосохранения лихорадочно искал выход из трагической ситуации. "Я не могу бояться, не имею права", - эта мысль произвела во мне психологический перелом. Ненависть к врагу, пытающегося отнять у меня жизнь, поднялась волной, зазвучали в памяти слова политрука: "Где преодоление испуга, там смелость, где смелость, там отвага, а отвага - замечательное качество, особенно нужное на войне." Моё первоначальное решение взорвать себя, сменилось уверенностью, что не всё потеряно. Рука привычным движением схватилась за рукоять гранаты, в голове промелькнуло: "Как хорошо, что я заранее взвёл её" ...Первая граната, не долетев до цели, разорвалась, не причинив врагу вреда. Они бегом бросились ко мне, всё ещё не стреляя, но я в это время бросил вторую гранату и они залегли в замешательстве. И тогда я по-тигриному прыгнул в обрыв, находившийся рядом, приземлился удачно и, прикрываясь складками местности, скрылся в густых зарослях леса, сопровождаемый беспорядочной запоздалой стрельбой.

Перехитрив противника, я благополучно разыскал отступивший третий взвод. Выяснилось, что кому-то из бойцов треск разрывных пуль в нашем тылу показался автоматными очередями противника. Он крикнул: "Нас окружают!" Бойцы дрогнули и стали перебегать во вторую траншею. Остановить их было некому - политрук был убит, я увлёкся боем, а командир роты, лейтенант Парнюгин, находился на левом фланге, где успешно отбивал все атаки противника. Командир взвода пытался остановить бежавших, но тщетно. Отмечу в скобках, что накануне рота получила пополнение из числа новобранцев, они-то и дрогнули в критическую минуту. Со второй траншеи взвод также начал отступать и только вмешательство комиссара батальона, выбежавшего с группой бойцов наперерез отступавшим, приостановило бегство. Выслушав доклад командира взвода, комиссар спросил: "А где политрук и замполит?" Тот ответить не смог и комиссар, еле сдерживая гнев, обвинил лейтенанта в трусости и самовольном оставлении позиций. Он сказал: "Если вы сейчас же не вернёте позиции, я отдам вас под трибунал." "Есть вернуть позиции!" - ответил комвзвода. Подготовившись к наступлению, взвод сломил слабое сопротивление противника и вернул первую и вторую траншеи. Приказ комиссара был выполнен.

Моим появлением комиссар, считавший меня погибшим был удивлён и обрадован. Я рассказал о гибели политрука и о случившемся со мной. Внимательно выслушав меня, комиссар посмотрел мне в глаза и спросил: "Боялся?", - на что я ответил честно: "Было противное мимолётное чувство страха, но я заставил себя не поддаваться ему". В ответ я услышал: "Молодец!" Не понимая, я переспросил: "Молодец?"

- Да, молодец, потому что сказал правду. Некоторые говорят, что они не боятся смерти, я им не верю. Каждый хочет жить, вернуться домой, увидеть родных и близких. Чувство страха присуще каждому человеку, но если у человека приказ выше страха, то он преодолевая страх идёт даже на возможную смерть. Не каждый может страх преодолеть, - продолжал он, - ты это сделал. Будем считать это твоим боевым крещением... Жаль только, - заключил комиссар тихим голосом, - что потеряли умного, доброго человека и талантливого политработника.

Эту комиссарову оценку моего поведения я помнил всю войну, она помогла мне с достоинством перенести все трудные и опасные её перепетии.

Через несколько дней противник повторил попытку выбить нас с занимаемых позиций. И, удивительное дело, вновь состоялась моя встреча с тем финским офицером, который хотел взять меня в плен.

Произошло это так. Ударная группа, куда вошла 3-я рота нашего батальона, получила приказ командования выбить противника, снова вклинившегося в нашу оборону и частично захватившего первый рубеж на левом фланге, что создавало угрозу правому флангу. Для меня это была первая атака и видимо поэтому, мучительное чувство страха, снова овладело мною. Но когда раздалась команда идти в атаку, я забыв обо всём, вместе со своими товарищами ринулся в бой. Пули свистели вокруг, поражая бойцов, но мы упорно шли к цели.

Мы были уже приблизительно в 100 метрах от траншей, видели головы вражеских солдат, залёгших в наших траншеях, офицера, с крыши блиндажа зычно подававшего команды, как вдруг, сначала глухо, а потом всё звонче застучал ручной пулемёт. Цепь наша залегла, противник вёл шквальный огонь. Пулемётная строчка пуль медленно приближалась к моей голове, поднимая фонтанчики земли, хотелось вжаться в землю и, странно, что в эту критическую минуту в ушах вдруг зазвучала волшебная музыка Штрауса из кинофильма "Большой вальс", а перед глазами возник образ шикарной обольстительницы Карлы Доннер, умевшей так страстно любить и красиво страдать...Её роль играла Милица Корьюс, обладавшая бархатно-проникновенным голосом и обволакивающим взглядом, кстати, уроженка Киева.

К счастью, вражеский пулемёт перевёл огонь на другой фланг и у меня появилась возможность стрелять. Приподнявшись, я увидел стоявшего на крыше блиндажа, ненавистную фигуру врага, посылавшего нам смерть. Я хладнокровно, словно на стрельбище, поймал его фигуру в перекрестие оптического прицела и выстрелил. Офицер упал, пулемётчик, оставив пулемёт подбежал к нему и воспользовавшись этой паузой, наш взвод, по команде вставшего во весь рост командира, вновь поднялся в атаку. Противник был смят, оборона восстановлена. А офицер, которого я убил, оказался тем самым, который издевательски кричал мне "Рус, сдавайся".

В этом бою я потерял своего лучшего друга Гришу Черных. В атаке мы бежали рядом, как вдруг, он, неестественно вытянувшись во весь рост и энергичным движением выбросив руку вперёд, как бы призывая двигаться дальше, упал, прижимая к груди винтовку. В этом же бою погиб ещё один мой хороший товарищ, Зыков Иван. До армии он работал секретарём райкома комсомола где-то в Кировской области. Иван был не очень разговорчивым, скромным человеком. Будучи командиром отделения на учебном пункте, он очень много делал хорошего для нас, новобранцев и никогда не выпячивал себя, избегал благодарности. Он помогал в, казалось бы, самых простых вещах: как правильно намотать на ногу портянку, быстро и по уставу заправить койку и во многих других мелочах. После отбоя, он всегда обходил спящих своего отделения и укрывал раскрывшихся. Без крика и всякого нажима, в отличие от некоторых командиров, он учил нас приёмам строевой, стрельбе, приучал к армейской жизни. Хотя был он нас старше всего на два года, было в нём что-то отцовское: заботливо-хозяйственное и в то же время, строгое. В этом бою он оказался случайно, подвёз на машине продукты питания, как раз, когда взвод готовился к атаке. Узнав от меня о готовящейся атаке, он решил с позволения командования, принять участие в бою. Ранен он был в лицо разрывной пулей. Ужасно было видеть его забрызганное кровью молодое бледное лицо, с отскочившей челюстью, державшейся лишь на коже. В госпитале Зыков решил, что обузой для семьи и общества он не будет и задумал самоубийство. Увидев открытое окно, а его палата находилась на пятом этаже, он, напрягая последние силы, добрался до окна и посмотрел вниз. Но снизу его заметили и, поняв его намерение, погрозили пальцем. Он отпрянул и вдруг ему стало стыдно: ведь он учил

других твёрдости характера и мужеству, вспомнил Островского. Больше о самоубийстве он не помышлял, но ослабший организм после большой потери крови, угас...

Об этих последних днях его жизни я узнал от товарищей, возвратившихся после лечения из госпиталя и сообщивших мне о его смерти. Невозможно видеть, как в расцвете сил и молодости, ещё не познавшие всей мудрости жизни, уходят товарищи, с которыми на протяжении ряда лет ты делил радость и горе, которым доверял самые сокровенные мысли и чувства... Мои друзья были отважными в бою, неутомимыми в трудных походах, верными в дружбе. Никто из них не думал о наградах - "Идя на подвиги, не алчут орденов". Они мужественно и стойко, с достоинством и честью, не щадя жизни выполняли свой воинский долг.

В те же дни, погиб и старший лейтенант Парнюгин. Погиб он, можно сказать, случайно. Несколько дней на нашем участке царило странное затишье. "Это затишье меня и беспокоит больше всего,- говорил мне Парнюгин. "Затишье на фронте всегда обманчиво, всегда настораживает, за этим затишьем часто скрывается коварный замысел противника". Он говорил спокойно, внятно и мне вдруг почудилось, что я нахожусь в Ленинской комнате нашей заставы, а лейтенант Парнюгин проводит с нами занятие. Однако волнение в его голосе чувствовалось и через некоторое время он предложил мне выдвинуться в первую траншею и понаблюдать за противником. Мы вышли из землянки, по траншее продвинулись на передний край и замаскировались на небольшой возвышенности. Парнюгин, подкрутив окуляры бинокля, начал просматривать местность. И вдруг со стороны противника раздался сухой винтовочный выстрел и Парнюгин упал, как подкошенный, схватившись за живот. Отблеск окуляров видимо демаскировал нас и вражеский снайпер воспользовался этим. Лицо лейтенанта исказилось от боли, я задрал его гимнастёрку и понял, что он не жилец: разрывная пуля разворотила живот. Пересиливая боль, он снял с рукименные часы, которыми был награждён командованием заставы и, протянув их мне, прошептал: "Передай жене". В последнюю минуту своей жизни он вспомнил, не мог не вспомнить о своей горячо любимой супруге. Мы все знали, как нежно они любили друг друга.

Эти бои закончились тем, что противник, не взяв нас в лоб, сумел выйти к нам в тыл и отрезал все пути отступления. Все наши попытки прорваться успеха не дали и командование батальона приняло решение выходить из окружения по болоту. Тяжёл был наш путь по непроходимому болоту. Пять человек потонули, было затоплено часть тяжёлого оружия. Только на третьи сутки, голодные, оборванные, грязные и страшно усталые вышли мы к месту дислокации штаба нашего полка. Здесь я встретился с Дорофеевым, он сначала даже не узнал меня. Я стоял перед ним, еле держась на ногах, обросший, исхудавший, и слёзы сами струйками текли по моему грязному лицу. Он завёл меня в автомастерскую, где я привёл себя в порядок и почувствовал себя в раю. Николай даже угостил меня спиртом, который выжал через марлю из спиртовок. Во время беседы я высказал ему своё заветное желание поменять тяжёлую снайперскую винтовку на модифицированную СВ, только что поступившую в войска и получившую очень хорошие отзывы. Я видел эту лёгкую, самозаряжающуюся винтовку с отличными боевыми характеристиками у солдат, служивших при штабе полка. Дорофеев сказал: "Подожди здесь, я тебе помогу". И через некоторое время он вернулся с винтовкой. Как выяснилось позже, он выкрал её из комендантского взвода, надеясь, что в суматохе из-за наплыва солдат, всё ещё выходивших из окружения, пропажа не обнаружится. Однако всё случилось по-другому. На второй день подходит ко мне солдат и требует показать ему мою винтовку. Я отказался, но на следующий день меня вдруг вызывает начальник политотдела полка. Состоялся тяжёлый разговор, я взял вину на себя и последовало суровое наказание: разжалование в рядовые. Тяжело пережил я это, но понимал, что Дорофеев поступил так ради меня и выдать его было бы с моей стороны предательством. Назови я имя Дорофеева, его бы немедленно отправили на передовую, где во много раз возрастала опасность быть убитым, а ведь в деревне его ждала любимая красавица-жена.

Эти события происходили глубокой осенью 1941 года. В те дни резко увеличилась заброска вражеской агентуры в наш тыл. По замыслу противника, агентура должна была убивать военнослужащих, партийных и советских работников, отравлять водоёмы в местах дислокации частей Красной Армии, организовывать крушения военных эшелонов, подавать ракетами и другими средствами сигналы немецким самолётам для нанесения бомбовых ударов. Необходимо отметить, что наряду с возложенными на нас задачами по охране тыла, пограничники ещё и стояли в обороне. Ведь на Карельском фронте не было сплошной линии обороны, как, например на западе. Война шла по оперативным направлениям, между которыми создавались разрывы. Их-то и прикрывали пограничники.

Основной формой наших военных действий была систематическая засылка в тыл врага оперативных групп разведывательного, контрразведывательного и диверсионного назначения. Оперативные группы захватывали сотрудников и резидентов финской разведки, добывали ценные сведения.

Об одной такой операции я хочу рассказать.

Это было зимой 1942 года. Морозы стояли градусов под 40. В Карелии не бывает мало-снежных зим, там всегда снега по пояс и как правило, между домами и хуторами дорог нет, только лыжни. Там дети сначала учатся ходить на лыжах, а уж потом на ногах. И вот в один из зимних дней, штаб нашего батальона получает шифрованную телеграмму о том, что через линию фронта в наш тыл прорвалась финская диверсионная группа в количестве около ста человек и напала на железнодорожную станцию Сегожа. Они ворвались в расположенный там дивизионный госпиталь, расстреляли сотрудников и раненых, взорвали железнодорожное полотно, после чего, спасаясь от преследования, устремились к линии фронта. Нам была поставлена задача выйти наперерез и уничтожить группу.

Вооружившись миномётами, ручными пулемётами, гранатами и самозарядными винтовками наша рота вышла в предполагаемый район появления банды. По прибытии на место поисковые группы начали осмотр местности с целью обнаружения лыжни. Вскоре лыжня была обнаружена и мы расположились в засаде таким образом, чтобы огневые точки не затронули своих. Тщательно замаскировавшись, стали ждать. Ждать пришлось долго: противник появился лишь утром следующего дня. Почти сутки лежали мы зарывшись в снег, голодные, злые, промёрзшие до мозга костей. Мои обмороженные ноги

ныли, терзало подозрение, что противник не пошёл обратно своей лыжнёй, но это было напрасное волнение. Рано утром, когда ещё было темно, до наших ушей донеслось шуршание лыж. Каждый из нас знал свой манёвр, мы приготовились к бою. Но вначале всё пошло не так, как было распланировано. Первый пулемётчик должен был пропустить группу вперёд и открыть огонь, когда они втянутся по лыжне между нашими пулемётами. Но пулемётчик заснул и был обнаружен замыкавшим группу диверсантом, который убил его ударом ножа. Второй пулемётчик, не дождавшись выстрелов своего напарника, открыл огонь в упор, но было уже поздно: примерно треть противника вырвалась из засады и вихрем перемахнула через болото. Хорошо, что на той стороне болота была предусмотрительно расположена наша вторая засада, которая и покончила с неприятелем. Диверсионная группа в количестве 80 человек была полностью уничтожена. Они были вооружены гранатами и автоматами "Суоми", одеты в тёплые шерстяные свитера. Мы забрали с собой эти автоматы и отличные финские лыжи.

Солдат на фронте мог погибнуть в любую минуту и по многим причинам: от шальной пули и ножа диверсанта, от бомбёжек и подорвавшись на минах, бывало даже и на своих. Вспоминается случай, когда я чуть было не погиб от шальной пули.

На участке обороны роты, на правом фланге, находился наш пикет, куда на несколько суток посылались наряды, для наблюдения за местностью. Однажды, над домиком, где мы отдыхали, появился вражеский самолёт. Мои товарищи выбежали из помещения, а я остался, потому что была моя очередь готовить обед и продолжал готовить. Я подумал, что самолёт

возвращается после бомбёжки и вряд ли будет обстреливать ветхий домик. Однако самолёт развернулся и выпустил длинную очередь из крупнокалиберного пулемёта по домику. Пули буквально прошили его, а одна из них, пролетела над моей головой, обожгла волосы и впилась в стенку. Ещё бы на миллиметр ниже - и меня бы не было на свете. Пулю эту я вытащил из стенки и долго берёг, как талисман.

После моего разжалования в рядовые, я продолжал воевать в составе 1-й роты 1-го батальона 73 пограничного полка. Политрук полка привлёк меня в агитаторы, главной задачей которого было словом и делом поддерживать боевой дух солдат. Я знакомил солдат своего отделения со сводками информбюро, читал им газеты, проводил беседы. Зимой 1942 года Карельское Управление погранвойск решило провести межполковое совещание пропагандистов. На совещание приглашались не только политработники, но и агитаторы - по одному от полка. Наш полковой комиссар, чтобы выбрать лучшего агитатора провёл своеобразный конкурс: мы должны были предоставить в политотдел письменные доклады. Ознакомившись с докладами, он вызвал меня на личную беседу. Помня наш последний разговор, на котором комиссар объявил мне строгий выговор и разжаловал в рядовые, я не ожидал от этой встречи ничего хорошего. Но к моему удивлению, когда я вошёл к нему в землянку, то увидел комиссара совсем другим: вместо хмурого, задёрганного и нервного командира ко мне с улыбкой обратился посвежевший, спокойный, даже несколько вальяжный товарищ. Он спросил:

- Ну как, тяжело быть рядовым солдатом?

- На фронте всем тяжело. Я думаю и вам не легко,- ответил я бойко.

Улыбка с его лица исчезла и он сухо констатировал:

- Обижаетесь.

- Нет, вы исполнили свой долг, а я понёс заслуженное наказание.

Он внимательно посмотрел на меня и, удостоверившись в искренности моих слов, перешёл к делу.

Он сказал, что мой доклад ему понравился, рассказал о характере совещания в городе Беломорске и о своём решении послать на совещание меня. Он вызвал секретаря и приказал ему отпечатать мой доклад на машинке.

В Беломорск я выехал со старшим инструктором политотдела полка Анохиным. Это был пожилой, опытный в жизни и пропагандистской работе товарищ. Он давал мне наставления, не пропуская даже мелочи: как держаться на трибуне, как лучше всего построить концовку выступления, приводил мне примеры, положительные и отрицательные, из своей пропагандистской работы.

На совещании я выступил в первый день, сразу после старших пропагандистов. Начало моего выступления было встречено равнодушно, но уже через несколько минут зал стал утихать и я увидел внимательные и удивлённые лица слушателей. Я понял, что контакт установлен, с воодушевлением продолжал и закончил эффектно, так, как учил меня Анохин. Зал зааплодировал, а довольное лицо старшего политрука доказывало, что выступление моё ему понравилось. Во время перерыва к нему подходили знакомые пропагандисты, поздравляли и интересовались моей биографией. На следующий день мой доклад был напечатан в многотиражной пограничной газете с рекомендацией использовать его в пропагандистской работе. Итоги совещания подвёл начальник политуправления погранвойск, в заключительной части своего выступления зачитав приказ о присвоении мне офицерского звания "младший политрук". При этом зал встал и зааплодировал. Так, отправляясь на совещание рядовым солдатом, я вернулся офицером.

В полку меня переодели в новое обмундирование. На рукавах гимнастёрки вновь засверкали красные звёзды, а в петлицах были уже не треугольники, а кубики. Приказом командира полка, я был назначен начальником библиотеки, которая находилась в двух километрах от штаба полка, в посёлке при железнодорожной станции Масельская.

В первый же день моей новой службы, секретарь политотдела Евгений Мищенко, который печатал мой доклад, придя ко мне со своим другом Кротовым приветствовал меня словами: "Ну здравствуй, Долохов". Я сразу же понял этот намёк. Долохов, один из героев романа Толстого "Война и мир", был разжалован из офицеров в рядовые. Это сравнение меня задело и я спросил:

- А вы можете сказать, за что Долохов был разжалован в рядовые?

На этот вопрос они ответить не смогли и тогда я разразился целой тирадой:

- Долохов - офицер семёновского полка, был известным бретером и игроком. Бретер - это дуэлист, готовый драться на дуэли по всякому, даже незначительному поводу. Он был разжалован в рядовые за то, что вместе со своими приятелями достали медведя, посадили его с собой в карету и поехали к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они схватили квартального привязали его к медведю - спина к спине, и пустили в Мойку. Медведь плавает, а квартальный на нём. Его потом насилу спасли. Вот за что разжаловали Долохова. А меня, - продолжал я, - если и можно с кем-то сравнить из этого романа, то скорее с капитаном Тушиным, батарею которого пехота оставила без прикрытия, отступив в тыл. Но чтобы не подвести пехотного командира, Тушин, при объяснении с Багратионом, вину взял на себя.

И я рассказал, как я, чтобы не подвести товарища, взял вину на себя. После такой отповеди они извинились и даже пообещали помочь мне через начальника артснабжения получить пистолет "ТТ". Впоследствии мы стали хорошими друзьями.

Основной моей обязанностью на новой должности было оформление наглядной агитации, приём по радио сводок информбюро и распространение их по подразделениям полка. Зам начальника политотдела Анохин часто брал меня с собой на передовую, где я на митингах выступал с зажигательными речами. Но начальником библиотеки я пробыл не долго, в марте 1942 года приказом начальника погранвойск Карельского округа, я был назначен на должность зам. командира роты по политчасти в 80-й погранполк, дислоцировавшийся в селе Челмужи.

Село Челмужи, 1942 год.

В верхнем ряду справа - зам. командира роты по политчасти В. Болотских.

Глава 11. Словом и делом

В марте 1942 года я прибыл в 80-й погранполк. В полку меня направили в третий батальон, там я встретил своих знакомых, с которыми участвовал в первых боях за заставу - майора Рыжова и комиссара батальона Кулбасова. Переночевав в батальоне, утром следующего дня отправился на лыжах в роту, она стояла на острове Онежского озера. Командиром роты был старший лейтенант Кошкин, старше меня на три года. Это был человек среднего роста, плотного телосложения с круглым, добрым лицом и весёлыми серыми глазами, он чем-то напоминал мне фельдмаршала Кутузова. Умный, энергичный, умелый, он удивлял нас манерой принятия решений: как бы безразлично, но терпеливо выслушивал нас, а решение принимал всегда своё и твёрдо проводил его в жизнь. Собеседника понимал с полуслова, всегда был вежлив и поэтому казался излишне мягким для командира, но это было обманчивое чувство. После войны, в Москве я встретился с ним, он был уже майором и учился в Высшей пограничной школе.

Вскоре после моего приезда, наш батальон был передислоцирован на другой, более спокойный участок обороны - на побережье Онежского озера, в село Песчаное. На побережье располагались большие русские деревни, работали школы, сельсоветы, действовали колхозы и даже клубы. Тяжесть военной службы по сравнению с островом резко снизилась, рота жила по устоявшемуся распорядку. Днём оборона участка осуществлялась наблюдателями с вышек и дозорами на фланги. Ночью, в летнее время - секретами и засадами, зимой - усиленным дозором на лыжах по Онежскому озеру с удалением от берега на 1-2 километра. На противоположной стороне озера находились финны, которые иногда прощупывали нас, засылая диверсионные группы.

Комиссар батальона Кулбасов, часто собирал политработников в штаб батальона, иногда даже на двое суток, для разного рода инструктажей и доведения до нас партийных установок. Для нас такие сборы были сущими праздниками. Свободные от тягот и забот ротной службы, мы, в основном молодые люди, чувствовали себя вольготно, насколько возможно, что позволяло нам посещать даже клуб, где иногда шли кинофильмы и танцы. На танцы, к нашему удивлению, собиралось довольно много молодёжи, в основном, девушки. Были эвакуированные из Петрозаводска, много было девчат и из близлежащих сёл. Однажды, комиссар Кулбасов, сам ещё молодой человек, предложил мне сходить с ним в клуб и я с удовольствием согласился.

Когда мы появились в клубе, там уже вовсю шли танцы. Мы встали у стены и стали смотреть на танцующих. Мне сразу бросилась в глаза девушка, показавшаяся красивее и лучше других. В перерыве я заметил, что она тоже посматривает на меня. Когда зазвучали звуки вальса, эта девушка с подругой вошли в танцующий круг и тут Кулбасов говорит: "А давай разобьём эту пару", - и показал на пару с понравившейся мне девушкой. "Ты кого возьмёшь?" - спросил он меня. Я указал на эту девушку, а он, как бы про себя, промолвил: "Губа не дура"...

Так я познакомился с Лидой, моей будущей женой. В 1979 году, когда я лежал в больнице, в палате для выздоравливающих после удаления желчного пузыря и рассказал однопалатникам о знакомстве с женой, один из них произнёс: "Да, любовь с первого взгляда - самая крепкая..." И действительно, мы прожили с Лидой душа в душу, более 46 лет.

Лида родилась в крестьянской семье, в деревне Сенная Губа. Когда ей не было и трёх лет, от воспаления лёгких умерла мать и Лиду с сестрой Паней взяла в свою семью старшая сестра Мария. Она была замужем за председателем сельсовета, который в 1937 году был по доносу арестован, но впоследствии реабилитирован. С арестом мужа, жизнь семьи резко ухудшилась, на плечах Марии Васильевны осталось четверо своих детей и две младшие сестрёнки. После окончания восьмилетки Лида поступила в Петрозаводске в педучилище и семнадцатилетней девочкой была направлена на работу в село Толвуя Заонежского района. А когда нача-

лась война и Заонежью стали угрожать финны, эвакуировалась вместе с отцом и сёстрами в Пудожский район, где продолжала работать учительницей в селе Авдеево. Лида покорила меня не только внешностью, но и душевными качествами. Приведу только несколько примеров, ярко характеризующих неординарность её личности. Совсем юной девушкой она начала учительствовать после окончания педучилища и уже через небольшой промежуток времени её заметили и назначили заведующей сельской школы. Она была учителем по призванию, в самом высоком смысле этого слова, человеком долга. Всю свою энергию она отдавала работе, не умела работать плохо. Когда она приехала в школу, куда её направили работать заведующей, оказалось, что помещения школы были заняты колхозным фуражом, стёкла в окнах выбиты, парты на чердаке, не отремонтированы, классные доски неизвестно где. А до занятий оставалось всего две недели. И она пошла к председателю сельсовета, мобилизовала родителей, учеников. Всего за три дня школа была приведена в порядок и первого сентября начались занятия. Когда в школу прибыли первый секретарь райкома партии и зав. РОНО, который докладывал о готовности школы к учебному году, они были поражены. Зав. РОНО не поверил своим глазам, он знал, в каком состоянии была эта школа и был уверен, что в такой короткий срок такую школу привести в порядок невозможно. "Как вам это удалось?", - спросил он у юной заведующей, на что она задорно ответила: "Наверное помогла моя молодость."

Лида была человеком большого и чуткого сердца. Вспоминается случай, который произошёл, когда мы всей семьёй приехали в Рогатик после войны, во время моего отпуска. К нам пришла женщина с просьбой помочь ей составить жалобу на районное начальство, которое не хочет оформить ей пенсию, положенную по закону. Лида расспросила её по существу дела, составила объёмистую справку, в которой были приведены доказательства, что во время войны эта женщина была активным участником подпольного движения, рискуя жизнью добывала ценные сведения и передавала их партизанам. С этой справкой Лида сходила в район, за 7 километров, чтобы походатайствовать о пенсии для женщины. Как и следовало ожидать, поход этот оказался безрезультатным, но Лиду это не остановило. По возвращении из отпуска, мы приехали в Орёл и на вокзале ожидали поезд, до прихода которого было более 4 часов. За это время Лида успела съездить в город и добилась встречи в управлении КГБ. Там её выслушали, приняли её справку и обещали разобраться. А через полгода к нам в Хабаровск пришло письмо от этой женщины, в котором она сообщала, что пенсия ей назначена и не простая, а персональная. Если бы вы видели, как Лида обрадовалась этому!

Она была отзывчива и бескорытна. Помню, как 2 года она ежедневно ходила по утрам отмечаться в очереди на мебельный гарнитур "Стенка". А когда подошла её очередь, к ней обратилась женщина с просьбой поменяться номерами, так как её мужа, военнослужащего, переводили в другой город. Лида отдала ей свою очередь и отказалась взять кофейный сервис, который эта женщина хотела подарить в знак благодарности. А вскоре очередь в мебельном магазине была ликвидирована и давняя мечта купить этот гарнитур так и не сбылась, однако Лида никогда не сожалела о своём поступке.

С первого дня нашей встречи я был покорён её улыбкой, мягкой, доброй и нежной, в которой отражалась её светлая, чистая душа. Лида не любила фотографироваться, ни одна фотография не смогла отобразить её подлинный облик. Она рассказывала, как будучи назначенной заведующей школы, предъявила свой паспорт председателю сельсовета и тот, остановив долгий взгляд на фотографии сказал: "А в жизни вы гораздо интереснее".

Знакомство с Лидой сильно повлияло на меня, мне хотелось быть лучше, умнее, совершать героические поступки.

В те дни противник активных боевых действий не вёл, но не прекращал засылать к нам в тыл диверсионно-разведывательные группы. С мая 1942 по 1 октября 1944 года противником было предпринято 87 попыток прорваться диверсионными группами в тыл Карельского фронта. Из них четыре группы достигли Кировской железной дороги Ленинград - Мурманск и

совершили диверсии. В боях по ликвидации этих групп пограничники уничтожили более 300 диверсантов и 122 захватили в плен. Наши офицеры-разведчики имели в окрестных деревнях своих доверенных лиц и через них выявляли заброшенных к нам финской разведкой диверсантов, террористов и агентов-вербовщиков, которые вербовали среди населения предателей и поручали им выявлять места дислокации наших штабов, систему обороны побережья, количество войск, их вооружённость, подавать ракетами сигналы для нанесения бомбовых ударов. Офицеры-разведчики ходили в составе партизанских отрядов в тыл противника. Эта деятельность вызывала во мне большой интерес, и я подал рапорт о переводе меня в разведку. После настойчивых просьб меня перевели на должность зам.командира нашей же роты по разведке.

В моём оперативном обслуживании было два населённых пункта: село Песчаное, где дислоцировалась рота и посёлок Туба. В селе находилось подсобное хозяйство одной из дивизий 32 армии Карельского фронта, где работали солдаты и вольнонаёмные. Начальником подсобного хозяйства был капитан Владимиров. При знакомстве с ним, он мне не понравился. Толстогубый, потный, с белым дряблым лицом, в золотушных шрамах и пятнах, с коротенькими неловкими пальцами на руках - он при разговоре смотрел мимо моего лица, избегал взгляда моих глаз. О подсобном хозяйстве рассказывал поверхностно и неохотно. Мне было известно, что он сожительствует с учительницей Песчанской школы. В беседе с подругой этой учительницы я установил, что Владимиров подсобным хозяйством занимается мало, часто отсутствует, ссылаясь на командировки. Сожительница признавалась подруге, что заглянув как-то в его чемоданчик, она обнаружила там шприц, лекарства - и это натолкнуло её на мысль, что он наркоман. Кроме того, там было оружие и электрический фонарь иностранного производства. Владимиров вскоре был разоблачён, как агент, завербованный финнами. Произошло это так.

В январе 1944 года от партизанского отряда, действовавшего на финском побережье Онеги, поступило сообщение о ночных световых сигналах, поступающих предположительно с ветряной мельницы, стоявшей на отшибе, у берега. Именно после этих сигналов, утром 15 января, был нанесён авиаудар по отряду аэросанистов, которые дислоцировались рядом с нашей ротой. Отряд этот использовался для преследования по льду озера прорвавшихся диверсионных групп. Моё подозрение сразу пало на Владимирова. О своих выводах я доложил зам.командиру батальона по разведке, капитану Статневу. Вместе с ним мы разработали план по захвату агента. Во-первых, мы попросили аэросанистов имитировать учения, с якобы прибывшим дополнительным подразделением. Во-вторых, мы встретились с подругой учительницы и попросили её усилить наблюдение за Владимировым, используя вслепую сожительницу. И, в-третьих, у мельницы была выставлена засада. Наши предположения оправдались. Доверенное лицо сообщило, что Владимиров, на следующий день после "учений" собрался в командировку. Получив эти данные, я возглавил засаду у мельницы.

Под утро к мельнице подошёл Владимиров со своим чемоданчиком и тут же был нами задержан и допрошен. Сначала он путано и неубедительно пытался объяснить своё появление, но вскоре признался, что ещё в 1941 году, он сдался в плен и был завербован финнами, после чего его перебросили на нашу территорию. Его отконвоировали в штаб батальона, а оттуда в разведотдел полка.

Однажды, выполняя срочное задание оперативной группы, я чуть было не утонул в Карельском озере. В оперативную группу поступило сообщение, что в населённом пункте, название которого я уже не помню, проживает предатель. Мне предстояло разыскать предателя и арестовать. По карте я нашёл эту деревню, она располагалась на противоположной стороне озера. У местных жителей я узнал, что добраться до той деревни можно только через озеро. Лодок у населения не было, их отобрали финны, боясь партизан, но вёсла нашлись. Я взял с собой трёх бойцов и, прихватив вёсла, мы отправились искать лодку. К счастью, на берегу нашлась старая лодка, на которой мы и пустились в путь. Плыть надо было километра два. Двое гребли, двое вычёрпывали воду. Мы страшно устали, не успевали вычерпывать, и за пол-

километра от берега, лодка стала тонуть. Мы с трудом перевернули её вверх дном и опираясь на неё стали грести к берегу. Плыли мы долго, совсем обессилели и я начал тонуть, так как не умел плавать. На наше счастье, с берега, который был совсем близко, бедствие увидел мужчина. Он быстро разделся, бросился в воду и схватив меня, потащил к берегу. Мои бойцы, еле держась на воде, плыли рядом.

Спасителем нашим оказался охотник из той деревни, в которую мы держали путь. Он разжёг костёр, мы обсушились и я попросил Николая, так звали охотника, проводить нас. Когда, наконец, мы добрались до деревни, Николай пригласил нас в свой дом отдохнуть и поесть. Во время обеда он рассказал, что осенью 1941 года, когда район был захвачен финнами, над селом был сбит наш бомбардировщик. Лётчики, их было двое, спаслись на парашютах, но были ранены. Сельчане решили поселить лётчиков в доме у одной семьи до выздоровления и не сообщать властям. Однако староста села, по фамилии Митрофанов, на словах поддерживавший это решение, тайно сходил в район и сообщил об этом финскому начальству. Лётчиков схватили и расстреляли. Я понял, что именно о Митрофанове шла речь в анонимном письме, поступившем в нашу опергруппу. Митрофанов был нами задержан и подвергнут допросу. Вначале он всё отрицал, но припёртый показаниями свидетелей, вскоре во всём признался.

Теперь перед нами встала задача, как доставить арестованного в опергруппу. Митрофанов, видимо надеясь на смягчение своей участи, сказал, что знает дорогу через лес в посёлок Великая Губа, а именно там и дислоцировалась опергруппа. Мы двинулись в путь и через несколько километров увидели хорошего вида двухэтажный особняк. На мой вопрос, что это за здание, Митрофанов объяснил, что в нём располагалась какая-то военная школа. Из дальнейших его рассуждений я понял, что это была финская разведшкола и приказал тщательно обыскать здание, в надежде найти какие-нибудь, заслуживающие внимания документы. И действительно, в камине мы обнаружили списки слушателей разведшколы, которые в спешке не были до конца сожжены, они только слегка обгорели. Это был очень ценный документ, по которому нам потом удалось разоблачить многих шпионов финской разведки.

21 июня 1944 года началось освобождение южной Карелии. В составе 32-й Армии наш полк участвовал в Свирско-Петрозаводской наступательной операции. Задача этой Армии состояла в том, чтобы разгромить Медвежьегорскую группировку врага, овладеть столицей Карелии, городом Петрозаводском и выйти на государственную границу. В составе оперативной группы мы следовали в боевых порядках наступающих войск и по горячим следам вылавливали полицаев и агентуру противника. Командовал оперативной группой старший лейтенант Спажев. До войны он жил в городе Кондопоге, где работал инженером-строителем. Под его руководством, в частности, было построено здание электростанции города, тогда самой мощной в Карелии. И вот, когда город был освобождён, он решил посетить эту электростанцию и предложил мне пойти с ним. Когда мы вошли в здание, налетела вражеская авиация и стала бомбить здание. Взрывной волной меня ударило об стену, я оглох, из ушей и рта полилась кровь и я потерял сознание. Переждав бомбёжку, Спажев вызвал машину, которая отвезла меня в санчасть полка. Вскоре я поправился и вернулся в полк. В результате наступления наших войск из финских концлагерей и тюрем было освобождено свыше 20 тысяч советских граждан, в том числе и Лидина сестра Анна Васильевна с мужем, которые не успели эвакуироваться во время наступления финнов.

20 июля, наступая в трудных условиях лесистой местности и бездорожья, части 32-й армии заняли город Суоярви и 28 июля 1944 года вышли на советско-финскую границу, после чего Ставка Верховного Главнокомандующего отдала приказ о прекращении наступления.

Обстановка в Финляндии к тому времени резко изменилась. Президент Рюти, ярый сторонник Финско-Германского сотрудничества, под давлением антивоенного движения был вынужден уйти в отставку и новые власти потребовали вывода германских войск. 25 авгу-

ста 1944 года министр иностранных дел Финляндии обратился к Советскому правительству с предложением начать переговоры о заключении мира.

Наступление наших войск прекратилось, но перед нами по-прежнему стояла задача выявлять на освобождённых территориях шпионские агентурные сети, дезертиров, пособников, служивших врагу. Нужно было вести борьбу с паникёрами, распространителями ложных слухов. Характерным примером, иллюстрирующем характер наших действий в этот период, служит, пожалуй, следующий случай.

Устанавливая местожительство лиц, указанных в уцелевших списках финской разведшколы, мы выяснили, что в селе Спасская Губа проживает финн Пекконен, фамилия которого фигурировала в списке. Мы установили за ним наблюдение и обратили внимание что его сосед, карел Пётр Петков часто общается с ним, вхож в его дом. Было принято решение конспиративно допросить Петкова. Выследив, когда он в лодке рыбачил на озере, мы подплыли к нему, пересели в его лодку и тщательно допросили. Пётр рассказал, что брат Пекконена по имени Отто перед войной служил в армии где-то на севере Карелии и с началом войны от него долго не было известий. Но когда пришли финны, он объявился и рассказал, что был ранен и попал в плен. Перед отступлением финнов он снова пришёл к брату, дал ему большую сумму денег и просил войти в доверие к офицерам Красной Армии, желательно даже устроиться работать переводчиком.

Получив эти сведения, мы решили дать возможность Урхо выполнить эту просьбу и начали привлекать его в качестве переводчика при выяснении лиц, задержанных на КПП. Однажды ночью, к Урхо явился человек, сказавший, что его прислал Отто. Задав пришельцу несколько вопросов, Урхо просил передать брату, что он вошёл в доверие к пограничникам и готов выполнять его указания. Таким образом, он попал в расставленную нами ловушку и в ту же ночь был арестован.

На допросе Урхо признался, что брат сотрудничает с финской разведкой и что он ждёт его очередного посещения. Мы решили пойти на рискованный шаг, отпустили Урхо, убедив его, что если он поможет задержать Отто, то этот поступок смягчит их участь. А если не поможет, то брат будет всё равно арестован, но наказание будет гораздо суровее. После долгих колебаний Урхо согласился и всё прошло так, как мы договорились. За домом было установлено наблюдение. Когда Отто через неделю объявился, Урхо, как было условлено, вывесил во дворе постиранное бельё, чередуя белое с тёмным. Высланная группа задержания арестовала братьев. Суд учёл, что Отто не натворил серьёзных преступлений и поэтому он получил условный срок, а Урхо был освобождён.

С выходом на границу, наш полк вновь стал пограничным отрядом, батальоны стали комендатурами, а роты - заставами. Меня повысили в должности, переведя в следственное отделение в Управление отряда. Хотя война продолжалась, все мы чувствовали, что ещё усилие - и война окончится, мы ожидали этого со дня на день. И всё-таки, сообщение о её окончании для меня было неожиданным.

Я был в командировке, на участке своего оперативного обслуживания. Закончив работу поздно вечером, я, падая от усталости и не ужиная, лёг спать. А рано утром, 2 мая 1945 года вбегает в комнату солдат-ординарец, да как заорёт:

- Товарищ лейтенант! Война окончилась!

Я, спросонья, ещё не понимая случившегося спрашиваю:

- Откуда тебе это известно?

- Только что по радио Левитан передал!

И правда, по радио шло повторение этого сообщения... На улице, несмотря на ранний час толпился народ, все смеялись, обнимались и плакали. Мы выбежали на крыльцо и десять раз залпом выстрелили вверх: солдат из винтовки, я из пистолета. Возвратясь в дом, я в изнеможении сел к столу и опустив голову на руки, зарыдал, как ребёнок.

Война - это нечеловечески тяжёлая работа. Кто теперь сосчитает, сколько вырыл солдат за неполную военную пятилетку разных окопов, траншей, землянок, могил - и всё своей немудреной лопатой. Кто сосчитает, сколько разного рода укреплений - земляных, деревянных, бетонных, железобетонных возведено руками солдата! Кто сосчитает, сколько тяжестей перенёс на своём горбу солдат, дойдя пешком до Берлина, сколько "сменных норм" выполнил, вытаскивая из весенней и осенней грязи неподъёмно-тяжёлые орудия. Особенно тяжело на войне пехоте. Скатка шинели, вещмешок с боеприпасами... Месяцами не разувались, не раздевались, не мылись. Со сном плохо, потому что не знаешь, когда противник пойдёт в наступление. Пехоту бьют все виды оружия: танки, артиллерия, самолёты, пулемёты и даже природа - дождь, снег, град... Холод, грязь - всё это трудно переносить, особенно весной. Без пехоты не заканчивается ни один бой.

В моём сознании, как в калейдоскопе, всплывают лица моих погибших товарищей. Их подвиг состоял не в том, что они первыми поднимались в атаку, а в том, что они мужественно, с полной самоотдачей трудились для победы, нещадно били врага, шли вперёд на смертельный огонь, мёрзли, голодали, тонули в болотах... Это были простые, скромные советские юноши, мечтавшие о любви, о семейном счастье, о горячем служении Родине. Многие из них погибли так и не узнав жизни, не изведав ничего. Я чувствую перед ними какую-то вину. Хотя смерть ходила за моей спиной, не раз глядела мне в глаза, но я остался жив.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Зам. командира роты по разведке. Зима 1943 г. Село Песчаное.

Глава 12. Новый этап

В августе 1945 года меня направили учиться в Московскую школу усовершенствования офицерского состава, так как отсутствие военного образования служило препятствием для получения очередного воинского звания. Между тем, я решал для себя важный вопрос: как мне поступить теперь, когда война окончилась и срок действительной службы тоже. Мне было 26 лет, перспективы жизни после демобилизации рисовались заманчивые, я мог бы исполнить свои мечты, которые были у меня ещё до армии: стать учёным-педагогом, или филологом. А тут это направление... От раздумий о своей дальнейшей судьбе у меня пропал сон, но твёрдого решения я так и не принял. Уже выехав в Москву, решил, что окончательно определюсь, когда побываю на родине, в Рогатике.

В Москве, до начала занятий нас на месяц отвезли в лес, на заготовку дров для школы. Мы честно потрудились, дров заготовили много и командование школы, в порядке поощрения, дало нам месячный отпуск с правом выезда домой.

В Рогатик я прибыл вечером. Я шёл по тёмной улице и не узнавал домов, они казались мне чужими, не знакомыми. Подошёл к своему дому, из подслеповатых окон которого тускло проникал свет, он тоже мне показался другим, я даже прошёлся по улице направо и налево. Потом вернулся, толкнул дверь, вошёл и увидел мать, постаревшую и согнувшуюся, занятую какой-то работой. Она обернулась и, не смотря на то, что я был в военной форме, в которой она меня никогда не видела, сразу узнала меня, рванулась ко мне, обняла, заплакала, запричитала. Я тоже заплакал, обнимая её и в этот момент ко мне бросилась сестра Фрося, потом ещё кто-то, уже не помню... Несмотря на поздний час, пришла маманя, кем-то оповещённая. Она не плакала, а подойдя ко мне, осенила крестным знамением, поцеловала в лоб и сказала: "А я молилась за тебя ежедневно".

А потом всё пришло в движение, началась суета и только один человек тихо сидел в затемнённом углу хаты. Я подошёл к нему и сразу узнал своего лучшего товарища детства и юности - Ивана. Он вскочил, сгрёб меня в охапку своими ручищами, аж кости затрещали - и мы замерли, скрывая слёзы. Мы все сели к столу, у меня была припасена бутылочка водки, разлили её в кружки, по-фронтовому, и пошли воспоминания. Я рассказал про свою войну, Иван про свою, мать про оккупацию и похоронку, извещавшую о гибели отца, а маманя рассказала, как она побиралась, чтобы не умереть с голоду.

В Рогатике я прожил почти месяц. Впечатление о жизни в моей родной деревне сложилось самое удручающее, я увидел закрепощённый народ, настоящее крепостное право, о котором я читал в книгах... И поэтому мой гамлетовский вопрос быть или не быть мне военным, разрешился сам собой. Я остался в армии.

А в мире, между тем, происходили большие события. Наша Армия помогла США расправиться с Японией, была разгромлена миллионная Квантунская армия, освобождён Китай. Американцы взорвали атомные бомбы, хотя в этом уже не было необходимости, а господин Черчилль произнёс свою знаменитую фултонскую речь, призвав союзников начать холодную войну против СССР. Правящие круги капиталистических стран резко усилили шпионско-диверсионную деятельность против СССР. В США происходит реорганизация разведывательных органов, создаётся Центральное Разведывательное Управление - ЦРУ, которое во многом перенимает методы гитлеровского "тотального" шпионажа. Перед этим органом ставится задача добывания информации о географических особенностях нашей страны, национальных особенностях нашего населения, о характере и надёжности нашей политической системы, состоянии науки, техники, искусства. Основными методами подрывной работы были антисоветская агитация, организация заговоров, террор, диверсии и т.д. Создаются разного рода фонды, например, "Фонд Форда", "Толстовский фонд", на службу американской разведке привлека-

ются радиостанция "Голос Америки", Комитет борьбы за свободную Европу, Организация Украинских националистов, Национальный трудовой союз (НИТС), Союз борьбы за освобождение России. Все эти организации щедро финансируются. В распоряжении ЦРУ было более 100 тысяч шпионов, использовался дипломатический корпус, корреспонденты, учёные, туристы... Агенты ЦРУ, добывая шпионские материалы, шли на самые подлые и коварные приёмы, не останавливаясь перед похищениями и убийствами. Так, разоблачённый органами КГБ американский агент Голубев был снабжён специальной авторучкой со слезоточивым газом, кожаным кистенём, наполненным свинцовой дробью, а также специальным препаратом для усыпления людей. Американский агент Керц, на следствии показал, что ЦРУ снабжает своих шпионов специальными приспособлениями: в карманах помещаются батареи, от них идут два провода, пропущенные под пиджаком через рукав к ладони. На ладонь одевается специальная перчатка, на поверхность которой выведено два металлических усика. Шпион здоровается с ничего не подозревающим объектом, тот падает, ударенный электрическим током, остаётся только втащить жертву в машину и увести, или обыскать, забрать документы и уехать. Надо отметить, что за прошедшие с тех пор десятилетия методы ЦРУ, стали ещё более изощрёнными и разбойничьими.

В августе 1946 года, успешно сдав Государственные экзамены, я обратился к начальству, с просьбой направить меня для прохождения службы на западную границу. Я вызвал Лиду в Москву со всеми своими пожитками, чтобы вместе выехать к месту службы. Она приехала быстро, но вдруг из Управления погранвойск поступило распоряжение направлять нас туда, откуда мы прибыли на учёбу. Это конечно меня расстроило, но Лида сказала: "А я рада, что мы опять будем в моей Карелии", - и я успокоился.

Используя предоставленный после окончания школы отпуск, мы отправились с ней в Рогатик: я должен был представить матери свою супругу. Лида умела быстро устанавливать с людьми добрые отношения и я был уверен, что она не может не понравиться матери. Так и случилось. Отпуск пролетел, как одно мгновение, мы ходили на речку, купались, загорали на песочке...

Возвращаясь в Карелию, мы остановились в Ленинграде, где нам предстояла пересадка. Там мы встретились со старшим братом Лиды, Иваном Васильевичем Бубариным, тоже фронтовиком. Мы пошли в ресторан, где выпили и поздравили друг друга с благополучным выходом из проклятой войны. Иван рассказал о своей фронтовой судьбе.

Когда началась война, он служил морским офицером-подводником на острове Ханко, который в первые же дни войны был блокирован немецким флотом. Его подводной лодке пришлось выходить из блокады. В пути лодка была повреждена, села на грунт, связь была прервана. Многие матросы задохнулись, а Иван оказался в числе тех немногих, которых спасли, когда лодку, наконец, обнаружили.

В Карелии, Управлением пограничных войск, я был направлен в 1-й погранотряд, дислоцировавшийся в городе Сортавала, который был курортной зоной, когда принадлежал Финляндии. В этом отряде хотели служить многие офицеры, он считался самым престижным в Карелии.

Начальником разведотдела отряда был майор Зайков, мощного телосложения человек, лет за пятьдесят, с выпуклыми рыбьими глазами, по которым трудно было понять, хвалит он тебя или ругает. Славился он в отряде, как человек недалёкий, но у начальства в Округе почему-то имел авторитет. С подчинёнными он был груб, а перед приезжающим начальством лебезил и подхалимничал, напоминая мне Подхалюзина из Островского. К счастью, служить под его начальством мне выпало не долго, уже через год, в мае 1947 года меня перевели на Турецкую границу.

В 50-е годы граница с Турцией стала самым напряжённым пограничным участком. Эта страна сосредоточила на границе с Советским Союзом основную часть своей полумиллионной

армии, по соглашению с ЦРУ с территории Турции забрасывалась к нам агентура, в нейтральных водах Чёрного моря курсировали военные корабли, патрульные суда, подводные лодки. Для сбора информации стали применяться воздушные шары с автоматически действующими фотокамерами и радиопередатчиками, которые фотографические данные передавали в центр.

В связи с такой сложной оперативной обстановкой, в пограничных частях вместо разведотделов создаются пятые отделы, перед которыми ставится задача активизации оперативной работы по добыванию данных о готовящихся нарушениях границы.

В мае 1947 года я начал службу в 40 погранотряде Армянского пограничного округа в должности старшего помощника начальника 2-го отделения пятого отдела, который дислоцировался в то время в столице Армении городе Ереване.

Армения нас удивила, мы увидели жизнь, совсем не похожую на ту, к которой привыкли. Приключения начались уже в поезде, сразу после въезда на территорию Армении. Когда мы спали, с нашего столика забрали две красивые чашки и вазу, купленные нами в Москве. И самое удивительное было в том, что когда Лида, пройдя по вагону и обнаружив нашу посуду в соседнем купе, стала предъявлять претензии - человек, сидевший в этом купе, невозмутимо ответил: "Слушай, зачем шумишь, возьми свою посуду, если хочешь". На вокзале мы столкнулись с ещё одним удивительным обстоятельством. Когда сойдя с поезда, мы направились к вокзалу, чтобы выйти в город, нас остановил милиционер и приказал Лиде идти через одни двери, а мне через другие. Наши объяснения, что мы муж и жена не возымели действия. Я начал настаивать, но милиционер оставался непреклонным: "У нас нельзя входить в вокзал мужчине и женщине вместе". Он объяснил, что пройдя через вокзал, мы выйдем на привокзальную площадь и там встретимся вновь. Тут я обратил внимание, что приезжая местная публика привычно соблюдает это правило и это меня успокоило. Мы вошли в разные двери и выйдя из вокзала на площадь, я увидел уже ожидающую меня Лиду. Позже мы убедились, что раздельные очереди для мужчин и женщин неукоснительно соблюдаются в Армении везде: в магазинах, аптеках, больницах, амбулаториях и т.д. Был случай, когда Лида, забыв этот порядок, встала в мужскую очередь: она была короче. Мужчины зашипели, что-то забормотали по-своему, осуждающе и пренебрежительно рассматривая её. Она тут же поняла свою оплошность и быстро ушла в женскую очередь.

Поначалу нам было сложно привыкать к новому укладу жизни. Пришлось столкнуться с национальной враждебностью. Например в магазине продавец словно не слышит, что к нему обращаются, и только после проявленной настойчивости, нехотя бросит на прилавок товар, с характерным армянским жестом, произнеся при этом: "сох". Этой пренебрежительной кличкой называли всех русских, проживающих в Армении, в переводе означает "горький, противный, как лук". Сдачу никогда не давали, а если сделаешь замечание, демонстративно вынут из своего кармана деньги и бросят их тебе с презрением, иногда даже в два раза большую сумму, обрутав при этом по-армянски. Завышение цен, припрятывание товаров, обчёты, обвесы - с этим приходилось сталкиваться на каждом шагу.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что народ армянский очень трудолюбив, музыкален, артистичен. Речь, жесты, темперамент - так и просятся на сцену, настолько они выразительны.

В отряд одновременно прибыло из других частей много офицеров с семьями, квартир не было, семьи расселялись в общежитии, в Ереване, а офицеры выезжали на границу. Я был командирован на участок 3-й комендатуры, дислоцирующейся в посёлке Арташат. Инструктируя нас перед выездом, начальник отряда полковник Инечкин, по-моему еврей по национальности, пристально смотрел на меня, а в конце совещания попросил остаться. В беседе со мной, он, как я понял, пытался выяснить мою национальность, не решаясь из этических соображений задать вопрос напрямую. По-видимому он всё-таки принял меня за еврея, иначе я ничем не могу объяснить, почему я первым из всех получил квартиру.

Охрана границы велась по усиленному варианту. Особенно осложняли оперативную обстановку так называемые армяне-репатрианты, в одиночку и семьями пересекавшие границу. Из истории известно, что во время Первой мировой войны на территории турецкой Армении широко развернулось национально-освободительное движение. В апреле 1915 года турецкое правительство отдало распоряжение местным властям истребить население этих областей, а оставшихся в живых выселить в пустыни Месопотамии. Тогда было физически уничтожено более 1 млн. армян и более 600 тысяч угнано в пустыни, где большинство из них погибло. Значительная часть армян бежали в Европу, Америку, переселялись в Ливан, Иран, Египет, Сирию.

В 1946 году правительство Армянской ССР объявило о согласии принять на постоянное жительство братьев-армян. В страну хлынула армянская эмиграция, за два года - более 100 тысяч репатриантов. Но приглашая на жительство сородичей, власти не позаботились о создании для них нормальных условий. Они расселялись в сараях, работой практически не обеспечивались, голод и болезни косили людей и вскоре начались массовые нелегальные побеги через границу. Все наши мероприятия по недопущению нарушения границы мало помогали и Главное Управление погранвойск направило к нам с инспекторскими полномочиями полковника Тер-Григоряна. Наше начальство впало в шоковое состояние. Тер-Григорян был известен в погранвойсках, как личность грубая и бесцеремонная. Лучший друг Берии, он перенял все его повадки и действовал безоглядно, жёстко, наказывал направо и налево, снимал с должностей, короче - творил что хотел. И у нас он развернулся вовсю. Прибыв на оперативный пункт, дислоцированный в тылу участка нашего отряда, он потребовал подробный доклад от начальника оперпункта. Во время доклада, не дослушав до конца, он приказал докладчику подойти к висевшему на стене большому зеркалу и когда тот подошёл, стал стучать кулаком по отражению головы и кричать: "В этой чумной голове есть что-либо стоящее, а?" После чего приказал ему отправиться пешком в штаб отряда, расположенный в 20 километрах, и доложить о том, что он отстранён от должности. Прибыв в наш отряд, Тер-Григорян собрал всех офицеров-разведчиков и также слушая доклады о состоянии оперативной работы, часто прерывал и оскорблял докладчиков. Дошла очередь и до меня. Я конечно очень волновался, но к моему изумлению, он ни разу не прервал мой доклад, а когда я закончил, сказал, обращаясь ко всем: "Вот, товарищи, как надо докладывать". И не задав мне ни одного вопроса, перешёл к прослушиванию доклада следующего офицера.

Результаты своей инспекции Тер-Григорян решил озвучить на окружном совещании. Когда мы входили в зал заседаний, ко мне подошёл мой начальник, полковник Грязнов и шепнул: "Ты понравился Теру". Тогда это значило многое: высшее начальство часто подбирало для себя кадры по принципу "нравится - не нравится". И грешным делом, у меня затеплилась надежда о переводе на службу в Москву. Но вскоре умер Сталин, был расстрелян Берия, снят с работы Тер-Григорян и мои тщеславные мечты развеялись как сон, как утренний туман...

В Армении я прослужил более десяти лет, с 1947 по 1958 год. Там родились мои дети: сын Володя, в 1947 году и дочь Светлана, в 1949. Там я получил воинские звания капитана, майора и подполковника. В 1948 году на базе 40-го погранотряда было создано два: 40-й, с дислокацией в городе Арташате и 25-й, с дислокацией в Октемберяне. С переводом штаба 40 погранотряда из Еревана в Арташат, часть офицеров с семьями разместили в комендатурском доме, остальным пришлось снимать частное жильё, пока не будет построен дом для пограничников. Армяне, почуяв наживу, запрашивали баснословные цены, хотя в старых, барачного типа домах не было никаких удобств. Квартира, которую я снял, представляла собой небольшую комнату, куда можно было войти только через хозяйскую семью. В этой комнате и разместились мы с Лидой и нашим новорожденным сыном Володькой. Комната не отапливалась, установленная в ней буржуйка не давала достаточно тепла, да и уголь часто не подвозили и мне приходилось ночью воровать его на железнодорожной станции. С наступлением холодов

сын простыл и заболел воспалением лёгких, что привело нас тогда, неопытных в этой стороне жизни, в ужасное состояние растерянности. Но слава Богу, помогли врачи нашей части. В этой квартире родилась и Светлана, причём я в это время находился в командировке на границе, а роды принимала наша хозяйка. По видимому из-за внесённой инфекции, у ребёнка начали гноиться глаза, поездки к врачам в Ереван результата не давали, пока один врач, армянин, не дал Лиде какие-то собственноручно изготовленные капли и слава Богу, всё обошлось.

Однако вскоре малярией заболел я сам. Как вспомню сейчас своё тогдашнее состояние, так страшно становится и теперь. Частые приступы начинались всегда в одно и то же время, температура поднималась до 40 градусов, меня тогда было не узнать, так я исхудал и пожелтел. Имеющиеся лекарства не помогали, пока на чёрном рынке Лида не купила за большие деньги две ампулы заграничного лекарства. Всего один укол вылечил меня: малярию, как рукой сняло. Но вскоре заболела Лида. Приступы изматывали её, однако она берегла ампулу, опасаясь, что малярия может опять начаться у меня. А ведь ей приходилось ещё управляться с двумя маленькими детьми. В конце концов я возмутился и потребовал, чтобы она воспользовалась лекарством и снова одного укола было достаточно, чтобы страшные приступы прекратились.

В 1953 году, вскоре после смерти Сталина, Хрущёвым было проведено первое сокращение наших войск. 40-й погранотряд был ликвидирован, а его участок границы был передан под охрану 25-го погранотряда. Я был повышен в должности - стал заместителем начальника 5-го отдела штаба, а потом и начальником.

Однажды утром, когда я завтракал перед выходом на службу, раздался стук в дверь и вошли два пограничника с, как мне показалось, задержанным нарушителем пограничного режима. Это противоречило правилам и я стал выговаривать пограничникам своё возмущение. И вдруг слышу: "Вась, ты что?" Я перевёл взгляд на задержанного и с невероятной радостью узнал своего младшего брата Лёньку, с которым не виделись много лет! Передо мной стоял красивый, мужественного вида офицер. Мы бросились обниматься, на службу я конечно не пошёл. Разве мог я подумать, что когда-нибудь встречу здесь, на краю земли, своего брата! Сидя за столом мы вспоминали Рогатик, родных, нашу службу в Армии. Лёня рассказал, как он оказался в Армении. Оказывается после окончания военного училища его направили в авиационный полк, дислоцировавшийся в Ереване. По дороге к месту службы он решил навестить меня, сойдя на станции Октемберян. Адреса моего он не знал и поэтому зашёл в штаб отряда, где доложил кто он и зачем появился. Дежурный выделил ему солдат, которые и привели его ко мне.

Пока не было семьи, Лёня часто приезжал к нам, что было для нас с Лидой большой радостью. Но однажды, когда я был в командировке, Лёня приехал к нам со своим товарищем, Лида накрыла гостям стол, а они, изрядно выпив привезённую с собой водку, начали ссориться. Ссора началась из-за пустяка. Товарищ, считавший себя казаком по происхождению, стал пренебрежительно отзываться о крестьянских мужиках. "Казак, - просвещал он Лёньку, - это удалец, вольный человек, казаки - вольные люди России". Знал ли Лёнька, что сравнение казака с мужиком для них самое обидное оскорбление, или нет, мне неизвестно, но он сказал:

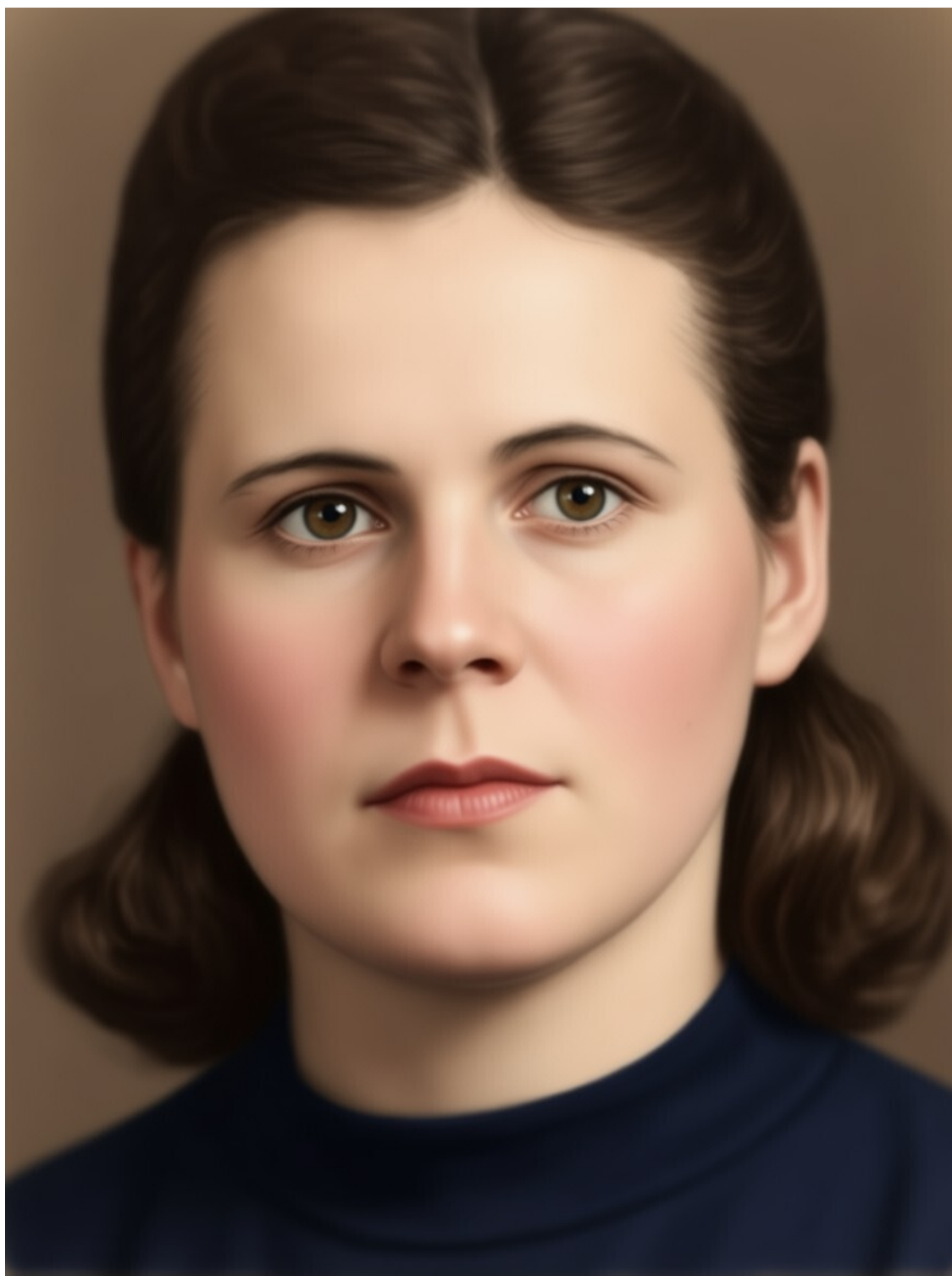
- Какой ты казак, ты - мужик.

- Я мужик? - вскочил на ноги товарищ, - а ну давай выйдем!

Лида потом мне рассказывала, какого труда ей стоило предотвратить серьёзное мордобитие.

К счастью, вскоре Лёнька получил квартиру, приехала его семья и мы стали встречаться реже, в семейном кругу.

В 1958 году произошёл новый поворот в моей судьбе.

Лидия Васильевна. 1948 г.

Армянский пограничный округ. 1952г.

Армения. Озеро Ада-Ери, подвесной мост. 1954г.

Глава 13. Повороты судьбы

25 июня 1958 года приказом начальника пограничных войск СССР я был откомандирован военным советником в пограничные войска ГДР. Мы срочно распродали за полцены и раздали нажитое имущество и выехали в Москву. И тут из ГДР пришло уведомление нашему правительству, что в военных советниках они больше не нуждаются. Мне предложили должность начальника 5-го отдела штаба Посыетского погранотряда Дальневосточного пограничного округа. Посыетский отряд дислоцировался в местности с тяжёлым климатом, да и оперативная обстановка там была не менее сложной, чем в Армении. Я отказался, потому что чувствовал страшную, накопившуюся за многие годы усталость. Согласился на менее оплачиваемую должность старшего помощника начальника 5-го отдела Штаба Управления Дальневосточного пограничного округа.

Из Москвы мы выехали 5 августа 1958 года скорым поездом Москва-Хабаровск. Десять суток за окном купе пробегали поля и леса, города, посёлки, железнодорожные станции. Мы вели схему нашего пути, записывали названия станций, их характерные особенности. Молча смотрели мы в окно, охваченные каким-то грустным и волнующим настроением, возвышенными мыслями... Мы предметно ощущали, как велика, беспредельна, прекрасна и величественна наша Отчизна, в душе поднималось чувство гордости за Россию, за своё участие в охране её рубежей. Однажды утром, когда до Хабаровска оставалось совсем не далеко, мы увидели за окнами разливанное море! Поезд шёл тихо-тихо, по ступицы в воде, всем стало не по себе, пассажиры спрашивали: что случилось? Оказывается, это разлился Аракс и его приток, река Зея. Но вскоре мы благополучно подъехали к Хабаровску и вышли на перрон.

Перед нами стоял величественный памятник Хабарову, казаку-первопроходцу, основателю города. По сравнению с Арменией, граница Дальневосточного округа ошеломляет размерами охраняемых участков. Если в Армении протяжённость участка заставы составляет 10-15 км, то здесь - 75-80 км. Чтобы добраться до какого-нибудь пограничного отряда требуется самолёт. И, действительно, в распоряжении начальника пограничных войск была целая эскадрилья самолётов. Оперативная обстановка на границе с Китаем ко времени моего приезда уже начинала осложняться, хотя до событий на Даманском оставалось ещё более 10 лет.

Из хабаровского периода жизни вспомнить что-либо примечательного, заслуживающего внимания нечего. Разве что, первый в моей жизни санаторный отдых в Башкирии. Я попробовал кумыс, чудесный напиток, нигде его не готовят так вкусно, как там. Посмотрел народный праздник сабантуй, лошадиные бега - захватывающее зрелище! Запомнилась смешная поговорка, которой башкиры отвечают на вопрос "Как живёшь?" Отвечают так: "Деньги есть - Уфа гуляем, денег нет - Чишма сидим". Чишма - небольшая железнодорожная станция перед Уфой. Когда я рассказывал Лиде о Башкирии и привёл эту поговорку, она долго смеялась, так ей понравился её иронический смысл.

На Дальнем востоке мы прожили недолго, всего год. В октябре 1959 года, в связи с сокращением Армии, я был уволен в запас. Тогда в запас уволили всех, у кого выслуга лет превышала 25 лет, у меня она была 27 лет. Вновь в моей жизни наступил переломный период. В Хабаровске оставаться не хотелось, за год мы не смогли привыкнуть к тамошним условиям, чувствовали себя словно на чужбине, оторванными от Родины. На разосланные мною письма знакомым в Курск, Горький, Москву ответы не поступили, я расстраивался, поднялось давление, страшно болела голова. Что делать, когда квартиры нет, работы нет, на иждивении семья, на пенсию прожить невозможно... Особенно томило то, что реального плана выхода из сложившейся ситуации у меня не было и я боялся, что Лида начнёт упрекать меня, как это делали многие жёны уволенных офицеров.

Но мои страхи оказались напрасными. Догадываясь о моём душевном состоянии, она стала для меня настоящим ангелом-утешителем, окружила меня повышенной чуткостью и вниманием. Она говорила: "Теперь ты всегда будешь рядом и мне будет спокойнее". Её заботливость и теплота вывели меня из состояния безысходности, я решил встретиться с начальником политотдела войск Округа генерал-майором Силиным. С ним я познакомился во время одной из командировок, когда в составе группы офицеров, мы проводили инспекторскую проверку в одном из пограничных отрядов, а он был руководителем нашей группы. По итогам командировки он поставил меня в пример для остальных и мою докладную записку назвал лучшей. И в дальнейшем, встречаясь в Управлении, он всегда уделял мне внимание. Генерал встретил меня приветливо, выслушал меня и спросил, в каком из городов, где строятся квартиры для уволенных в запас офицеров я хотел бы жить. Он назвал Волгоград, Краснодар, Севастополь и некоторые другие. Поблагодарив генерала за чуткое отношение, я попросил дать мне квартиру в Севастополе. Генерал выполнил своё слово, в Севастополе мне была выделена трёхкомнатная квартира в доме, который заселялся уволенными в запас пограничниками. Так была решена самая трудная задача. Перед отъездом мы устроили прощальный обед, на который пригласили соседей, не отказался от приглашения и генерал Силин. К наступившему часу отъезда, генерал вызвал автобус штаба, который привёз нас всех на вокзал. Гости помогли занести вещи в вагон и мы тепло распрощались. Так закончился хабаровский период моей жизни.

Оперативный дежурный погранотряда. 1958г.

Река Онон, Читинская область. 1958г.

Даурия. У нарзанного источника. 1958г.

Глава 14. Севастополь

В Севастополь мы прибыли летом 1960 года. Дом, в котором нам была выделена квартира ещё не был достроен и мы поселились на частной квартире, терпеливо ожидая окончания строительства. Но когда наступило время заселения, не обошлось без интриг. На Хабаровских пограничников в этом доме было выделено три квартиры: две двухкомнатные и одна трёхкомнатная. Когда в Хабаровске распределялись квартиры, мне, имевшему двоих детей, была выделена трёхкомнатная. Но за год у одного из претендентов родилась вторая дочка, кроме того, он вызвал к себе мать и прописал в Севастополе. Прибывший из Москвы представитель погранвойск вознамерился пересмотреть принятое ранее решение и предоставить трёхкомнатную квартиру этому офицеру. Тогда я срочно дал телеграмму в Хабаровск с просьбой помочь и уже на следующий день из Главного управления погранвойск пришло подтверждение хабаровского решения. Московскому представителю не оставалось ничего, как выдать мне ордер и ключи от трёхкомнатной квартиры, в которой я живу по сей день. Но мне предстояло решить ещё одну, не менее важную задачу: устроиться на работу. Тогда в Севастополе это было делом не лёгким. Поэтому, когда мне предложили занять должность заместителя начальника отряда ВОХР Управления Черноморского флота - я сразу согласился.

Функции заместителя начальника по политической части сводились в основном к воспитательной работе. Характер этой работы можно проиллюстрировать выдержкой из моего выступления на партийно-комсомольском активе отряда: "В нашей деятельности имеются серьёзные недостатки, особенно нетерпимы они в службе. Сон на посту, случайный выстрел в 4-м карауле, пьянство (Руднев). Не поддерживается порядок в караульных помещениях, в 6-м карауле плохо ухаживают за оружием, в общежитии курят, приходят поздно, ложатся в верхней одежде на кровати, пререкаются с уборщицей"...

Для себя я решил, что эта работа временная. Через полтора месяца я узнал, что при штабе Черноморского флота организуется учебный отряд из индонезийских моряков. Тогда Индонезия закупила у нас два крейсера и требовалось обучить управлять ими индонезийских моряков. Но сначала их нужно было научить русскому языку и вот на эту работу преподавателя русского языка я и пошёл, распрощавшись с ВОХР. После шести месяцев обучения мои моряки могли свободно объясняться не только по специальности, но и на бытовые темы. Программа была полностью выполнена. Свою группу я несколько раз приглашал в гости, из угощений, которые готовила Лида, они предпочитали сладкое. Как-то они высказали удивление, что по сравнению с учителями в Индонезии, моя квартира проигрывает. Тут надо заметить, что в индонезийском флоте служат в основном представители привилегированных классов.

Ко времени окончания курсов, появилась возможность сменить и эту работу. Лида узнала от своей знакомой, что в Севастопольском приборостроительном институте открылась должность начальника отдела кадров. При содействии мужа этой женщины, работавшего в институте, я в июне 1963 года был принят на работу, которой отдал 16 лет своей жизни: сначала на должности начальника отдела кадров, а потом, с 1969 года заведующим аспирантурой. В институте было широко отмечено моё пятидесятилетие и шестидесятилетие, с благодарственными адресами и подарками.

И именно в те годы, работая в институте, я стал свидетелем зарождения нашей советской мафии, которая теперь (80-е годы) приняла угрожающие размеры. В газете "Комсомольская правда" от 8 июля 1989 года приведены такие цифры: по данным МВД и КГБ, теневая экономика располагает капиталом в 150 миллиардов, в ней занято до 40 млн. человек. Число профессиональных преступников приближается к 10 млн. В стране действует около 60 тысяч сбытчиков наркотиков, а число потребителей доходит до 600 тысяч. В нашем институте тоже сложилась своя мафиозная группа. Поскольку эти люди здравствуют и сегодня, я не буду назы-

вать их настоящих фамилий, но кратко охарактеризую. Первого из них, назовём его Аркадием Андреевичем, можно было бы сравнить со злым карликом из народной сказки. Маленького роста, он однако стремился выглядеть значительным, ставил себя выше и лучше всех. Говорил он без интонаций, как бы цитируя книгу, что придавало, его речи, как он считал, солидность и эта манера хорошо скрывала его настоящие мысли. Каменное лицо не позволяло понять, как он к тебе относится, зрачки его узких глаз казались не круглыми и гладкими, как у обыкновенных людей, а словно слепленными из мелких острых кристалликов, они меняли выражение мгновенно, становясь вдруг из доброжелательных злыми. Когда нагнувшись над письменным столом он глядел в разложенные бумаги, казалось, что кроме них он ничего не видит, но это было обманчивое впечатление. Однажды, я состроил ему рожу и он тут же отреагировал: "Не криви рожу". Философское кредо его сводилось к формуле: "Любовь и голод правят миром и всё, что мы делаем - проявление этих двух основных сил".

Второго, Петра Степановича, можно охарактеризовать просто: нравственное ничтожество. Если он и выделялся чем-нибудь, так только одним - абсолютной беспринципностью. Этот лис имел хорошую память и, как я убедился, запоминал слово в слово наши разговоры. Этот профессиональный навык сохранился у него с тех времён, когда он, как говорят, будучи в армии, сотрудничал с особым отделом. На этой почве офицеры не раз устраивали ему "тёмную". Держал он себя недалёким простачком, при разговоре прямых вопросов избегал и часто использовал идиоматическое выражение: "Иди ты?", как бы спрашивая и удивляясь одновременно. Лицо его вечно масляно лоснилось и было надутым, как у больного водянкой, маленькие глазки, при внешнем, показном безразличии, буравили насквозь, а большой рот был без губ, словно прорезан ножом.

Третьего назовём Леонидом Евгеньевичем. Это был высокий, сутулый и скучный, как засохшее дерево субъект. В разговоре он любил к месту и не к месту приводить библейское сказание: "Бог велел Аврааму зарезать Исаака, а когда Авраам хотел резать, Бог сказал - не надо, лучше зарежь барана". Звучало это зачастую зловеще. Каждый из них пришёл в институт со своими корыстными целями, я это понял, когда приступил к работе начальника отдела кадров. Работая по совести, я стал пресекать их поползновения. Тогда они объединились, чтобы найти способ решать выгодные для себя вопросы жизни института, игнорируя отдел кадров. Они вошли в доверие к ректору института, воспользовавшись одной из его слабостей: тот уважал наущничество. Они создали целую сеть наущников и в изобилии снабжали ректора "сведениями", шельмуя направо и налево честных людей и выдвигая и хваля других - нужных им. Таким образом, один получил квартиру вне очереди, раньше, чем учёные института, другой нагребил кучу ценнейших подарков, третий устроил своих детей в ВУЗы, а по их окончании - на престижную работу. Троица эта стала вершить большие дела, сотрудники, для скорейшего разрешения своих проблем, заискивали перед ними и преподносили подарки. Если кто-то к ним обращался без подарка, они встречали его с распростёртыми объятиями, с милой улыбкой, но как только за просителем закрывалась дверь, следовал звонок нужному человеку: "Гони его в шею, тоже, умник нашёлся, впереди прогресса скакать хочет".

К сожалению, должен констатировать, что часть моей жизни как коммуниста, прошла в атмосфере лицемерия, когда думали одно, говорили другое, а делали третье. В коммунистическую партию я вступил в окопах Отечественной войны, по зову сердца, когда единственной привилегией коммуниста было первым подниматься в атаку. Когда же окончилась война, то оказалось, что лучшие кадры партии погибли на войне, или остались служить в армии. В этой обстановке к власти пришли коммунисты-приспособленцы, отсидевшиеся в тылу, не нюхавшие пороха, поднаторевшие в обмане. И первое, что они сделали, это придумали так называемую номенклатуру должностей. В этой номенклатуре они состояли годами, перемещая друг друга либо по вертикали, либо по горизонтали, даже если не справлялись с работой. Они уходили от ответственности, о суде и речи не было, хотя многие из них это заслуживали. В аппа-

рате партии процветала вседозволенность, кумовство. Виллы, дачи, охотничьи домики стали непременным атрибутом власти от горкома до центра. Стараясь попасть в вожаемую номенклатуру, они без малейшего сожаления отбрасывали своего соперника, часто аморальными методами. В партии они насаждали рабскую психологию, разжигали зависть и ненависть к тем, кто стремился честно работать и жить.

В январе 1979 года серьёзно заболела Лида, да и моё здоровье стало не важным и мы на семейном совете решили, что мне надо уходить с работы. Я написал заявление по собственному желанию и с тех пор моей главной заботой стало здоровье Лиды. Когда я уволился, мне часто товарищи задавали вопрос, не скучно ли целыми днями сидеть дома только в обществе жены. И я неизменно с гордостью счастливо отвечал: нет, никогда. Они удивлялись и не верили мне, но это факт. Лида была для меня и женой и товарищем и другом, никому и никогда я не поверял все свои чувства и мысли, как только ей. Она умела дорожить моим доверием, ценить мои чувства и отвечала мне взаимностью. У нас были общие враги и общие друзья, мы одинаково ненавидели подхалимов, ханжей, лицемеров, циников и боготворили людей большого и чуткого сердца, духовно богатых с чувством сострадания и милосердия. Ей никогда ничего не надо было объяснять, она всегда была рядом и понимала меня с полуслова. Когда меня что-то расстраивало, она умела поднять мне настроение, вспомнив какой-нибудь простой, крестьянский анекдот и мы вместе смеялись. У неё были разносторонние интересы. Имея прекрасный голос, она была непременным участником художественной самодеятельности, закончила курсы кройки и шитья, вязания. Увлекалась кинематографом и знала всех звёзд. Когда у нас появился телевизор, она вместе со мной смотрела футбольные и хоккейные матчи, вела таблицу, делала прогнозы во время мировых чемпионатов и была очень рада, когда прогнозы сбывались. Лида обожала внучку Олю. Светлана работала, часто болела и Лида все труды по уходу и воспитанию внучки взяла на себя. Она её купала, кормила, нянчила. Научила её говорить, ходить и ещё до школы читать. Её труды не пропали даром: в характере Оли многое от Лиды. Она общительна и внимательна к людям, она обязательна, верна в дружбе, умеет ценить её и отвечать взаимностью. Так же, как и Лида, Оля любит стряпать, может испечь пирог, сварить суп, приготовить салат.

Индонезийская группа. 1962г.

Зав. аспирантурой. 1968г.

С внучкой Олечкой. 1976г.

Глава 15. Покой мне только снится

7 октября 1989 года Лида в возрасте 68 лет умерла. Для нас это было тяжёлое испытание, но для неё, по-моему, это была лёгкая смерть. Сначала, и как-то вдруг, она лишилась речи, а буквально через несколько минут и сознания. Я находился всё время рядом, поглаживал её горячий лоб и взывал: "Лида, Лидочка, я здесь, что тебе, скажи, что тебе?" Приехала на вызов скорой врач и сделав осмотр сказала: "Мы здесь уже не нужны». Проходили часы, Лида, находясь без сознания, всё дышала ровно и спокойно, Светлана смачивала ей губы, а утром, в 4 часа дыхание прекратилось...

Заканчивая свои воспоминания, мне хотелось бы высказать некоторые суждения о современной нашей жизни. Мы живём в обществе, где уничтожена наша вековая культура. После революции уничтожались храмы, монастыри — средоточие духовной нравственности, разрушались памятники. Это привело нашу страну к духовной деградации. Мы беззащитны перед чиновником, перед завмагом, перед вахтёром. Прокуроры обвиняют невиновных, судьи освобождают от наказания преступников, врачи берут взятки и торгуют лекарствами, продавцы создают дефицит, торгуют из-под прилавка, обвешивают, обсчитывают. Хозяйственники срослись с преступным элементом, преподаватели занимаются репетиторством и поэтому не заинтересованы в полноценном обучении на уроках. Получили распространение лицемерие, взяточничество, вымогательство, протекционизм, очковтирательство, оговор.

И самое печальное — отношение нашего общества к ветеранам войны. Отношение к ветеранам — это тот оселок, на котором проверяется моральный облик общества и нравственная сущность человека. Более того, общество безразличное к фронтовикам — больное общество. А ведь фронтовики это люди, которые четыре года находились рядом со смертью, раненые — нередко отказывались от госпиталя, тонули в озёрах и болотах, преодолевали минные поля, попадали под губительные обстрелы, бомбёжки. Поэтому и сейчас перед их глазами видится чёрный зрачок ствола и навсегда в памяти застыли словно «стоп-кадры» эпизоды боёв. Это люди, у которых всё сильнее с годами болят старые раны, многие, вернувшиеся с войны вроде бы здоровыми, начинали тяжело болеть, а тянулись эти хвори к старому ранению, давней контузии, к ночёвкам в снегу и ледяным переправам.

Недавно, случайно, я побывал на квартире знакомого мне фронтовика. Жена его умерла и он проживал с дочерью, недавно выдавшей свою дочь и внучку моего друга, замуж. В завязавшемся разговоре хозяйка предложила мне посмотреть семейный альбом с фотографиями. Альбом открывался многочисленными свадебными снимками её дочери. Мать с упоением показывала мне какая у невесты была сногшибательная фата, снятая крупным планом, сверхмодное и очень дорогое платье, золотые украшения, импортные туфли... "А где же ваши военные фотографии?" — обратился я к деду невесты и отцу её матери. Приложив палец к губам, он, незаметно от дочери, продолжавшей упиваться фотографиями, вывел меня в прихожую, где стояла тумбочка, в которой обычно хранятся щётки для обуви и где, оказывается, лежали его фотографии. Это были уникальные фото, снятые на Курской дуге, в Польше, в Берлине. Взяв эти фотографии, я подошёл к столу, где продолжала любоваться альбомом его дочь и сказала: "Милая моя, не этим надо гордиться, а вот этим», — и разложил фотографии на столе. В этих фотографиях ощущалось дыхание самой истории, мы увидели героическую жизнь человека, за каждым орденом которого была кровь, контузии, тысячи километров трудных дорог. Да, к сожалению бывает так, что узнаём мы о славных деяниях своих родных, когда их уже нет. А нам бы надо гордиться ими ещё при жизни и оказывать им своё внимание.

Между тем в нашем обществе стали проявляться не только неуважительные нотки в отношении к ветеранам, но даже откровенно враждебные. Нередки стали случаи, когда ветеран хочет что-то купить в магазине без очереди, пользуясь положенной по закону льготой, но на

него начинают сыпаться оскорбительные реплики, и спекулянт обзывает и доминошником и ещё Бог знает кем и чем. Однажды я стал свидетелем подобной сцены. В овощном магазине стояла большая очередь за помидорами. Подходит к стойке ветеран, с орденскими планками и заметно слабым здоровьем, хочет купить помидоры без очереди. Боже мой, что тут началось! Сравнительно молодая женщина из очереди, крашеная и размалёванная, как ковёрный в цирке властно приказывает: "Гражданин, станьте в очередь". С искажённым злостью лицом, она хватается ветерана за руку и отталкивает от прилавка. Её поддерживает другая: "Правильно, их тут много шатается, доминошников несчастных. С утра до вечера играть в костяшки у них есть время, а постоять в очереди — у них времени нет". «Так у него же больше некому сходить в магазин,» — ехидненько иронизирует молодой мужчина. Я хотел вмешаться в эту унижительную сцену, пристыдить злых людей, но тут вмешался продавец: "Перестаньте! Это ветеран войны, он имеет право покупать без очереди. Сколько вам взвесить?" — и она отпустила ветерана. Очередь притихла и тут в тишине раздался громкий голос: "Когда же они только подойдут!".

Как, почему так случилось, что в нашем обществе появилось столько негатива в отношении тех, кто не щадил своих жизней ради победы над врагом, ради спасения страны? В позапрошлом году в кинотеатре «Севастополь» проходило кустовое партийное собрание. По его окончании состоялось вручение орденов «Отечественной войны». Впереди меня сидели двое мужчин, не ветераны и вот я услышал, как один говорит другому: "Какие это ветераны! Да они и фашиста живого не видели, эти фальшивые ветераны", — он даже сказал не ветераны, а ветеринары... По тому, как горячо и убеждённо он говорил, можно предположить, что эту свою демагогию он проповедовал не в первый раз и не одному человеку и наверняка вбивает в головы своих детей и внуков. Ещё удивительней другое. Готовясь к уроку мира 1 сентября 1987 года в школе 26, группа ветеранов-фронтовиков попросила Нахимовский райком партии прислать опытного товарища, который бы подсказал, как правильно провести беседу с детьми. И вот что посоветовал товарищ из райкома:» Вам, дорогие ветераны, конечно есть, что вспомнить, но сегодня не следует вдаваться в фронтовые воспоминания, так как военная тема поднадоела и школьниками воспринимается неохотно.» Нас этот совет, конечно, поразил: зачем же тогда приглашать фронтовиков? Но потом мы убедились, что учащиеся действительно относятся к ветеранам без уважения, как к назойливым мухам. А причина очевидна: вся работа по патриотическому воспитанию заформализована. Возьмём, к примеру, школьные музеи. Многие из них превратились в некие показушные заведения, а сами встречи с ветеранами проходят без души и волнения. Прокручивается сценарий, вручаются букеты, повязывают старикам пионерские галстуки — и всё, галочка поставлена. Как-то, ехал я в троллейбусе при всех своих орденах (мне нужно было сфотографироваться). На остановке, вваливается в троллейбус группа молодых людей, и один из них, показывая на мои награды, развязно так, с одесским акцентом, спрашивает: "Папаша, по какому случаю повесили свои побрякушки?" Я несколько секунд был в шоке, потом только и смог произнести: "Как вы смеете!" Мне стало плохо, я весь дрожал, кровь отхлынула от лица, и увидев это, юнцы поспешили выскочить, как только троллейбус остановился. Самое печальное, что пассажиры никак не отреагировали на эту сцену.

Но всё же есть и отрадные примеры, которые дают надежду, что это случайное явление, что это не навсегда. Вот чему я стал свидетелем, когда возвращался в Севастополь после того, как навестил свою родню в Рогатике. Я шёл по центральной улице Курска, а впереди меня шёл ветеран, при всех своих орденах и медалях. Навстречу ему двигалась группа молодых солдат и когда между ними оставалось метров тридцать, сержант, дал команду: "Смирно! Равнение... на ле-во!" И бойцы прошли мимо ветерана торжественным чеканным шагом, а он, совсем не по-военному, поклонился и сказал: «Спасибо.» Признаться, я в это время почувствовал комок в горле, растрогался, подошёл к нему и увидел слёзы на глазах. Я тоже не выдержал и заплакал. Потом мы подняли головы, посмотрели друг на друга мокрыми от слёз глазами и расхохота-

лись. А ветеран сказал: "Как мало нам нужно..." Вот и все мои воспоминания, вернее те из них, которые сохранила память. Конечно, реальная жизнь намного сложнее и богаче, чем то, что я попытался изложить на этих страницах. Жизнь моя прошла в вечных трудах и на каждом переломе, когда я говорил себе: пора бы отдохнуть, заканчивалось тем, что приходили новые заботы. Вот и поныне, покой мне только снится.

Бессмертный полк

Я помню, я горжусь